

И.С. Менщиков

ВВЕДЕНИЕ В МЕТОДОЛОГИЮ ИСТОРИИ

Учебное пособие

Курганский
государственный
университет

редакционно-издательский
центр
41-71-07

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования**

«Курганский государственный университет»

И.С. Менщиков

ВВЕДЕНИЕ В МЕТОДОЛОГИЮ ИСТОРИИ

Учебное пособие

Курган 2015

УДК 930.2

ББК 63

М 50

Рецензенты

М.С. Бобкова, доктор исторических наук, профессор института всеобщей истории РАН;

П.Ф. Комогоров, канд. пед. наук, доцент, администрация Курганской области.

Печатается по решению методического совета Курганского государственного университета.

Менщиков И. С.

Введение в методологию истории : учебное пособие – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. – 208 с.

В учебном пособии анализируются основные течения теории и методологии исторического знания. Автор рассматривает методологические проблемы современной исторической науки и предлагаемые в различных школах и направлениях пути их решения. В книге уделено внимание основным методам и методикам, применяемым в исторических исследованиях. Данное учебное пособие написано на основе курса лекций по теории и методологии истории, прочитанных в Курганском государственном университете в 2000-2014 гг.

Пособие предназначено для студентов и магистрантов исторических факультетов.

ISBN 978-5-4217-0314-3

УДК 930.2

ББК 63

© Курганский
государственный
университет, 2015
© Менщиков И.С., 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
Введение.....	5
Глава 1 Предмет исторической науки	9
Глава 2. Особенности исторического познания.....	33
Глава 3. Проблема актуальности исторического исследования.....	42
Глава 4. Роль исторического источника в историческом познании	52
Глава 5. Исторический факт.....	66
Глава 6 Уровни исторического исследования.....	80
Глава 7. История и время. Проблема периодизации.	84
Глава 8 История и пространство. Проблема историческоо региона.....	92
Глава 9. Роль терминов и понятий в языке историка	100
Глава 10. Историческая альтернативность как методологическая проблема ...	106
Глава 11. Социальные функции исторической науки	116
Глава 12. Роль принципа в историческом исследовании	135
Глава 13. Роль метода в научном познании. Общенаучные методы в историческом исследовании.....	144
Глава 14. Основные методы исторического исследования.....	153
Глава 15. Проблема междисциплинарности. Возможности применения методов других наук в историческом исследовании.....	163
Глава 16. От исторического источника к историческому нарративу	174
Приложение А.....	188
Список литературы.....	207

Предисловие

Данное учебное пособие появилось в результате преподавания курса теории и методологии истории и обсуждения методологических проблем его автором. Непосредственным поводом для написания пособия стало то обстоятельство, что у студентов исторического факультета нет доступных учебников. Не то чтобы их совсем не было. Однако то, что имеется либо представлено в единичных экземплярах либо несколько устарело, либо написано так, что может считаться скорее монографией, сборником статей или иным научным трудом. Работы такого типа стали выходить в последнее время достаточно часто, особенно в области, пограничной между историей, методологией истории и философией истории. Они содержат интересный материал, обобщенное изложение высказываний и теорий авторов, которые не всегда доступны студентам-историкам. Наконец, некоторые учебники откровенно устарели. Данный труд имеет другую, более прагматическую цель – завершить обучение ремеслу историка, дать представление о предмете исторической науки и его метаморфозах на протяжении времени, о способах и методах исторического познания и степени достоверности полученных результатов, о правилах проведения и оформления исторического исследования, будь то курсовая, дипломная работа или диссертация. Поэтому главный акцент был сделан на практическое использование изложенной информации.

Как уже отмечалось, данная книга родилась из курса лекций по методологии истории. При подготовке издания автор еще раз просмотрел свои записи, сверил цитаты и пришел к тому же выводу, что и известный французский историк Антуан Про. Он пишет в предисловии к своей книге: «Естественно, как всякий преподаватель, я построил свои лекции на размышлениях других. Мне доставило истинное наслаждение чтение Лакомба, Сеньобоса, Симиана, Блока, Февра, Марру или, из иностранцев, Коллингвуда, Козеллека, Хейдена Уайта, Вебера – всех не перечислишь. Желая разделить это удовольствие с читателем, я даю длинные выдержки из работ этих авторов и включаю их в собственный текст, ибо мне показалось бессмысленным пересказывать своими словами то, что уже сказано: одними – с блеском, другими – с юмором, всеми – со знанием дела. Отсюда и эти "рамки", через которые я не советую читателю перешагивать, для того чтобы скорее добраться до заключения: нередко они представляют собой неотъемлемые этапы рассуждения»¹.

Кроме того, предшественники высказались по многим вопросам лучше, чем автор этого учебника. Наконец, сопоставляя различные концептуальные подходы, мы сочли правильным предоставить слово самим представителям того иного направления. Именно всеми этими причинами автор руководствовался вставляя довольно длинные цитаты. Это позволит студентам сопоставить их и прийти к самостоятельному выбору той или иной методологической концепции.

¹ Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000. С. 6.

Введение: что такое методология

Понятие *методология* включает в себя как минимум два уровня понимания. Во-первых, это учение о методах какой-либо науки. Во-вторых это теоретическое обоснование применения этих методов.

Метод понимается как средство для достижения какой-либо цели. В нашем случае эта цель заключается в понимании исторической действительности. Метод представляет собой последовательную систему приёмов, операций и действий для достижения научной цели. Выбор метода исследования определяется как самим исследователем (объективная составляющая), так и исследовательскими задачами (субъективная составляющая).

Методология истории развивается в тесной связи с философией науки и философией истории, социологией, историографией. Принято считать, что методология и теория истории составляют некое единство и зависят друг от друга. Традиционно (и не только в отечественной историографии) историки испытывают неприязнь к теоретическим обобщениям как на уровне объяснения исторического процесса, так и на уровне теории исторического познания. Наиболее ярко это выразил С.Л. Утченко: «Давайте оставим историю историей. Пожалуй, она этого заслуживает». Вместе с тем развитие наук за последние два века требует от каждой из них некоей теории, включая и теорию методов и способов познания. Это привело к попыткам создания теоретико-методологического учения в последние десятилетия XIX века. Предлагались различные названия и различные подходы к наполнению содержания такого учения: «Историка», «Историология» и др. Победил в этом неявном соревновании термин «методология истории». Именно под таким названием вышли обобщающие труды великих русских историков В.О. Ключевского, А.С. Лаппо-Данилевского и других. На Западе такое название для новой дисциплины было принято не сразу и не везде.

В то же время вакантное предметное поле теории истории пытались ещё с середины XIX века занять философия и только что возникшая социология. По мнению представителей последней, история – набор никому ненужных фактов, которые невозможно обобщить и эмпирически проверить, а следовательно, построить теорию, выделить законы. Именно эту функцию, по их мнению, и должна взять на себя социология, а именно – создать объяснение прошлого, на основе чего можно научно прогнозировать будущее. Знание того, что сказал некий король или каково было поведение некоего генерала на поле боя, не является важным и существенным, а зачастую – просто непроверяемым, поскольку описание его содержится в одном единственном источнике. Философия, со

своей стороны, пыталась дать некие общие теории (нередко – умозрительные) исторического развития, исходя из которых историкам предлагалось строить свои исторические объяснения. Таким образом, истории отводилась в лучшем случае второстепенная роль. Наиболее ярким проявлением такого рода господства явился советский вариант марксизма (научный коммунизм).

В конце XIX – начале XX века были сильны позиции позитивизма. Под его влиянием оформилась классическая теория науки, в том числе классическая теория и методология истории. В работах западных (Э. Дройзен, Ш. Ланглау, Ш. Сеньобос) и отечественных (В.О. Ключевский, Р.Ю. Виппер, Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский) историков предприняты попытки изучить объекты исторической реальности, восстановить факты прошлого, которые сохранились в историческом источнике. Для повышения объективности исследования предлагалось максимально удалить личность исследователя от объекта изучения. Исторический факт стал своего рода идолом, которого предстояло найти, очистить от посторонних примесей, поставить на постамент и поклоняться. Доведя приёмы внешней и внутренней критики исторических источников до совершенства, подняв горы документов, опубликовав на современных языках множество источников, историки этой поры проделали великий труд. Однако они же свели теорию и методологию истории по сути дела к теории источниковедения, к методике критики и обработки источников.

Во второй трети XX века окончательно оформилась неклассическая наука и, соответственно, неклассическая методология истории. Главный акцент делается на построение социально-экономических объяснений, поиск структур.

С 1970-х годов нарастает влияние постмодернизма, меняется подход не только к темам исторического исследования, но и к предмету и методам познания истории. В настоящее время все три указанных подхода существуют параллельно.

Во второй половине XX века тенденция, направленная на выработку теории исторического процесса и методов его познания, окрепла. Все чаще появляются обобщающие или претендующие на обобщение труды по методологии и эпистемологии истории. Плюрализм подходов и плодотворная дискуссия между различными школами позволили продвинуть историческую науку вперед и в то же время создали почву для некоего единства в подходах обсуждаемых теоретических проблем.

В нашей стране ситуация сложилась принципиально иная. После того как марксистско-ленинская теория общественного развития была объявлена не только единственно верной, но и вообще единственной, историкам приходилось следовать основным догмам исторического материализма. Декларация приверженности верности принципам данного учения сделалась необходимой.

Иногда она носила ритуальный характер и заключалась в ссылках на классиков марксизма-ленинизма и решений последнего съезда и или компартии в водной части исследований.

По большей части влияние было более велико, особенно это касалось учебной литературы, где труды классиков марксизма-ленинизма помещались перед историческими источниками не только в порядке перечисления, но и по важности теоретической и информативной ценности. Никакой иной методологии, кроме методологии исторического материализма и марксистской диалектики, не допускалось. Она объявлялась единой и универсальной для всех видов наук. С начала 1960-х годов историкам и философам было разрешено в рамках общей марксистско-ленинской теории вырабатывать свои теоретические и методологические схемы. Так, например, появилась теория о «восточном способе производства» как некоем исключении из классической схемы смены общественно-экономических формаций. Дискуссия на эту тему велась несколько лет, затухая и обостряясь вновь. В конце советского периода появились работы по теории и методологии исторической науки таких авторов, как М.А. Барг, А.И. Ракитов, А.В. Гулыга, Г.М. Иванов, И.Д. Ковальченко. Обобщающая монография последнего до сих пор не утратила своей важности и актуальности, особенно в сфере практического применения методов, их теоретического обоснования и объяснения методов исторического исследования¹. В середине 1980-х годов появилось несколько интересных работ Б.Г. Могильницкого, включая учебник по методологии истории, один из первых в СССР².

В начале 90-х годов XX века методология истории в нашей стране столкнулась с большими трудностями. Это связано, прежде всего, с крахом СССР и господствовавшей идеологии. Поскольку в советское время существовала одна марксистско-ленинская методология, то между социологической теорией научного коммунизма и методологией истории не видели существенного различия. Кроме того, сыграло свою роль и извечное нежелание историков иметь какую-либо теоретическую схему. Это привело к увлечению сенсационными темами. Некоторые из них (советская история и «белые пятна» в ней) были обусловлены открывшимися источниками. Другие носили откровенно конъюнктурный характер и опирались на «жареные факты» и сенсационные находки. Возрождение интереса к методологии истории, поиску новых методологических путей можно отнести лишь к середине 1990-х годов.

Большую роль в этом сыграл Институт всеобщей истории Российской академии наук (ИВИ РАН), журнал «Новая и новейшая история», ежегодник

¹ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987. (Второе издание данного труда вышло в 2003 г.)

² Могильницкий Б. Г. Введение в методологию истории. М., 1989.

«Одиссей. Человек в истории». В настоящее время растет интерес не только к проблемам методологии истории, но и к её преподаванию. Следствием этого стало появление нескольких учебников и учебных пособий. Спектр их довольно широк: от постмодернистского эклектизма до попыток воссоздать под другим видом марксистско-ленинскую методологию образца 1980-х годов.

Еще в начале XX века многие историки отрицали не только наличие методологии истории, но и её необходимость. Довольно четко им ответил известный французский историк А.-И. Марру: «Здоровье научной дисциплины требует со стороны ученых беспокойства о методологии, заботы о теории того знания, которое применяется ими»¹. В настоящее время все реже встречается мнение, что никакая методология историку не нужна. Едва ли возможно достичь цели исторического исследования и написать по-настоящему грамотное научное сочинение (пусть даже на уровне дипломной работы), не имея навыков ремесла историка, не владея основными приемами, методами и методиками труда историка, не зная основных направлений и тем современной историографии.

¹ Цит. по: Медушевская О. М. Современное зарубежное источниковедение. М., 1983. С. 57.

Глава 1. Предмет исторической науки

Предметом науки обычно называют ту часть окружающего нас мира, которую она непосредственно изучает.

Деление наук по предмету зародилось еще в древности, когда самих наук как таковых ещё и не было. Однако в рамках философии возникли отдельные «искусства», которые позже стали называть пранауками. Так, Платон предложил двухуровневую систему деления¹, которая была позже переосмыслена в Древнем Риме и Средневековой Европе как «Семь свободных искусств», где под искусствами понимались науки, то есть занятия и упражнения, достойные свободного человека, в отличие от занятий, требующих физического труда. Сначала преподавался тривиум: грамматика, логика (или диалектика) и риторика, потом квадравиум: арифметика, а также геометрия, астрономия и музыка. Схема эта была принята с некоторыми изменениями и дополнениями для преподавания в средневековых школах и университетах.

Несколько иначе подошел к делению наук ученик Платона Аристотель. Он разделил науки на теоретические, цель которых – знание ради самого знания, творческие (или поэтические) и практические. К теоретическим наукам относятся физика, математика и «первая философия» или метафизика. К практическим наукам – этика, политика и др.

Аристотель полагал, что поэзия философичней и серьезней истории, ибо больше говорит об общем, в то время как история – о единичном: «Из сказанного ясно и то, что задача поэта – говорить не о том, что было, а о том, что могло бы быть, будучи возможно в силу вероятности или необходимости. Ибо историк и поэт различаются не тем, что один пишет стихами, а другой прозой (ведь и Геродота можно переложить в стихи, но сочинение его все равно останется историей), в стихах ли, в прозе ли – нет, различаются они тем, что один говорит о том, что было, а другой – о том, что могло бы быть. Поэтому поэзия философичнее и серьезнее истории, ибо поэзия больше говорит об общем, история – о единичном. Общее есть то, что по необходимости или вероятности такому-то [характеру] подобает говорить или делать то-то; это и стремится [показать] поэзия, давая [героям вымышленные] имена, А единичное – это, например, что сделал или претерпел Алкивиад. Поэзия содержит в себе более философского и серьезного элемента, чем история: она представляет более общее, а история – частное»². Поэт, таким образом, говорит о человеке вообще, историк – о кон-

¹ Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997. С. 28-29.

² Аристотель. Поэтика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. М., 1966. Т.4. С. 655.

кретном человеке. История в лучшем случае – вспомогательная дисциплина для риторики.

Таким образом, во времена Платона и Аристотеля история как отдельная отрасль знания существовала. С легкой руки Цицерона отцом истории считается Геродот (490/480 – ок. 425 до н.э.), но это не означает, конечно, что историческое знание до него не существовало.

Можно сказать, что стремление знать свое прошлое так же имманентно человеческому обществу, как наличие памяти у отдельного человека. Поэтому практически у всех народов есть представления о прошлом, чаще всего выраженные в форме мифов.

Мифу посвящено и посвящается множество работ, в том числе и мифу идеологическому. Если не вдаваться в теоретические дискуссии, то следует обозначить три понимания мифа, распространенных в науке. Во-первых, это архаический миф, главным признаком которого является синкретизм, это упрощенная образная схема мира, объясняющая и предписывающая определенный образ действий. Во-вторых, это художественный миф, распространенный в литературе. И, в-третьих, это социальный обман, вызванный к жизни процессами ремифологизации XX века и использующий искусственно возрожденные механизмы архаического мифа¹.

Оставляя в стороне особенности первобытного, или архаического, мышления, попробуем разобраться в том, какие же функции выполнял и продолжает выполнять миф. Вопрос этот достаточно сложен. Ответ на него уводит нас в дебри культурологических и антропологических школ и направлений, бурно развившихся в XX веке. Если же брать некие обобщенные варианты ответов, то можно выделить следующие функции мифа.

На первом месте, пожалуй, стоит объясняющая функция в самом широком смысле. Миф рассказывает, как появился человек и почему идет дождь, почему рыбы живут в воде, а у папуасов черная кожа. Объяснение упорядочивает мир, преодолевает дурную бесконечность, превращает хаос в космос². Миф объясняет сложное через простое, менее понятное через более понятное. Отсюда стремление мифического сознания (что, по всей видимости, является особенностью человеческого мышления) к дихотомии хорошее/плохое, жизнь/смерть, друг/враг³. Миф призван не только объяснить существующий мир, но и то, почему в нем не все так хорошо, чтобы не сказать – все плохо. Он

¹ Соловьев С. М. Идеологические мифы в современных учебниках истории // Отражение событий современной истории в общественном сознании и отечественной литературе (1985-2000) : материалы научно-практической конференции, 27-28 октября 2009 года. М., 2009. С. 227.

² Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 2006. С.169.

³ Там же. С.168.

справляется и с этой функцией, которую называют компенсаторной, или утешающей, а заодно подсказывает, как можно преодолеть существующее зло.

Наконец, в псевдоисторических и эпических мифах присутствует ярко выраженное объединяющее начало. Миф отсылает к единству предков у этнической группы или иным единствам у других социальных групп. Он указывает на их врагов, с которыми надо бороться, и тем самым требует сохранения единства этих групп. Это особенно заметно в различных героических сказаниях. Зло оказывается персонифицированным, а значит, с ним уже можно бороться. При этом герой всегда или почти всегда прав: если он идёт напролом, то это признак силы и мужества, а если пускается на хитрость, то признак недюжинного ума, тогда как антигерой в этих же случаях демонстрирует тупость («сила есть, ума не надо») или подлость, коварство.

Сказания о первопредках, культурных героях относятся к числу древнейших произведений человека¹. На их основе складываются монументальные эпические системы, которые чаще всего рассказывают о происхождении народа, его борьбе с врагами. Главными персонажами этих сказаний становятся герои, наделенные сверхъестественными свойствами и воплощающие представления людей об идеалах добра, чести, красоты и т.д., некий образец для подражания для грядущих поколений. Архаический эпос обобщает историческое прошлое посредством языка и концепций первобытных мифов, следуя при этом традиции первобытного повествовательного фольклора². Вся эта мифологическая составляющая, подпочва, по выражению Е.М. Мелетинского, сохраняется и в развитых, классических формах эпоса, таких как «Илиада». В отличие от архаической эпики эти сказания опираются на исторические предания и пользуются их «языком» для повествования о событиях далекого прошлого, но в то же время прошлого не мифического, а исторического, точнее – псевдоисторического. Главное различие здесь, по мнению Е.М. Мелетинского, не в степени достоверности рассказа, а в языке повествования. Эти рассказы оперируют не космическими терминами, а географическими названиями, историческими именами, этническими категориями. Время в таких эпосах строится по мифическому образцу, то есть как начальное, как время активных предков, но речь при этом идет не о творении мира, а о заре национальной истории, об устройстве древнейших государственных образований³. В этих сказаниях многое родственно мифу, но «шаманский» ореол эпического героя полностью отпадает,

¹ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. С.164-169.

² Там же. С. 269.

³ Там же. С. 276.

уступая место чисто воинской героической этике. Он не воспринимался как вымысел в отличие от сказки¹.

Интересно и отношение ко времени в рамках мифического сознания. Оно совершенно не имеет такого значения, как в нашем мире. То, что рассказывается в мифе, происходило вчера или тысячу лет назад – это неважно. Это находит своё выражение в словах, которыми обозначается время действия: «давным-давно», «как-то раз», «и вот однажды», «случилось так, что». Если и существуют конкретные единицы времени (день, месяц, год), то они почти всегда сводятся к сакральным числам: 1, 3, 7, 9, 12, 40. Для обозначения больших длительностей применяются числа 100 или 1000².

Мифы продолжают существовать и возникать и в наши дни. Попытаемся рассмотреть причины этого в исторической и идеологической сферах и выявить функции мифа. Как отмечает М. Леруа, «миф не столько отображает действительность, сколько преобразует её»³. Миф призван мобилизовать сторонников, демонизировать противников и дать правдоподобное объяснение событиям прошлого, он способен объяснить все события истории, разгадать все тайны. Обнаружив врага, миф помогает снять страхи, существующие в общественном сознании. Он настраивает общественные группы против такого «козла отпущения, источника коллективных тревог и опасений, чьими вредоносными действиями объясняются беды общества»⁴. Таким образом, миф не просто создается и навязывается, общество или некая общественная группа уже готовы принять его, равно как и объяснения и предсказания, которые он содержит. «Миф призван снять травму, воссоздать ускользающее единство окружающего мира, разломанного историческими драмами... Миф – это лекарство обиденного сознания и одновременно – его экспансия... И наряду с этим одним из главных признаков оказывается простота, схематизм, антиисторизм. Но в этом совпадении идеологического заказа с общественными настроениями кроется куда более серьезная опасность, чем просто идеологизация учебников. Забывание не может по-настоящему избавить от травмы, избавление от мучительных моментов истории обязательно оборачивается отказом от рационального познания, а значит – неизбежностью использования невежества в целях манипуляции»⁵.

Как уже отмечалось, склонность к созданию мифов присутствует и в наши дни, причем как на бытовом, так и на профессиональном уровне⁶. По всей видимости, такова природа человеческого сознания. Мифологизация прошлого

¹ Там же.

² Савельева И. М., Полетаев А. В. Теория исторического знания. СПб., 2007. С. 74-79. См. также их интересную монографию: Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время: в поисках утраченного. М., 1997.

³ Леруа М. Миф об иезуитах: от Беранже до Мишле. М., 2001. С. 418.

⁴ Там же. С. 437.

⁵ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 427- 428.

⁶ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. С. 9-10, 163-164.

– одна из основных составляющих этого явления. Мифологизация активно представлена в историософии, где нет конца рассуждениям о корнях, истоках, путях, ступенях и т.д.¹. И.М. Савельева и А.В. Полетаев отмечают, что эти архаические, или мифологические, способы конструирования прошлого играют особую роль в идеологии. «Достаточно напомнить, – пишут они, – мифы о первопредках и мифических героях... Эти два типических элемента архаического знания по сей день выступают в качестве прототипов при формировании образов прошлого (прошлого данной нации и её исторических деятелей)»².

Мифы присутствуют как в историческом сознании широких масс (например, миф о том, как Екатерина II продала Аляску США), так и в историографии. Однако почему миф находит свое место в исторической науке, которая в силу самой принадлежности к науке как таковой враждебно должна относиться к любым попыткам мифологизации прошлого или во всяком случае представлений о нем? Допущение мифа в предметное поле исторической науки происходит, по нашему мнению, в силу двух причин. В первом случае историк добросовестно пересказывает или даже создает миф в рамках своего нарратива. Это может происходить от того, что историк недостаточно подготовлен в профессиональном смысле и не всегда способен отделить вымысел предшественника от правды. Так, например, в многочисленных учебниках и даже монографиях повторяются слова Людовика XIV «Государство – это я», которых он никогда не произносил и которые не отражены ни в одном историческом источнике³. Однако действует историографическая традиция и доверие к предшествующим авторитетам. Так появляются и закрепляются представления о том, что Петр I был «хорошим» царем, а Павел I, напротив, «плохим»⁴.

Историк может сознательно заниматься упрощением истории и созданием неких мифов, когда этого требует аудитория. Например, в учебниках по истории для школ неизбежно упрощение хотя бы только потому, что детское мышление не в состоянии понять сложность исторического процесса. Подобное же явление можно встретить и в научно-популярных изданиях, адресованных широкой публике. Ясность и понятность изложения требуют определенных жертв. Вместе с тем нельзя не отметить, что именно школьные учебники являются главным хранилищем и рассадником исторических мифов, которые к тому же имеют претензии на научность. В меньшей степени это замечание применимо к учебным пособиям для высшей школы.

¹ Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. Т.1. Конструирование прошлого. СПб., 2003. С. 253.

² Там же.

³ Блюш Ф. Людовик XIV. М., 1998. С. 92-93.

⁴ См. подробнее: Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. Т.1. С. 252-254.

Однако наиболее частой причиной создания мифа является политическая и идеологическая конъюнктура. Наиболее ярким примером является случай прямого заказа. Еще с незапамятных времен правители и вельможи заказывали исторические сочинения, призванные возвеличить их и опорочить врагов. В последние двести лет в этом качестве все чаще выступает государство, а история становится заложником политики. Достаточно вспомнить целую плеяду советских историков, которые были вынуждены либо писать в духе официальной идеологии, либо в лучшем случае молчать. «Мало кто из историков, от Фрейзинга до Вольтера, от Полибия до Лависса, от Тацита до Моммзена, во имя науки не был бы на службе у коронованного лица, у государства, у отечества или у какой-нибудь партии», – отмечает М. Ферро¹.

Можно припомнить и случаи, когда перо «историка» откровенно продавалось. Примером того может стать Лео Таксиль (настоящее имя Габриэль Антуан Жоган-Пажес). В годы, когда Гамбетта провозгласил: «Клерикализм – вот враг», он выступил с серией антирелигиозных памфлетов. Наиболее известный из них «Священный вертеп», написанный по заказу Антиклерикального общества в 1879 г. В книге, написанной с претензиями на историчность, автор показывает «ложь, предательство, убийство, стяжательство, разврат – основные деяния тех, кто провозглашал себя наместниками Бога на земле, проповедовал терпение, кротость и смирение»². Затем Таксиль раскаялся и занялся сочинением историй о мировом жидо-массонском заговоре и поклонении дьяволу, а потом он заявил, что все эти двенадцать лет водил римскую церковь за нос и выпустил «Забавную Библию». Книги Таксиля – это по большей части собрание басен и побасенок, непроверенных фактов и сомнительных источников. Но «факты», приведенные, скажем, в «Священном вертепе» по истории папства, охотно приводились в советских учебниках и научно-популярной литературе без всякой дополнительной проверки.

Даже великие историки не избежали участи сознательных мифотворцев. Мифы, созданные их пером, получили особую весомость, благодаря их именам и их таланту. Можно вспомнить известного французского историка Ж. Мишле. «XVI и XVII векам, – пишет он, – я устроил ужасный праздник. Рабле и Вольтер смеялись в своих могилах. Околевшие божества, истлевшие короли предстали без покрывала. Пошлая история условностей, это стыдливая недотрога, наконец, исчезла. Безжалостному анализу было подвергнуто правление покойников от Медичи до Людовика XIV»³. В этой цитате особенно настораживает

¹ Ферро М. Кино и история // Вопросы истории. 1993. № 2. С.47. (Под Фрейзингом здесь имеется в виду средневековый историк епископ Оттон Фрейзингенский)

² Таксиль Л. Священный вертеп. М., 1988. С. 4.

³ Цит. по: Блюш Ф. Указ. соч. С. 6.

не только излишне эмоциональный тон, но и фраза «безжалостный анализ». Именно безжалостный, а не беспристрастный или глубокий. Великий французский историк внес немалый вклад в критику «Старого режима», принеся историческую истину в жертву своим убеждениям.

Другой видный французский историк, Эрнест Лависс, был фактически официальным историком Третьей республики в конце XIX – начале XX века. Многочисленные издания по истории, начиная со школьных и кончая обобщающими исторически курсами, не избежали прямого или косвенного влияния этого историка, которое сохраняется и по сей день. Ф. Блюш отмечает, что для Э. Лависса характерен большой научный подход, но, излагая факты истории «Старого режима» и Французской революции, он «всё время перемещается из кресла судьи в кресло обвинителя, словно изображает суд истории. Разумеется, он смотрит на вещи шире, чем Мишле. В изданиях, предназначенных для взрослых, он более сдержан. Но в учебниках для начальной школы он повторяет устоявшиеся мифы»¹.

Сходные случаи мы можем обнаружить и в отечественной историографии. Мы оставляем в стороне спорные вопросы истории XX века, для нас могут быть интересны мифы, связанные с возникновением государства и русичей. Пресловутый спор так называемых норманистов и антинорманистов в советской историографии был решен однозначно. Здесь свою роль сыграл выдающийся историк академик Б.А. Рыбаков. Разбор его научного наследия выходит за рамки данной статьи, а критика его теорий была бы излишне самоуверенной с нашей стороны. Рассмотрим поэтому в нескольких предложениях критическую статью А.П. Новосельцева, в которой он раскрывает мифотворческую составляющую трудов академика Рыбакова. «Уже в ранних трудах Рыбакова намечилось стремление внедрить в историографию ряд положений и трактовок, не опирающихся на источники, надуманных, конъюнктурных. Пример – его статьи начала 50-х годов о Хазарии»². Последовательно и методично анализируя труды Рыбакова, А.П. Новосельцев отметил ряд нятяжек в использовании источников. Полулегендарный Кий становится родоначальком туземной династии «и все это для того, чтобы развенчать мифический норманизм, якобы и ныне подрывающий устои нашей исторической науки». Продолжая анализ работы Рыбакова «Киевская Русь и русские княжества в IX-XIII вв.», он указывал, что её автор старается принизить историческое значение второго (после Киева) центра древней Руси – Новгорода. Рыбаков такую роль Новгорода не признает, и Новгород превращается под его пером в «крепостицу», построенную или самими словенами, или киевским князем в северных пределах государства. Фак-

¹ Блюш Ф. Указ. соч. С. 6.

² Новосельцев А. П. «Мир истории» или миф истории? // Вопросы истории. 1993. №1. С. 24.

тически Рыбаков борется даже не столько с тезисом норманистов об основании Древнерусского государства варягами, сколько против возможности рождения восточнославянской государственности на Русском Севере. «Вот такой "мир истории" подарил читателю Рыбаков! Его фантазия создает порой впечатляющие (для неспециалистов) картины прошлого, не имеющие, однако, ничего общего с тем, что мы знаем из сохранившихся источников. Любая наука нуждается в гипотезах, но то, что делает с историей Руси Рыбаков, к научным гипотезам отнести нельзя»¹.

Итак, мы видим, как миф попадает в солидные монографии, а не просто в учебники. Между легендой и подлинным историческим сочинением существует большой разрыв и по мере удаления события от наших дней разрыв продолжает увеличиваться. «Легенды упрямы! Они редко когда склоняются перед напором очевидных фактов... воображение невозможно сковать логикой и здравым смыслом. К загадкам можно найти разгадки, легенды же бессмертны»².

Выше уже говорилось, что простые объяснительные схемы помогают не только выстроить простые, а лучше сказать – упрощенные причинно-следственные связи, но и снять напряжение в общественных группах. Исторические мифы помогают этим группам получить представление о своем прошлом, объединиться и обнаружить образ врага не только в настоящем, но и в прошлом. «Миф черпает свою легитимность и убедительность в повторении одних и тех слов и образов»³. Тем самым можно объяснить многие недостатки современного общественного развития и выявить, что в общественных бедах виноваты монголо-татарское иго, бояре-изменники, глупые цари или жидомасонские заговоры. Простота таких объяснений и романтическая загадочность помогают «черным легендам» или «белым легендам» закрепиться в историческом сознании, самовоспроизводиться и фактически подменять истину.

Наряду с такой народной (и сакральной) формой, как миф, историческое знание существовало в форме разного рода хроник. Разумеется, эта форма возникла только после появления письменности. В древнейших летописях содержатся упоминания о деяниях царей, о тех или иных социальных или природных явлениях и т.п., однако это нельзя назвать историей в полном смысле. Исторические события представлены в них бессистемно, в лучшем случае в хронологической последовательности, отсутствуют и внятные объяснения, и причинно-следственные связи между событиями.

¹ Там же. С. 31-32.

² Птифис Ж.-К. Железная маска: между историей и легендой. М., 2006. С. 245-246.

³ Леруа М. Указ. соч. С.18.

Родиной исторического знания считается Древняя Греция. Именно тогда возникла и история со своим предметом. Что же изучает история? Ответ на этот вопрос одновременно и прост, и сложен. Очень часто говорят, что предмет исторической науки сам историчен. Это означает, что на протяжении веков в поле изучения истории попадали разные аспекты прошлого, на разных временных этапах историков интересовали разные темы прошлого человечества. Об изменении и расширении предмета исторического знания и пойдет далее речь.

В Древней Греции в VI-V вв. до н.э. появились первые прозаические произведения, которые отходят и от традиции героического эпоса, и от традиционных хроник. Это были труды так называемых логографов. Они считали, что в основе эпической традиции лежат вполне реальные события, и пытались выявить их, идя по пути рационалистического толкования мифов, устранения из них несообразностей, сверхъестественного элемента. От сочинений логографов сохранились лишь скудные фрагменты. Те части, что дошли до нас позволяют судить, что в этих работах присутствовало довольно эклектичное описание отдельных стран и городов. Логографы были главным образом собирателями занимательных сведений и почти не занимались критической проверкой их. Кроме того, вероятно, многое они добавляли по собственному разумению. В этих рассказах изложение касается обычно истории города или рода, в них нет еще стремления найти какую-либо связь между отдельными событиями. Их рассказы занимают промежуточное место между эпосом и историей в нашем понимании. Цель исторического знания мыслится в таких рассказах как стремление сохранить сведения об основателях родов или полисов и их дальнейшем существовании.

Однако, как уже говорилось, традиционно «отцом истории» считается Геродот. Собственно так он и назвал свое фундаментальное творение, которое переводится с ионийского диалекта как расследование, узнавание, дознание¹. Несмотря на то, что в «Истории» содержатся самые разнообразные сведения по географии, этнографии, биологии и т.п., книга подчинена одной цели – объяснить, почему эллины и персы воевали друг с другом. Отвечая на этот вопрос, Геродот выстроил цепь причинно-следственных связей, которые позволили ему подняться даже до философских и теологических обобщений. Персы нарушили закон меры и пытались противостоять року, за что и заплатили поражением в войнах. Это и есть основной закон истории.

Однако более интересно в работе Геродота то, что он впервые четко и ясно определил предмет истории и её метод. Предметом являются великие и достопамятные (то есть достойные памяти) деяния, задача историка состоит в со-

¹ Подробнее о значении слова «история» и эволюции его значений см.: Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. Т.1. С. 11-34.

хранении их, дабы они не пришли в забвение с течением времени¹. Метод историка состоит в том, чтобы собирать сведения очевидцев, а желательно и самому присутствовать при важных событиях. Геродот применяет приемы критики источника. Так он приводит различные версии события, дабы передать все, что слышал, но указывает, что такому-то рассказу он доверяет больше. Таким образом, можно сказать, что работа историка похожа на работу следователя, что и нашло отражение в названии науки.

По новому подошел к определению предмета и метода истории Фукидид (ок. 460-396 г до н.э.). Он подверг критике труд Геродота за его баснословность, рассказы о сильно удаленном прошлом, некритическое отношение к услышанному. В своей работе, которую позже называли «Пелопонесская война», он также определил предмет, цель и методы исторического познания. Он считал, что история – это философия на примерах, главная её задача – назидать и поучать на конкретных примерах. Поскольку человеческая природа одинакова, то люди в целом совершают те же ошибки, что и их предшественники, и имеют те же стремления: честолюбие, властолюбие, алчность, страх. Поэтому польза от изучения истории в том, чтобы избежать ошибок и научиться находить правильные решения. Поэтому историю Фукидида называют прагматической. Однако он не стремится подняться до слишком высоких философских обобщений, его задача – научить жить в политическом мире, а книга предназначена для тех, кто участвует в политике. Он на долгие века определил предмет исторического знания: государство, его внешняя и внутренняя политика, войны и выдающиеся участники всех этих событий. Кроме того, Фукидид положил начало традиции, которой следовали многие историки вплоть до начала XX века. Он вкладывал в уста своих героев слова и речи, которые они не произносили (во всяком случае, в том виде, как они приведены), но *должны были* произнести.

Завоевания Александра Македонского расширили горизонты греческой ойкумены. Это повлекло за собой географическое расширение предмета исторического знания. В эпоху эллинизма историки дают описание событий, отдаленных от своей эпохи. Например, жрец египетского города Гелиополя Манефон около 241 г. до н.э. по приказу царя Птолемея II составил знаменитую историю Египта, предназначенную для ознакомления греческого населения с далеким прошлым этой страны. Традиции периодизации египетской истории и произношения некоторых имени географических названий сохранились до наших дней. Греко-сирийские историки государства Селевкидов составили истории Индии и Вавилонии.

¹ Геродот. История. Л., 1972. С. 11.

Величайшим представителем эллинистической историографии был Полибий (около 201-120 г. до н.э.), грек из города Мегалополя. После поражения македонского царя Персея он в числе тысячи заложников был отправлен в Италию. В Риме Полибий прожил много лет, был принят в кругах римской аристократии, вошёл в тесные дружественные сношения с кружком Сципиона Африканского. Он написал «Всеобщую историю», которая во многом продолжает традиции Фукидида. Его труд рационалистичен, причины исторических событий он стремился видеть в окружающем, а не в сверхъестественном мире. События выстраиваются в большую, причинно обусловленную связь, и необходимо различать их подлинные причины и повод, который имеет только внешнюю форму причины. «Ибо простое описание происходившего, – писал он, – тоже интересно, однако оно не поучает: изучение истории становится плодотворным, лишь когда рассказ дополнен изложением причин».¹ Кроме того, Полибий считает нужным исключить рок из объяснения событий, допуская эту причину лишь тогда, когда невозможно объяснить произошедшее причинами естественного свойства. Интересной чертой греческой историографии является полное пренебрежение датами. Даже поздние греческие авторы используют те же способы датировки, что и Геродот: «вскоре после того», «вслед за тем» «тем временем» и т.д. По мнению французского историка Ф. Шатле, это объясняется не столько неразработанностью системы отсчета у греков, сколько восприятием времени и исторических событий. «В греческом уме, – пишет он, – полностью отсутствует идея изменения человечества во времени и через посредство времени, идея его свободы и изменения посредством собственной деятельности». События не имели для греков индивидуальности, т.е. места во времени. Отсюда характерная черта греческой историографии – полное отсутствие дат и точной хронологии событий².

Римская историография продолжила и творчески развила наследие Древней Греции. Основным предмет римской истории – город Рим и Римское государство. Не случайно римляне гордились, что знают историю своего города даже до его основания. Судя по тому, как часто римские ораторы (в частности, Цицерон) используют исторические примеры в своих публичных речах, знания о прошлом Рима не были достоянием только интеллектуальной элиты. В исторических сочинениях римских авторов гораздо чаще встречается датировка событий. В частности, можно пользоваться датировкой по годам правления консулов, которую активно использовали сами римляне. В Риме историописание считалось важным и почетным занятием, поэтому многие государственные деятели, особенно удалившиеся на покой, посвящали свой досуг занятиям истори-

¹ Ерофеев Н. А. Что такое история. М., 1976. С. 8.

² Там же. С. 10.

ей. К заслугам римских историков следует отнести широкое использование архивных источников и трудов своих предшественников, о которых мы знаем лишь потому, что о них упомянули Саллюстий, Светоний или Тит Ливий.

Гораздо более ярко и выпукло показаны в римской историографии (по сравнению с греческой) и личности исторических деятелей. Несколько изменило смысл и само слово «история», которое приняло значение «рассказ об интересном событии» или просто «рассказ». В этом смысле слово вошло во многие европейские языки. Римские историки присвоили себе и функции судьи. Так, Тацит говорил о том, что тираны, которые не боятся мнения своих современников, должны помнить о том, что потомки будут с содроганием и отвращением вспоминать их имена. В самом деле, оценки, данные римскими историками Калигуле, Нерону, Домициану или Гелиогабалу, мало изменились с тех времен, а эти имена стали нарицательными. Таким образом, историк приобрел функцию судьи, а не просто следователя.

Распространение христианства в Римской империи заметно изменило и предмет исторического знания. Христианство – историческая религия. Евангелия достаточно подробно описывают последние годы земной жизни Христа, хотя евангелисты отнюдь не ставили себе задачей написать Его биографию. Пятая книга Нового завета «Деяния апостолов» весьма подробно описывает историю христианской общины в Иерусалиме и странствия апостола Павла. Стил и язык этой книги стали образцом для многих христианских историков. Отцы Церкви основательно знали и исторические книги Ветхого завета и синтезировали из обеих частей Библии священную историю. Её центром стала история иудеев, а затем христиан, история распространения христианской веры. Особое место заняли жизнеописания первых христианских святых и особенно – мучеников (агиографии). Объединить разрозненные исторические рассказы в некое общее целое повествование довольно успешно попытались такие христианские историки, как Евсевий Кесарийский, Иероним Блаженный и Павел Орозий. Их исторические схемы от сотворения мира и грехопадения до времени их жизни стали образцовыми.

Заметный вклад в оформление западного понимания истории и исторического времени, а также предмета историописания сделал Августин Аврелий (354-430). Прежде всего, его труды оказали влияние на понимание времени (темпоральные представления). Он подверг критике циклические представления, столь характерные для Востока и Античности. Время носит направленный характер. Оно началось с грехопадения человека и закончится Страшным судом. Вечность, по Августину, не есть бесконечность времени, а его отсутствие, совершенно особое состояние, которое нам практически невозможно понять. История как процесс есть существование во времени, задача же истории как

науки (или искусства) в том, чтобы показать за временным – вечное, увидеть руку Провидения. Так, свой самый знаменитый труд «О граде Божьем» он написал через несколько лет после взятия Рима вестготами. Это событие оказало большое влияние на современников, которые считали Рим «вечным городом». Августин писал, что земные государства не стабильны по сравнению с общностями, созданными на основе духовного единения. Поэтому видеть в падении Рима предвестие конца света не стоит, да и сокрушаться по поводу падения «вечного города» не следует. Вечным является только небесный Иерусалим, Град Божий.

После падения Западной Римской империи завершилось разделение историографических традиций католического Запада и Византийской империи. В Византии традиции античного историописания были более сильны. Такие историки, как Прокопий Кесарийский, Феофилакт Симокатта, Михаил Пселл, Иоанн Скилица, Михаил Атталиат, несмотря на то, что их разделяют века, следовали традиции Фукидида и писали «современную историю», то есть описывали события, происходившие во время их жизни или незадолго до их рождения. Эти работы отличает высокий стиль, поскольку их авторы были риторами или придворными чиновниками (несмотря на монашеский сан). Основным предметом истории они считали жизнь и деятельность византийских императоров. Задачи исторического труда сводились к двум основным. Во-первых, доставлять удовольствие читателю, поскольку история – это жанр литературы. Отсюда стремление писать красивым и правильным языком, риторические обороты, драматизм повествования, яркие, хотя порой упрощенные портреты царей и государственных деятелей. Вторая задача исторического труда – дидактическая, поучающая. Следствием этого стало морализаторство, приведение поучающих примеров, вставка вымышленных речей и т.д. Интересно то, что, несмотря на духовный сан многих авторов, их «Истории», «Хронографии», «Хроники» носят вполне светский характер. Кроме того, помня о том, что главными задачами исторического труда являются гедонистическая и дидактическая (развлекать и поучать), эти авторы стараются рассказывать правдиво, во всяком случае заявляют об этом.

Второе направление византийской историографии развивает традиции всеобщей истории и церковной истории. Представители этого направления пытались создать глобальную историю от начала времен до времени, в котором они жили. Так, в своей «Хронографии» Иоанн Малала (ок. 491-578) пересказывает древнегреческие мифы и историю Древней Греции, затем дает пересказ Священной истории, вольное изложение троянской войны, историю восточных царств и, наконец, историю Рима и Византии. Эту работу активно использовали и вставля-

ли в свои летописи византийские и древнерусские авторы. Эту же традицию продолжили Георгий Амартол, Феофан Исповедник и др.

Несколько иначе развивалось историописание на Средневековом Западе. Здесь возникло два основных жанра: история (или деяния) и хроника (анналы). Первый из них делает акцент на рассказ, описание, подчеркивание индивидуального. Авторы «историй» пытались показать не просто действия отдельных личностей, а воплощенные в них институты церкви, государства, рыцарства, воинства и т.п. Хроники носят более сухой характер, их задача – сохранить в памяти удивительные события самого разного характера: появление кометы, голод, свадьба дочери сеньора, нападение на монастырь разбойников, посещение епископа и т.д. Хроники нередко начинали повествование от сотворения мира и носили компилятивный характер. Впрочем, их составители и не претендовали на особое авторство. Такие труды, как «Большие французские хроники», писались и дополнялись на протяжении веков. Как правило, историками на Западе были клирики, от монахов до епископов. Поэтому провиденциализм представлен в них в полной мере, а сюжеты не носят такого светского характера, как в Византии, где грамотность была куда выше, а читателями были только представители клира¹.

В развитое и позднее Средневековье историей заинтересовались и представители феодального сословия. Героические деяния нашли своеобразное и зачастую далекое от реальности воплощение в поэзии трубадуров. В лэ, шансон-де-жестах, рыцарских романах содержались рассказы о подвигах Александра Македонского, короля Артура, Карла Великого и Роланда, а также более близких знакомых рыцарей, крестовых походах. Более интересны и правдивы с исторической точки зрения прозаические работы, такие как «Завоевание Константинополя» Жоффруа де Виллардуэна, «Жизнь и деяния Людовика Святого» Жана де Жуанвиля или «Хроники» Фруассара. Эти авторы большее внимание уделяют войнам, сражениям, деталям светской жизни. Однако и в этих работах представлен провиденциалистский взгляд на историю. Именно в исторических перипетиях видно вмешательство Бога, следовательно, знание истории есть шаг на пути к богопознанию². Именно так и понимают задачи истории многие средневековые авторы. Например, Ордрик Виталий (1075-1143) в своей «Церковной истории» так определял задачи историка: «В историческом труде все должно быть изложено во славу Творца и подлинного руководителя всех вещей. Ибо Предвечный Создатель и поныне непосредственно направляет всю историю чу-

¹ Подробнее о средневековой историографии см.: Гене Б. История и историческая культура Средневекового Запада. М., 2002.

² Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. М., 2004. С. 87.

десным образом»¹. Средневековый историк Иоанн Солсберийский также высказывал мнение, что история необходима, поскольку «зрелище прошлого помогает нам... понять планы и намерения Бога»².

Беда Достопочтенный (672 или 673-735) в своей «Церковной истории англов» делает акцент на продвижении от языческой племенной раздробленности к христианскому универсализму. Об этом говорится уже в первой главе «Истории», где Беда пишет, что все народы и языки Британии объединяются божественной мудростью и ее языком – латынью. Главное проявление силы английской церкви – чудо. Именно оно подтверждает Божью мощь и заботу о людях и служит обращению неверующих или укреплению усомнившихся. По его мнению, история – собрание примеров, побуждающих подражать добрым поступкам и остерегаться дурных³. В целом же в средневековой историографии присутствует тема, которую Гвибер Ножанский вынес в заглавие своего исторического труда: «Деяния Бога, совершенные через франков», если, конечно, заменить слово «франков» на людей вообще.

Эпоха Возрождения была сложным и неоднородным явлением. В Италии и близких ей регионах происходила секуляризация гуманитарного знания и исторического, в частности. Напротив, на севере Европы, где возник и получил развитие протестантизм, теологическое понимание истории только укрепилось. Если рассматривать наиболее ярких представителей ренессансного историописания, то можно обнаружить попытку возрождения традиционных тем античных историков. История – учительница прежде всего для государственных мужей, поэтому им необходимо знать примеры поведения их предшественников. Никколо Макиавелли (1469-1527) в своих политических трактатах, таких как «Государь», «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», «Жизнь Каструччо Кастракани из Лукки», активно приводит примеры как из относительно недавнего для него прошлого, так и из античной эпохи. Он указывает на то, как надо правильно поступать, чтобы достичь власти и успеха и удержать их, а вовсе не на то, как надо поступать хорошо. История становится не учительницей морали, а учительницей политики. Предметом труда историка должны стать выдающиеся политики, а вовсе не хорошие люди. Сам Макиавелли в своих исторических трудах в целом следовал этой схеме. Роль античного рока и средневекового Провидения в исторических произведениях эпохи ренессанса заняла слепая Фортуна, случай, который может разрушить труд самых умных и энергичных людей. В качестве примера Макиавелли приводит Чезаре Борджиа, который был близок к созданию единого государства в Центральной Италии, но

¹ Ерофеев Н.А. Указ соч. С. 11.

² Там же.

³ Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов. СПб., 2001. С. 18.

внезапная болезнь помешали ему воспользоваться случаем и посадить на папский престол угодного ему человека. Вскоре все честолюбивые планы Чезаре рухнули, а сам он бежал из Италии и погиб.

XVII-XVIII века – время формирования современной европейской науки, окончательного отделения её от религии и философии. Наука перестала восприниматься как тайное знание, она поставила своей целью открытие законов окружающего мира и распространение полученных знаний, что особенно характерно для эпохи Просвещения. Применительно к истории это выразилось в отыскании и критике источников, попытке написания достаточно цельных исторических трудов. Вольтер призывал историков перестать писать историю королей и начать писать историю народов. Правда, сам ограничился только призывом, поскольку написал труды с такими названиями, которые говорят сами за себя: «Век Людовика XIV» «История Карла XII», «История Петра Великого». В конце эпохи Просвещения появились идеи исторического прогресса, то есть движения вперед от менее совершенного к более совершенному. В работах Тюрго и Кондорсе основным критерием прогресса выступает разум человека, который поэтапно освобождается от заблуждений и адекватно воспринимает мир и самого себя.

Для последних десятилетий Просвещения характерны попытки объединить философию и историю. Так, известный британский историк и философ Д. Юм в своей «Истории Англии» попытался отойти от простого изложения правления королей и показать развитие государства в Англии. Он заложил традиции точного цитирования источников эмпирического подхода к написанию истории, очень характерную для британской историографии. Предмет исторической науки для него – возникновение, расцвет и гибель империй. Его младший современник Э. Гиббон написал фундаментальный труд «История упадка и разрушения Римской империи». В этом многотомном труде автор продемонстрировал не только владение многочисленными источниками (правда, в основном опубликованными), но и литературный слог, который стал эталоном для многих поколений британских историков. Согласно Гиббону, предмет исторической науки – развитие государства, управление обществом, войны.

Великая французская революция не только перевернула общественный порядок в Европе, но и произвела переворот в сознании образованной части общества. Реакцией на революцию и предшествующую ей эпоху Просвещения стал романтизм. Изменилось и понимание смысла предмета и задач исторической науки. Произошло оформление исторических архивов и публикация исторических источников, в Париже была создана Школа хартий для подготовки грамотных архивистов и палеографов, затем аналогичные учреждения были созданы и в других странах. Одновременно завершился долгий период оформле-

ния истории в самостоятельную научную дисциплину со своими методами и методиками, школами и принципами работы. Она стала преподаваться на созданных исторических факультетах университетов.

С легкой руки представителей немецкой классической философии, особенно Гегеля, история стала пониматься как некий процесс с внутренними законами, которые человеческий разум в состоянии постичь. Это постижение возможно в рамках философии истории при очень высокой степени абстрагирования от конкретных исторических событий. Такой подход повлек за собой создание мощных историко-философских школ, таких как гегельянство, марксизм и некоторые другие. Согласно взглядам гегельянцев, история, а точнее философия истории, должна изучать самые общие законы, управляющие более частными законами, логику исторического процесса, развитие абсолютного духа во времени. С точки зрения марксистского подхода, история также должна изучать общие законы, но уже общественного развития. Это сближает историю с естественными науками.

Изучение экономического базиса позволяет понять более частные случаи общественного развития и упорядочить это в рамках строгой научной теории. Именно в этом смысле нужно понимать знаменитую фразу из «Немецкой идеологии» К. Маркса: «Мы знаем только одну единственную науку, науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон, её можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны; до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга»¹. Таким образом, предметом исторической науки становится комплекс социально-экономических отношений, образующий исторические формации (термин, заимствованный из геологии). Необходимо изучать производственные отношения и производительные силы, которые определяют природу общественно-экономической формации и порождают конфликт, приводящий к их смене и социальной революции, деятельность человека в обществе как закономерного процесса, развитие общества, познание сил, определяющих это развитие. По сути дела история превращается в социологию. Подобный подход на долгие годы определил тематику работ историков-марксистов (и близких к ним исследователей) как в нашей стране, так и за рубежом.

В XIX веке происходит формирование национальных историографических школ. Предметом исследования исторической науки становится история формирования наций и национальных государств. Об этом свидетельствуют названия капитальных трудов великих историков того времени, которые до сих

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд-е. 2. М., 1955. Т.3. С. 16.

пор оказывают безусловное влияние на историческое сознание: «История государства Российского» Н.М. Карамзина, (1766-1826), «История России» С.М. Соловьёва (1820-1879), «История Англии» Т. Маколей (1800-1859), «История цивилизации в Англии» Г.Т. Бокля (1821-1862), «История Франции» Ж. Мишле (1798-1874), «История цивилизации во Франции» Ф. Гизо (1787-1874), «История Соединенных Штатов» Дж. Банкрофта (1800-1891) «Двенадцать книг прусской истории» и другие аналогичные труды Л. фон Ранке (1795-1886).

В первой половине XIX века история заняла невиданное доселе место в сознании образованных людей, а историки – в обществе. Многие из них заняли правительственные посты (Гизо, Тьер, Маколей), влияние других было велико в других областях общественной жизни. Лекции Мишле проходили с аншлагом, точки зрения других, высказанные публично, оказывали заметное влияние на общественное мнение. Исторические и историко-приключенческие романы В. Скотта, А. Дюма, П. Мериме приобрели невиданную популярность. Как язвительно заметил устами своего героя О. де Бальзак, присутствие в заголовке фразы «в стиле Вальтера Скотта» автоматически обеспечивало успех даже посредственным сочинениям. Известный французский историк XX века Анри-Ирине Марру справедливо заметил об истории: «Вся культура ожидала ее суда. В один день она заняла место, которое ранее занимала философия, и стала выступать в роли руководителя и советчика. Хозяйка секретов прошлого, история, подобно придворным генеалогам, несла человечеству диплом о его благородстве, восстанавливала картину его триумфального шествия»¹.

Л. фон Ранке считал, что в исторический процесс это «осуществление божественного плана управления миром», причинно-следственные связи есть проявления этого плана, а задача историка – понять и разгадать их. Именно в этом ключе и следует понимать знаменитую фразу великого историка о том, что «всякая история непосредственно предстоит перед Богом». Не следует извлекать уроки из прошлого, нужно его понять. «История взяла на себя обязанность судить прошлое, изучать настоящее на благо грядущих веков. Эта работа не может служить источником вдохновения для таких возвышенных целей. Её цель состоит только в том, чтобы показать, как оно было на самом деле»².

Т. Маколей выразился в том же духе, но более образно: «Обязанность ученого сделать прошедшее настоящим, приблизить отдаленное... вызвать наших предков со всеми их особенностями языка, нравов, одежды; провести нас по их жилищам, посадить с ними за стол, обшарить их старомодные гардеробы, объяснить нам употребление их тяжеловесной домашней утвари»³.

¹ Ерофеев Н. А. Указ. соч. С. 38.

² Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997. С. 631.

³ Ерофеев Н. А. Указ. соч. С. 70.

В середине XIX века все большее влияние сначала во Франции, а затем и в других странах набирает позитивизм. Один из его основоположников, О. Конт (1798-1857), обрушился с критикой на современную ему историческую науку, отказав ей в праве называться наукой. Даже если исторические труды содержат правдивое (позитивное) знание о прошлом, то что нам дает знание о том, что такой-то папа написал что-то такому-то императору или королю? Задача науки – установление общих законов, а такие частные случаи, даже если они верны, ничего не добавляют к общему знанию о мире. Место истории среди литературы и метафизики, то есть довольно бессмысленных разговоров на совершенно бесполезные темы. Место истории должна занять социальная физика или социология, которая и должна найти законы развития общества.

Ответить на эту критику было довольно трудно, поскольку история действительно не вписывалась в стандартные правила нормальной науки. Многие крупные историки того времени признали, что история не может считаться строгой наукой. Известный французский историк Ш. Сеньобос рассматривал историю не как науку, а как особый процесс познания, метод исследования, которым пользуются и другие науки. Ф. Симиан (1873-1936), чье влияние на французскую науку первой половины XX века было огромным, заявлял, что история – не наука и никогда ею не станет, поскольку история имеет дело с единичным и частным, а нормальная наука – только с общим.

Факты истории, согласно позитивистской историографии, аналогичны фактам естественных наук и являются изолированными объектами, независимыми от познающего субъекта. Они присутствуют в готовом виде в источниках. Задача историка состоит в том, чтобы обнаружить эти факты, установить их подлинность, а затем построить из этих «кирпичиков»-фактов историческое сочинение. Историки-позитивисты довели до совершенства методы критики исторического источника, создав из него настоящий культ и пытаясь свести историческую науку к источниковедению. Известный английский историк и философ Р. Коллингвуд назвал такую историю историей ножниц и клея. Подобно тому, как редактор газеты при помощи этих приспособлений формирует из сообщений корреспондентов газетную полосу, историк ножниц и клея создает из сообщений источника свои произведения¹. «Если история означает историю ножниц и клея, когда историк в своих познаниях зависит от имеющихся у него готовых высказываний, а тексты, содержащие эти высказывания, называются его источниками, то легко дать определение источника. Источник – это текст, содержащий высказывание или высказывания о данном предмете. История ножниц и клея предохраняет себя от понимания истинной ценности собствен-

¹ Коллингвуд Р. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 245.

ных методов тем, что тщательно выбирает предметы своего исследования. Они должны быть, так сказать, поддающимися. Здесь часто дело обстоит так же, как в девятнадцатом столетии, когда пейзажисты защищали самих себя от осознания абсолютной ложности своей теории пейзажной живописи подбором того, что они называли живописной натурой... Историки ножиц и клея изучали периоды; они собирали все существующие свидетельства об ограниченной группе фактов, тщетно надеясь извлечь что-то ценное»¹. Тем не менее позитивизм еще долго удерживал позиции в европейской науке, а отголоски его сильны и сегодня. Упомянутый выше А.-И Марру вспоминал, что в 20-е годы XX века, когда он прибыл в Сорбонну, он был встречен «ослабевшим, но по-прежнему убежденным голосом старого Сеньобоса. Позитивизм оставался во Франции официальной философией ученых»².

Отвечая на критику позитивистов, известные немецкие философы Г. Риккерт и В. Виндельбанд высказали мысль, что не все науки должны преследовать цель построения обобщающих законов. Некоторые вещи ценны и интересны сами по себе, как целостные, единичные и неповторимые. Науки, которые изучают такие явления и предметы, должны максимально точно описать их. Задача истории состоит в максимально точном изображении действительности во всем её разнообразии. История есть процесс развития, что предполагает возникновение нового, в то время как научный закон предполагает неуклонное повторение одного и того же явления неограниченное число раз в схожих обстоятельствах.

Полемизируя с ними, другой немецкий философ и социолог М. Вебер (1864-1920) высказал мнение, что и в историческом процессе есть повторяющиеся элементы. М. Вебер полагал, что у исторической науки объективно нет предмета исследования. Он создается самим историком, его способностью и волей. Из бесконечных событий прошлого историк выхватывает фрагменты, которые наделяет смыслом. Из элементов исторической действительности формируется идеальный тип, который и служит её познанию. Идеальная типизация позволяла упорядочивать эмпирический материал, поставляемый конкретными исследованиями. К числу таких идеальных типов относится «капитализм» или «средневековое городское хозяйство».

Оригинальный и незаслуженно забытый русский историк и философ Л.П. Карсавин (1882-1952) рассматривал человечество как целостность. По его мнению, изучая исторический процесс как прогресс (экономический, социальный или иной), историки и социологи упускают противоречивость исторического процесса, что закрывает путь к подлинному пониманию прошлого. Пред-

¹ Там же. С. 265, 267

² Медушевская О. М. Современное зарубежное источниковедение. С. 88.

метод исторической науки является человечество в его социальном развитии, в едином и непрерывном процессе, ни одна из сторон которого не может быть названа однозначно причиной, определяющей остальные аспекты¹.

Уже процитированный выше Р. Коллингвуд также попытался ответить на вопрос, что является предметом истории: «Я отвечаю: *res gestae* – действия людей, совершенные в прошлом... история – это наука о *res gestae*, попытка ответить на вопрос о человеческих действиях, совершенных в прошлом. История есть интерпретация фактических данных (*evidence*) причем фактические данные – это собирательное имя для вещей, которые по отдельности называются документами. Документ же – вещь, существующая здесь и теперь, вещь такого рода, что историк, анализируя ее, может получить ответы на поставленные им вопросы о прошлых событиях... Познание самого себя означает познание того, что вы в состоянии сделать, а так как никто не может знать этого, не пытаясь действовать, то единственный ключ к ответу на вопрос, что может сделать человек, лежит в его прошлых действиях. Ценность истории поэтому и заключается в том, что благодаря ей мы узнаем, что человек сделал, и тем самым – что он собой представляет»².

В 20-е годы XX века группа энергичных французских ученых пришла к выводу о необходимости коренного изменения предмета и методологии исторической науки. Огромную роль в этом процессе сыграл выход в 1924 г. монографии М. Блока «Короли-чудотворцы», в которой он попытался объяснить истоки веры в то, что короли Франции могут исцелять наложением рук. В 1929 году Люсьен Февр и Марк Блок создали журнал «Анналы экономической и социальной истории», в котором стали публиковаться известные французские и зарубежные авторы. Журнал дал название целому направлению во французской историографии, известному как школа «Анналов».

Л. Февр и М. Блок призывали создать тотальную историю, то есть ту, которая рассматривает человека как социальное существо целиком, тотально в процессе исторического развития. По их мнению, история является не просто наукой, а комплексом научного знания, в котором объединены знания географии, демографии, экономики и т.д. Л. Февр призывал: «Историки, будьте географами! Будьте правоведами, социологами, психологами; не закрывайте глаза на то великое течение, которое с головокружительной скоростью обновляет науки о физическом мире»³. М. Блок предлагал рассматривать в качестве предмета истории человека во времени в его целостности, а познание историком

¹ Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. С. 211.

² Коллингвуд Р. Указ соч. С. 13-14.

³ Февр Л. Бои за историю. М., 1991, С. 37.

прошлого – это «встреча людей в веках»¹. «Человек, – продолжал эту мысль Л. Февр, – является средоточием всех присущих ему видов деятельности; историку позволительно с особенным интересом относиться к одному из этих видов, скажем, к деятельности экономической. Но при этом нельзя забывать, что любой из этих видов всегда затрагивает человека целиком... История – это наука о человеке, не будем забывать об этом»². Новое направление в историографии открыло и новые подходы к источникам, к пониманию истории как проблемы. Ведь историк не тот, кто знает, любил повторять Л. Февр, а тот, кто ищет. Во второй половине XX века многие установки школы «Анналов» стали аксиомами для историков.

Расширение предмета истории в XX века привело отчасти и к его распылению. В разных историографических школах делается упор на тот или иной аспект исторического знания. Так, «новая социальная история», продолжая традиции Э. Лабруса и Ф. Симиана, рассматривает в качестве предмета истории состояния общества и отношения отдельных социальных групп. Историческая антропология предлагает относиться к встрече с человеком прошлого так же, как поступает антрополог при встрече с человеком иной культуры. Задача историка понять обычаи, ценности, поведение, представления людей той или иной эпохи.

Гендерная история предлагает изучать социальные половые роли и уделять вниманию роли женщины в истории. Заметное место отводится соотношению частного и публичного, семье и внутрисемейным отношениям, идентификации и социальным ролям.

Такое направление, как микроистория, предлагает рассматривать частные явления, которые происходили в жизни отдельных людей прошлого, с целью выявления господствующих представлений и тенденций в обществе в целом. В рамках этого направления можно рассматривать одну деревню, семью или даже человека как типичного представителя своего времени, как это сделал К. Гинзбург на примере мельника из Фриули³.

С точки зрения пользующегося определенным влиянием постмодернистского направления в историографии, предмет истории (как и других аналогичных дисциплин) – текст, причем это понятие подменяет собой понятие исторического источника. Акцент перемещается с того, что хотел сказать автор источника, на то, что там прочитал исследователь и его понимание. Объективность знания при этом практически утрачивается, поскольку разница между belletristikой и историческим трудом сводится к текстологическим тонкостям.

¹ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. Таллинн, 1983. С. 19.

² Февр Л. Указ. соч. С. 26-27.

³ Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М., 2000.

Итак, с точки зрения марксистской (или, лучше сказать, советской историографии, чьи позиции до сих пор сильны), предметом исторической науки «являются все конкретные исторические закономерности, составляющие в своей совокупности живую ткань общественного процесса... История исследует конкретные, ограниченные определенными пространственно-временными рамками закономерности общественного развития, связанные с деятельностью людей, а также объективные предпосылки этой деятельности»¹.

Иное, более простое и одновременное более ёмкое определение предмета исторической науки дал Н.А. Ерофеев, который отмечал, что таковым является прошлая жизнь общества и общественного человека в их тесной связи, однако это еще не означает, что мы охватили все содержание исторической науки. «Из этого следует, что все общественные науки, в сущности, также до известной степени являются науками историческими. Поэтому сводить предмет истории лишь к прошлому общества и общественного человека нельзя: такое определение будет неточным. По-видимому, специфику предмета, которым занимается историческая наука, следует искать не в том, что она изучает, а скорее, в том, как она изучает, как подходит к изучению. В отличие от других наук об обществе, история изучает человека и общество в их развитии и свое главное внимание направляет на исследование тех изменений, которые происходят в различных разрезах жизни общества. Ее интересует, какие этапы прошли общество и общественный человек именно в своем развитии, какие сдвиги происходили в условиях существования общества и человека и как вместе с тем изменялись они сами. Конкретная история этого процесса изменения и является предметом исторической науки»². В пестром калейдоскопе событий, явлений и процессов, в их разносторонности и противоречивости история ищет общие связи, законы развития и функционирования общественного организма и его отдельных частей³. Изучая прошлое, человек и общество фактически познают сами себя. Об этом очень хорошо сказал лорд Болингброк: «Любовь к истории кажется неотделимой от человеческой природы, потому что она неотделима от любви к самому себе. Именно эта первопричина влечет нас... и к прошлым векам»⁴.

Таким образом, можно отметить, что предмет исторической науки понимается по-разному и довольно широко. Он расширяется и охватывает все новые стороны исторического прошлого. А. Марвик, комментируя это обстоятельство, замечает, что одно из самых больших преимуществ истории сегодня – то, что ничто не исключено. История может изучать все: экономику и экологию,

¹ Могильницкий Б. Г. О природе исторического познания. Томск, 1978. С. 56-57.

² Ерофеев Н. А. Указ. соч. С. 47-48.

³ Там же С. 131.

⁴ Болингброк Г. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978. С. 10.

социальные классы и социальные меньшинства, политическое и интеллектуальное развитие человечества. «История всегда с трудом поддавалась логическим дефинициям, – отмечает Дж Тош, – но теперь более, чем когда-либо, её можно адекватно охарактеризовать лишь в категориях парных противоположностей. Она занимается и событиями и структурами, индивидом и массой, ментальностью и материальными силами. Сами историки должны совмещать нарративные навыки с аналитическими, проявляя как сопереживание, так и отстраненность. Их дисциплина – это и воссоздание и объяснение событий, и наука и искусство; короче история – это гибрид, не поддающийся классификации»¹. Поэтому столь важно, что именно выберет историк в качестве предмета и какой цели он стремится достичь. Исходя из этого «кардинальный вопрос методологии истории – это вопрос о том, как изучать исчезнувший объект, т.е. объект, существовавший в прошлом. Поскольку объект познания в истории, как правило, невозможно наблюдать или воспроизвести экспериментально, возникает вопрос о реальности прошлого»². Любое знание о прошлой социальной реальности фактически конструирует её, однако эта конструкция (знания должна соответствовать определенным правилам, которые в большинстве своем подвижны и изменчивы). Современное историческое знание не является исключением, ибо «оно должно соответствовать набору требований, предъявляемых к общественно-научному знанию в целом»³. Историки конца XIX в. полагали, что их работа станет окончательной. Ш. Сеньобос был уверен, что истории древнего мира хватит самое большее на два поколения историков. Но это им только гренилось. «На самом деле нужно каждый раз вновь приниматься за написание истории с учетом новых вопросов и новых достижений... Всякая история есть отчет о достигнутых на данный момент успехах в изучении данной темы. Отсюда следует, что всякая история есть в то же время история истории. Вот почему каждая эпоха должна переписывать историю заново»⁴.

¹ Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000. С. 287.

² Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. Т.1. С. 243.

³ Там же. С. 244.

⁴ Про А. Указ. соч. С. 87.

Глава 2. Особенности исторического познания

В классической европейской теории познания сложилось четкое выделение познаваемого объекта и познающего субъекта. В науках, изучающих природу, объект и субъект познания составляют разные миры. Человек изучает внешний по отношению к себе мир, это взгляд на него со стороны. Совсем по-иному складываются взаимоотношения между объектом и субъектом науки в гуманитарном и социальном познании. В этом случае объект и субъект познавательного процесса относятся к одному миру, к миру людей, а сам этот процесс для познающего субъекта и для общества, к которому он принадлежит, в известном смысле представляет собой акт самопознания. Изучая по сути самого себя, человек не может подходить к себе как к камню или кислоте. Основано такое представление на том, что при всех различиях между людьми во времени, в характере цивилизации, в уровне и существе культуры есть нечто общее, что связывает человечество в единое целое. «Историк интересуется индивидами, а не экземплярами, какого-нибудь вида, как биолог», – заметил по этому поводу Р. Арон¹.

Кроме того, в отличие от камня или кислоты объект социально-гуманитарного познания обладает всеми чертами субъекта. Его действия подчинены его собственной воле, чувствам, стремлениям. Конечно, проявления воли, чувств и стремлений с течением времени постепенно стираются, однако они могут быть возвращены к жизни при обращении к документам прошлого, т.е. к источникам. Современный исследователь по мере того, как он начинает пристально изучать источники, как бы вживается в изучаемую эпоху, становится соучастником действий и процессов, которые он познает. В прошлом он усматривает аналогии современности, что ведет к тому, что он сочувствует одной из сторон изучаемого времени, а это неизбежно ограничивает его объективность. В естествознании подобная ситуация исключена. Таким образом, объект исторического познания связан с субъектом познания – историком, формируется им, зависит от него и от историографической ситуации времени творчества историка как части общей культурно-исторической ситуации. От субъекта исторического познания зависит не только выбор объекта, но и содержание исторического исследования. Как и в природе, познаваемый исторический объект существует независимо от познающего субъекта, но этот познаваемый, или исследуемый, объект в отличие от природы субъективен. Процесс познания субъектом истории выступает как процесс самопознания. «Самопознание есть такой тип познания, который является одновременно самым бесспорным и самым

¹ Арон Р. Избранное введение в философию истории. М., СПб., 2000. С. 234.

трудным для мысли, ибо оно нам предписывает факт единства субъекта и объекта. Отсюда следует, что благодаря бесконечной диалектике всякое самопознание является частью своего объекта, который оно неизбежно трансформирует, потому что этот самопознающий объект уже больше не является тем, чем был до осознания»¹. Наконец, цель, которую преследует самопознание, вопреки видимости, не определена.

Субъективность объекта историк обязан иметь в виду всегда, при любом историческом исследовании. Объясняя прошлое, он должен представлять себе цели и намерения действовавших в прошлом людей, партий, классов, более того, он обязан учитывать, что эти цели и намерения в какой-то степени были детерминированы (предопределены), порождены объективными условиями той эпохи (исторической географии, климата, экономического и политического строя и т.п.) и вытекали из них. «В каждом из нас имеется природное начало, его замечают, но не объясняют, – пишет Р. Арон, – следовательно, делают попытки приуменьшить его значение. Более того, с целью наблюдения объективируют другого и тем самым отнимают у него способность принимать решения, которую требуют для себя самого»².

Историческое исследование обладает еще целым рядом черт, которые существенно отличают его от исследования в «нормальной» науке.

Прежде всего, объект исследования удален от исследователя во времени и у нас нет возможности наблюдать его непосредственно. Мы не можем видеть, как двигались армии Наполеона или как происходило закрепощение крестьян. Из этого вытекает следующая сложность: невозможно поставить эксперимент и верифицировать (проверить опытным путем) научную гипотезу, как это делается в естественных науках. Как известно, при любом наблюдении, например солнечного затмения, ученые самым тщательным образом заранее разрабатывают всю его процедуру, стремятся сделать его возможно более точным, очень строго фиксируют каждый его момент и этап. Яркий образец преднамеренного наблюдения – эксперимент, т.е. искусственное воспроизведение тех или иных явлений, например, в физике или химии: вся процедура эксперимента продумывается и тщательно фиксируется. При желании любой ученый может не только ознакомиться со всеми деталями проведенного эксперимента, но и воспроизвести его сам. Изучая исторические материалы, историк, в сущности, также занимается наблюдением.

Но наблюдение в истории носит косвенный и опосредованный характер: исследователь изучает то, что уже не существует. Работа историка состоит, как

¹ Арон Р. Указ. соч. С. 251.

² Там же. С. 267.

пишет Р. Арон, «в наблюдении, которое опыт другого берет за объект»¹. Есть только свидетельства непосредственных участников исторических событий, которые не выбирали ни момента событий, ни своего места в них. Кроме того, участники часто видят отдельные стороны происходящего (далеко не всегда самые важные) и не всегда могут дать спокойную и объективную оценку. Поскольку, говоря о наблюдении, мы упомянули об эксперименте, здесь уместно сказать об этом подробнее. Существует мнение, что основное отличие истории от наук о природе заключается в том, что история лишена возможности ставить эксперименты, поскольку исторические явления неповторимы. Это не всегда верно. Но науки о природе тоже не всегда могут воспроизвести свой объект, например землетрясение. В тех случаях, когда объект не удается воспроизвести, все науки прибегают к созданию модели, т.е. изолируют и искусственно воспроизводят не все явление, а лишь его отдельные элементы. Например, физик, изучающий грозные разряды в атмосфере, может воссоздать «искусственную молнию» в лабораторных условиях. В истории, как уже говорилось, изоляция отдельных элементов предельно затруднена: вся специфика исторических явлений состоит именно в сочетании их неповторимых черт. Таким образом, исторический эксперимент возможен лишь в тех случаях, когда достижима изоляция хотя бы некоторых элементов исторического прошлого². Классическим примером можно назвать плавание Тура Хейердала на «Кон-Тики». Однако и этот эксперимент (как и плавание на «Ра» и «Тигресе») доказал лишь *возможность* пересечения океана древними мореплавателями, но отнюдь не доказал, что американские индейцы действительно доплыли до Полинезии и заселили её, а египетские корабли достигали берегов Америки и привозили оттуда драгоценные металлы.

Роль эксперимента в исторической науке, таким образом, весьма незначительна. Однако это не закрывает возможности для мысленного эксперимента. Следует отметить, что эта форма присутствует и в естественных науках, особенно таких как теоретическая физика или астрономия: исследователь тоже не может поставить эксперимент, но ставит мысленный эксперимент. Полученные факты вписываются (или не вписываются) в общую теорию и тем самым мысленный опыт либо подтверждает закономерности, либо нет. Историк ставит эксперимент, черпая информацию из источника. Подобно тому, как в естественных науках необходимо устранить случайные элементы или искажения самих приборов, в истории необходимо подвергнуть критике информацию источника, что позволяет вычленить достоверные знания о прошлом. Таким обра-

¹ Там же. С. 283.

² Ерофеев Н. А. Указ. соч. С. 89-92.

зом, эксперимент в истории все-таки возможен, хотя и в ограниченной форме¹.

Более того, исторические события предстают перед историком в завершённом виде, он не может просто повторить или наблюдать повторение событий. Следовательно, имея дело с уникальными событиями, историк превращается из ученого, который наблюдает, изучает и познаёт мир, в человека, который смотрит в калейдоскоп и просто любит неповторимыми комбинациями узоров, которые создают стекляшки и зеркала.

Кроме того, историк сталкивается еще с одной проблемой, о которой уже говорилось выше. Главным инструментом познания ему служит исторический источник. Однако автор источника является также субъектом. Он отбирает события в соответствии со своими склонностями, интересами и возможностями. Многие события навсегда канули в лету, потому что автор источника не имел желания или возможности зафиксировать их. То, что нам кажется чрезвычайно важным, автору представлялось совершенно несущественным и наоборот.

Наряду с этим историк сам определяет круг источников, исходя из своих возможностей и интересов, и тем самым вносит элемент субъективности в исследование. Историк не может писать также спокойно объективно о траектории полёта пули, как это может делать физик, если эта пуля убивает кого-либо. Ему трудно сохранять беспристрастность математика, складывая тысячи человеческих жизней, потерянных в ходе битвы. Поэтому историческое знание не может обходиться без оценок действий событий и людей. Исследуя химические или физические свойства вещей, явления в мире природы и т.п., которые не затрагивают прямо интересов исследователя, он может оценивать эти свойства объективными средствами, такими как структура, атомный вес, строение молекул и т.д. На заре научной химии, когда эти средства и критерии еще не были разработаны, существовало деление газов на «хорошие» (например, кислород) и «плохие» (например, углекислый газ). В истории дело обстоит сложнее в силу характера ее объекта. Прошрое, которое познает историк, является в какой-то степени его собственным прошлым, отнюдь не чуждо ему, оно тесно связано с интересами его времени, его убеждениями и его личными интересами. В истории мы имеем дело с людьми, а там, где люди, неизбежны общественные и личные симпатии и антипатии, которые влияют на оценку². Всматриваясь в побуждения людей, изучая их поступки и последствия этих поступков, историк не может обойтись без оценок, а в оценки вносит свое отношение. О познавательной роли оценок будет сказано ниже.

Ещё одной особенностью исторического познания является его ретроспективность. Историк приходится нередко идти назад: от следствия к при-

¹ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования С. 114.

² Ерофеев Н. А. Указ. соч. С. 89.

чине, а не наоборот, как это приято в других науках. Направленность исторического познания из настоящего в прошлое, от следствия к причине обуславливает его важнейшую особенность. Она имеет свои положительные и отрицательные (для процесса познания) черты. Положительное в ретроспективном характере исторического знания состоит в том, что изучаемое прошлое представляет собой завершённый процесс, его последствия и причины также известны (или могут быть известны) историку. Это позволяет рассматривать изучаемые явления и процессы в их исторической ретроспективе и перспективе, т.е. учитывая их предшествующее и последующие события. «Ретроспективное объяснение поведения другого подобно ретроспективному объяснению каждым своего собственного поведения», – отмечает Р. Арон¹.

Слабой стороной ретроспективного характера исторического познания является то, что не исключается возможность архаизации или осовременивания истолкования сути изучаемых явлений прошлого. Кроме того, возникает иллюзия, что события могли развиваться только так, а не иначе. Тогда от научного детерминизма совсем недалеко до исторического фатализма, о чем сказано в главе, посвященной проблеме альтернативности.

Другая особенность исторического познания (наряду с его ретроспективностью) состоит в том, что оно носит реконструктивный характер. В истории отсутствует возможность непосредственного чувственного восприятия прошлого. Отсюда возникает необходимость его реконструкции, восстановления в сознании историка по данным исторических источников. Всякая историческая реконструкция, т.е. попытка восстановления прошлого, есть, по своей природе, несомненно, историческая конструкция, как остроумно отметил А.Я. Гуревич. Мы строим новую картину, которая в конечном итоге соответствует каким-то ожиданиям, общим умонастроениям, коренным мыслительным установкам нашей эпохи. Но мы строим этот мир прошлого, исходя из тех посланий и указаний, которые мы черпаем в источниках; и чем более внимательно мы в них вслушиваемся, всматриваемся, тем скорее мы можем заполнить конкретным содержанием эти общие модели, проецируемые нами на прошлое. Здесь «идеальный тип» непрерывно проверяется историческим материалом, модифицируется в одних случаях и отвергается и заменяется новыми исследовательскими моделями в других. Этот тип является совершенно необходимым инструментом познания для всякого мыслящего и ответственно работающего историка².

Это характерно не только для исторического познания, справедливо отмечает И.Д. Ковальченко, но и для случаев, где информация, необходимая для чувственного восприятия объекта познания и формирования его образа, посту-

¹ Арон Р. Избранное. С. 267.

² Гуревич А. Я. Территория историка // Одиссей: Человек в истории, 1996. М., 1996. С. 89.

пает не в результате непосредственного восприятия черт и свойств объекта органами чувств познающего субъекта, а иными путями. В этом смысле вся информация об объектах познания, полученная в экспериментах посредством всякого рода приборов и приспособлений и зафиксированная тем или иным способом, является реконструированной. И вообще всякое познание, коль скоро оно состоит в отражении сознанием черт и свойств объективной реальности, является реконструктивным. Столь настойчивое подчеркивание реконструктивного характера научного знания обусловлено тем, что неправомерное приписывание этой черты почти исключительно исторической науке объективно ставит ее в особое, существенно отличное от других наук положение, что не соответствует действительности. Но реконструктивный характер исторического познания имеет и свои особенности. Всякое научное познание представляет собой субъективное отражение объективной реальности.

Историческое же знание является, по меньшей мере, дважды субъективизированным отражением, отмечает И.Д. Ковальченко. Первый уровень субъективизации имеет место при фиксировании исторической действительности той или иной эпохи творцами исторических источников, второй уровень связан с восприятием этой действительности историком на основе исторических источников. Естественно, что это делает историческое познание значительно более сложным по сравнению с теми областями науки, где такой двойной субъективизации нет. Использование историком в качестве исходной базы субъективизированной картины прошлого, оставленной его современниками, требует тщательного предварительного критического анализа этой картины для выявления степени адекватности и полноты отражения ею исторической действительности. Важность и самостоятельность этой задачи привели к возникновению специальной исторической дисциплины, занимающейся ее решением, – источниковедения. Таким образом, особенности исторического познания заключаются не в том, что именно оно обладает реконструктивным характером, а в том, что реконструкция прошлого в научном исследовании имеет ряд существенных специфических черт. Таковы основная специфика прошлого как объекта познания и ее проявления в историческом исследовании¹.

Кроме того, историк, изучая какие-либо события, явления или процессы, пытается их объяснить, ведь в этом смысл исторического исследования. Для этого ему приходится погружаться в предшествовавшие события, обнаруживать причины и предпосылки, порой выстраивать целую цепь событий, чтобы объяснить происхождение изучаемого процесса или события. Так, рассказ о Французской революции начинается обычно задолго до 1789 года. Можно сказать, что

¹ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. С.117-118.

историк читает детективный роман от конца к началу, причем многие страницы вырваны или повреждены. В этом чтении ему помогает его опыт и интуиция историка. Они позволяют снять или приподнять барьеры между прошлым и настоящим. «Мы испытываем удовольствие от ощущения восстановления их связи и боль от понимания невозвратимости прошлого»¹. В этом известный философ и историк Ф. Анкерсмит видит работу «возвышенного исторического опыта». Самой близкой к нему метафорой из нашей личной жизни является воспоминание о потерянной любви. «То, как мы чувствуем прошлое, не менее, а, возможно, даже более важно, чем то, что мы о нём знаем», – пишет он².

Наконец, историк, изучая прошлое, находясь при этом в настоящем, неизбежно вносит элемент презентизма (осовременивания) в это прошлое, точнее в представление о нём. Речь о презентизме и его месте в историческом познании пойдет ниже. Здесь уместно только сказать, что, поскольку историк воссоздает прошлое, он неизбежно привносит в процесс воссоздания современные ему материалы: мысли, оценки, интересы.

Оказывает влияние на осознание прошлого и идеология историка, его убеждения и взгляды, а также окружающая его политическая ситуация. Поэтому разные историки, придерживаясь разных убеждений не только по-разному оценивают то или иное историческое явление или процесс, но и по-разному его интерпретируют.

Необходимо также остановиться на относительности, релятивности исторического знания. Историки времен господства позитивизма были убеждены, что если уж не история, то социология могут иметь истинные и полные знания о прошлом. В советской историографии было принято признание объективной реальности прошлого, возможность познания которой не подвергалась сомнению. В западной историографии с начала XX века, а в отечественной с конца XX века вопрос о релятивности исторического знания стал подниматься все чаще. Относительность исторических знаний объясняется, прежде всего, зависимостью историка от источниковой базы. Источники субъективны, как было показано выше. Кроме того, источниковая база оказывается то слишком узкой, как это бывает в удаленные от нас периоды, то, наоборот, – слишком широкой, исследователь просто тонет в потоке информации, причем не всегда нужной или важной. На ограниченность исторических знаний влияет и невозможность использования историком эксперимента в полной мере. Чрезвычайно искажают достоверную картину прошлого конъюнктура, «злоба дня». Поэтому можно лишь согласиться со словами А.Я. Гуревича: «Восстановить картину того фрагмента прошлого, который мы исследуем, во всей полноте и бесконечном многообразии, во всех его

¹ Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. М., 2007. С. 32

² Там же. С. 32.

бесчисленных связях и переплетениях нам не дано»¹.

В заключение необходимо сказать несколько слов о понимании излагаемого вопроса в постмодернистской историографии и философии. В историографии постмодернизма текст как объект исследования приобретает несравненно большее значение, чем просто источник знаний о реальности прошлого. Собственно говоря, грань между субъектом и объектом размывается. Текст источника получает значение единственного остатка этой реальности, который доступен для исследовательского восприятия, рефлексии, построения авторских концептуальных конструкций на темы прошлого, и по существу – для субъективного прочтения и оценки того ушедшего в прошлое общества (автора как его представителя), которое оставило данный текст. Текст, таким образом, становится единственной реальностью.

Не случайно историки этого направления предпочитают использовать слово «текст» вместо слова «источник». Однако в свете представлений постмодернистской историографии выводы исследования по поводу изучаемого предмета, т.е. о смысле текстов, зависят не от объективного содержания самих текстов, а от субъективного фактора, в качестве которого выступает историк как субъект процесса познания. Поэтому к предмету исторического познания с точки зрения постмодернизма может быть отнесено взаимодействие между изучаемым текстом и историком, исследователем этого текста, особенности восприятия текста исследователем, связанные с культурно-историческим различием эпох, когда создавался и когда изучался текст, а также с психологическими чертами личности историка. Здесь уместно привести цитату Ф. Анкерсмита. Он пишет, что знание текста уже нельзя отличить от знания интерпретаций этого текста. Эта грань между текстом и его интерпретацией оказывается стертой. «Вследствие всех интерпретаций сам текст стал неопределенным, превратился в акварель, в которой линии красок проникают друг в друга. Это означает, что наивная вера в текст, якобы обладающий способностью предлагать решение проблем нашей интерпретации, стала столь же абсурдной, как и вера в данные погодного барометра»².

Главный вызов постмодернизма в истории направлен против ее представления об исторической реальности и, следовательно, об объекте исторического познания, которая выступает в новом толковании не как нечто внешнее познающему субъекту, а как то, что конструируется языковой и дискурсивной практикой, как справедливо отмечает Л.П. Репина. Язык рассматривается не как простое средство отражения и коммуникации, а как главный смыслообразующий фактор, который определяет мышление и поведение. Подчеркивается креативный, искусственный

¹ Гуревич А. Я. Территория историка. С. 84.

² Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М., 2003. С. 316.

характер исторического повествования, выстраивающего неравномерно сохранившиеся, отрывочные и нередко произвольно отобранные сведения источников в последовательный временной ряд. «От историка требуется пристальнее вчитываться в тексты, использовать новые средства для того, чтобы раскрыть то, что скрывается за прямыми высказываниями, и расшифровать смысл на первый взгляд едва различимых изменений в языке источника, анализировать правила и способы прочтения исторического текста той аудиторией, которой он предназначался, и многое другое. Серьезные изменения в связи с формированием постмодернистской парадигмы в историографии происходят в сфере профессионального сознания и самосознания историков, поскольку этот вызов заставляет пересмотреть традиционно сложившиеся представления о собственной профессии, о месте истории в системе гуманитарно-научного знания, о ее внутренней структуре и статусе ее субдисциплин, о своих исследовательских задачах»¹.

Итак, постмодернистская парадигма, которая прежде всего захватила господствующие позиции в современном литературоведении, распространив свое влияние на все сферы гуманитарного знания, поставила под сомнение «священных коров» историографии:

1) само понятие об исторической реальности, а с ним и собственную идентичность историка, его профессиональный суверенитет (по сути дела стирая казавшуюся нерушимой грань между историей и литературой);

2) критерии достоверности источника (размывая границу между фактом и вымыслом);

3) веру в возможности исторического познания и стремление к объективной истине².

Итак, постмодернистское понимание истории не ставит вопроса об особенностях исторического познания, поскольку таковых, по сути, не существует. Не существует принципиальной разницы между историческим научным трудом и историческим сочинением как таковым (эссе, роман и т.п.). Не существует и исторического источника. Есть только текст. К нему надо подходить как к тексту, с лингвистических позиций. Места для объективной критики источника остается очень мало. Историк может просто сказать: «Я так прочел, я так вижу». Это помещает историю из области науки в область современного абстрактного искусства. Допустимо ли это?

¹ Репина Л. П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей. 1996. М., 1996. С. 26-27

² Там же. С. 27.

Глава 3. Проблема актуальности исторического исследования

Актуальность научного исследования означает востребованность его, этого научного исследования, обществом. Актуальность в технических и естественных науках означает близость к важным задачам дня, практическую применимость для их решения. Впрочем, и здесь, как показывает опыт, далеко не всегда весьма актуальные вопросы встречали всеобщее понимание и поддержку.

Разумеется, каждый человек может заниматься тем, что ему интересно: строить дома из пластиковых бутылок или изобретать вечный двигатель, однако если работа не приносит пользу обществу или автор проекта не смог доказать его нужность, то общество вовсе не обязано финансировать такие работы. Так, французская академия наук отказалась даже рассматривать проекты вечно-го двигателя, коль скоро на настоящий момент доказано, что его невозможно создать.

В чем же состоит актуальность исторической науки и исторической науки, если они никакой практической пользы, в отличие от физики или даже географии, не приносят? На этот вопрос есть несколько ответов. Во-первых, история выполняет функцию социальной памяти. Подобно тому, как человек, страдающий амнезией, считается больным, так и общество, не имеющее представлений о своём прошлом, вряд ли можно считать здоровым. Во-вторых, история интересна сама по себе для многих людей. Конечно, есть люди, которые просто так, на досуге или перед сном читают учебник по физике или монографию по органической химии. Однако их немного, в то время как исторические (и псевдоисторические) книги довольно востребованы. Наконец, прошлое прорастает в настоящее. Без понимания его невозможно понять существование современных институтов, государственных границ, законодательных систем. Не случайно поэтому многие науки начинаются с пропедевтического курса истории этой науки.

Во всех развитых странах есть свои национальные архивы и историки, как профессия, и то и другое оплачивается из денег налогоплательщиков, по словам А. Марвика. Это в знак признания очевидного факта, что знание прошлого важно для общества. Конечно, знание прошлого не принесло легких решений проблем в Северной Ирландии, Балканах или Палестине. Но без досконального знания прошедших событий и обстоятельств мы даже не могли бы попытаться близко познакомиться с этими проблемами. Конечно, если история обладает этой огромной важностью для общества, то это должно быть обосновано рационально, а не исходя из политической идеологии.

Актуальность исторического исследования также предполагает, что оно нужно обществу. Поскольку оно, это исследование, как и вся историческая наука, не приносит прямой утилитарной пользы, актуальность надо понимать скорее как интерес общества или его части к той или иной исторической проблеме. В советской историографии и методологии истории этот вопрос был основательно раскрыт в работах В.В. Иванова, Б.Г. Могильницкого¹ и понимался как связь настоящего с историческим прошлым. Такое понимание уходит корнями в трактовку истории как учительницы жизни, когда прошлое может дать ответы на вопросы, которые волнуют современных людей. В этой связи появлялось и появляется немало исторических работ, авторы которых пытаются в той или иной мере удовлетворить этот интерес. Так, в конце 1980-х гг. появилась масса исторических трудов (в том числе и вполне солидных), посвященных культу личности Сталина, критике сталинизма и тоталитаризма. 90-е годы XX века ознаменовались появлением исследований по истории раскулачивания, Гражданской войны, революции 1917 г. В наше время вызывает научный интерес проблемы государственности, парламентаризма и др.

Что историки понимают под актуальностью исторического исследования? В истории определение актуальности сопряжено с еще большими трудностями, а нередко и разногласиями. «Порой актуальное звучание приобретают работы, в свое время не привлекавшие к себе внимания. Чтобы можно было правильно и по достоинству оценить важность и актуальность исторического исследования, нередко бывает необходимо известное время. Актуальными подчас оказываются такие вопросы и темы, которыми историки занимаются давно и которые казались решенными. В новой обстановке прошлое часто поворачивается новыми, незамеченными ранее сторонами и мы начинаем видеть то, чего ранее не замечали. Каждое поколение открывает в прошлом что-нибудь новое для себя», – отмечает Н.А. Ерофеев².

Однако в каждый конкретный момент истории есть исторические вопросы, которые уже не актуальны, и есть такие, которые актуальны. Первые уже набили оскомину, вторые же находятся в самом центре внимания историков. Следовательно, научный статус вопросов определяется их включенностью в поле современной проблематики корпорации. Не все они одинаково легитимны³.

Благодаря представителям школы «Анналов», общим местом в историографии стало утверждение, что всякое исследование начинается с установки существования какой-либо проблемы. Под проблемой в современной науке по-

¹ Иванов В. В. Соотношение истории и современности как методологическая проблема. М., 1973 ; Могильницкий Б. Г. Введение в методологию истории. М., 1989.

² Ерофеев Н. А. Указ соч. С.116.

³ Февр Л. Бои за историю. С. 23.

нимают возникшие в ходе познания вопрос или комплекс вопросов, решение которых имеет научно-познавательное значение. Проблемы позволяют выделить неизвестное в предмете исследования. Вопросы, которые возникают в ходе постановки проблемы, составляют основу исследовательской задачи. Здесь важно заметить, что могут существовать и псевдопроблемы, то есть искусственно поставленные вопросы, решение которых не имеет ни практической, ни научной значимости¹. В историческом знании существовало и существует довольно много «проблем» подобного. Часть из них вызвана богатым воображением человека, который может поставить такой вопрос: «А каков был бы итог Великой французской революции, если бы в 1792 году в Париже высадились инопланетяне?» Искать исторический ответ на него абсурдно. Другие вопросы подобного рода вызваны идеологией или догматическим отношением к науке вообще и исторической – в частности.

У тех, кто изучает историю в карьерных целях или только ради личного удовольствия, есть другие причины к познанию истории, как писал уже упоминавшийся А. Марвик. Многие из нас чувствуют почти поэтическое прикосновение прошлого, имеют страстный интерес к обнаружению того, что действительно происходило в прошлом. Практически все главные туристические ловушки в мире касаются общения с прошлым (Лондонский Тауэр, Санджиминьяно в Тоскане, Эфес в Турции). Именно историки обеспечивают контекстное знание, которое в конечном счете прокладывает себе путь в туристические путеводители. Историки также обеспечивают контекстное знание больших произведений искусства и литературы, увеличивая таким образом наше удовольствие от них. Кроме того, исследование истории предлагает людям утилитарные результаты учебной деятельности. Обучение в истории – обучение анализу, оценке и интерпретации как вторичных, так и первичных источников. Навыки и результаты учебной деятельности, полученные в ходе исторического исследования, неопределимы в современном мире, который находится во власти информации и коммуникаций. История также обеспечивает обучение оформлению результатов исследований в форме эссе, отчетов, диссертаций. То, что важно в истории, является четкой и эффективной коммуникацией, хорошо структурированной и написанной на основе источников работой.

Рассматривая проблему актуальности исторического исследования в этом свете, следует сказать несколько слов о конъюнктуре и конъюнктурщине. Исторические исследования, нередко малонаучные, на злобу дня по принципу «утром в газете – вечером в куплете», всегда были присущи некоторым историкам. Это сослужило недобрую службу исторической науке, которую нередко

¹ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. С. 221.

упрекали и упрекают в прислуживании политике и обслуживании политиков. Эти упреки обоснованы, и вряд ли история когда-нибудь сможет избавиться от оснований для таких упреков. Вместе с тем умный, грамотный историк, который позиционирует себя как ученого, вряд ли даст увлечь себя ветру конъюнктуры. Новые модные поветрия привлекут внимание к очередной «проблеме», о которой при смене моды вскоре никто и не вспомнит. Итак, историк должен опасаться конъюнктурщины и четко понимать различие актуальности и научной «моды».

Другое понимание проблемы актуальности восходит к позитивизму с его культом документа. Для этого подхода характерна связь актуальности с открытием и введением в научный оборот новых документов. Именно обнаружение неизученного или малоизвестного источника вызывало бурный всплеск интереса к нему, проблеме авторства, датировки, происхождения и т.д. Интерпретации и толкованию источника также уделялось большое внимание. После этого источник считался изученным и к нему пропадал интерес. В XIX веке именно это и определяло актуальность исследования и вызывало историческую полемику. Так, много спорили об истинности происхождения различных средневековых документов, мемуаров Талейрана или Сен-Симона. Во Франции была создана Школа хартий, выпускники и сотрудники которой довели критику и обработку документов до совершенства. Аналогичные учреждения были созданы и в других странах. К середине XX века усилия историков и архивистов привели к тому, что почти все традиционные виды источников были изучены. Во многом под влиянием школы «Аналлов» в поле зрения историков попали источники, которые обычно игнорировались историками: деловая переписка, счета, бухгалтерская документация. Но и этот пласт источников в целом был поднят к 1970-м годам. Как остроумно заметил один французский историк, вряд ли осталась (во всяком случае, во Франции) хоть одна портовая книга, хоть один счет, которые не были бы изучены последователями Ф. Броделя.

Во второй половине XX века появление большого круга новых источников стало редкостью. Таким редким событием стало открытие так называемых свитков Мертвого моря, которое вызвало к жизни целую дисциплину – кумранологию. Второй удачей для историков стало открытие секретных архивов в СССР и странах Восточной Европы, которые так до конца и не обработаны по сей день. Таким образом, хотя нахождение неизвестного документа и вовлечение его в научный оборот безусловно является важным аргументом в пользу научной актуальности исследования, но не может считаться решающим, особенно в свете учения об информационной неисчерпаемости источника.

Наконец, в постмодернистской парадигме, которая оформилась в 70-е годы XX века, в истории все актуально, поскольку все современно, все историч-

но, все относительно. Релятивизм и субъективизм постмодерна делают решающим критерием личные интересы и склонности историка.

Что же может являться решающим в обосновании актуальности исторической проблемы? По нашему мнению, актуальность не лежит за морями, как Америка, на которую надо наткнуться и открыть. Актуальность исторического исследования надо выделить и действительно обосновать. При выборе исследовательской проблемы решающее значение играют склонности и интересы самого исследователя: кому-то нравится отечественная история, другой предпочитает зарубежную, кого-то волнуют тайны и загадки Средневековья, а для кого-то важны проблемы XX века. Вместе с тем историческая наука – не импрессионизм, тезис «Я так вижу, мне это нравится», пожалуй, не выдержит испытания критикой. Необходимо объяснить, почему то, что интересно исследователю, может заинтриговать и других людей, ведь работает он не только для себя.

В истории существуют так называемые «вечные темы», то есть те, которые интересуют широкую общественность постоянно. Сюда относятся биографии выдающихся личностей, крупные войны и революции, некоторые другие. Так, число книг о У. Черчилле насчитывает несколько сотен и каждый год выходят еще одна-две. Конечно, не все они равноценны, но судя по тому, как они раскупаются, можно сделать вывод, что личность, жизнь и политическая деятельность этого замечательного британского государственного деятеля по-прежнему интересуют читателей.

Вместе с тем каждая историческая эпоха открывает в прошлом что-то новое, смотрит по-новому на уже известные, казалось бы, проблемы. Например, Наполеон Бонапарт вскоре после своей смерти был превращен историками и политиками (что в то время было почти одно и то же) в символ французской нации, её величия и особой миссии. Появилась «наполеоновская легенда». В начале XX века акцент делался на военную деятельность императора. В середине XX века некоторые историки и социологи увидели в империи Наполеона прообраз тоталитарного режима. В настоящее время восторги по поводу завоевательных походов поутихли, а пристальный анализ экономического состояния показывает, что никакого бурного развития в годы Империи не было, а скорее присутствовал застой. Обновление проблематики, являясь движущей силой развития исторической науки, не может, разумеется, подчиняться индивидуальным капризам историков, как отмечал Л. Февр¹. Новые вопросы сцеплены между собой, и один беспрестанно порождает другой. С одной стороны, коллективный интерес не стоит на месте, с другой – верификация или опровержение гипотез рождает новые гипотезы в рамках теорий, которые, в свою оче-

¹ Февр Л. Бои за историю. С. 23.

редь, также не могут оставаться неизменными. Таким образом, исследование постоянно возобновляется. Как и список исторических фактов, список исторических вопросов не может иметь конца: историю всегда нужно будет переписывать заново¹.

При рассмотрении хорошо изученных тем бывает полезным обратиться к обобщению сказанного и рассмотреть проблему в историографическом ключе. Сопоставление взглядов историков может помочь в разработке собственного объяснения. Вместе с тем историографическое исследование может стать вполне самостоятельным обобщающим трудом. Оно позволяет проанализировать выводы историков, выделить их концепции и оценки и на основании этого провести типологизацию, выделить основные школы и направления.

Здесь необходимо сделать одно весьма важное замечание относительно понятия «историография». Следует сказать, что оно употребляется в разных значениях. Чаще всего под историографией понимают ту или иную совокупность научных трудов, посвященных той или иной исторической проблеме. В этом смысле можно говорить об историографии по истории средних веков, новой истории, отечественной истории или историографии движения декабристов и т.д., подразумевая всю историческую литературу по этим сюжетам, возникшую на протяжении всей истории их изучения².

В другом понимании под историографией имеют в виду совокупность исторических трудов, созданных в ту или иную историческую эпоху, т.е. на том или ином этапе развития исторической науки безотносительно к их тематическому содержанию (например, французская историография XIX века, английская историография эпохи Просвещения, советская историография второй половины XX века и т.д.)³.

Далее, в связи с широким распространением исторических исследований, объектом изучения которых является сама историческая наука, под историографией стали понимать работы по истории исторической науки. Изучение истории исторической науки имеет два аспекта. Первый – это общее состояние и развитие исторической науки в той или иной стране (или ряде стран) на протяжении всей ее истории или в отдельные исторические периоды. Оно направлено на выявление закономерностей и особенностей развития исторической науки, основных его этапов и направлений, присущих им теоретико-методологических основ и конкретно-исторических концепций и т.д. Второй аспект сводится к изучению истории разработки отдельных проблем, т.е. исто-

¹ Там же.

² Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. С. 225.

³ Там же.

риографический анализ охватывает всю совокупность исторических исследований, посвященных изучению тех или иных явлений исторического процесса.

Наконец, сами работы по истории исторической науки становятся объектом специального изучения, возник тип работ, которые называют историографией историографии. Во избежание путаницы в употреблении понятий было бы целесообразно, чтобы каждое из них обозначалось определенным термином. Со временем, наверное, так и будет. В данный же момент наметилась тенденция иметь в виду под историографией исследования по истории исторической науки как в целом, так и применительно к истории разработки отдельных ее проблем. В этой связи совокупность исторических трудов, созданных в ту или иную эпоху или посвященных изучению тех или иных эпох либо отдельных явлений прошлого, лучше называть не историографией, а историческими трудами такой-то эпохи или трудами о таких-то исторических эпохах и исторических явлениях¹.

Следует считаться и с источниками: насколько они могут помочь в раскрытии проблемы, насколько доступны, насколько часто они использовались и не слишком ли часто. Безусловно, надо учитывать и общественный интерес к выбранной теме, степень её изученности в исторической литературе, возможность по-новому её осветить. Однако можно отметить, что есть два круга исторических проблем, актуальность которых очевидна. Первый круг включает те проблемы, которые не изучались либо в силу того, что не были открыты источники (уже упомянутые свитки Мертвого моря, египтология после расшифровки иероглифов), либо потому, что никто не рассматривал проблему под эти ракурсом (школа «Анналов»). Во второй круг попадают проблемы, которые вызывают устойчивый интерес на протяжении многих лет или даже столетий: если это проблема волновала людей несколько веков, вероятно, она будет интересна и нашим современникам. Это, например, гибель Римской республики и причины падения Римской империи, Наполеон и Французская революция, мировые войны XX века. В связи с юбилеем, что обычно бывает каждые 5, 10, 25 лет, возникает интерес к какой-либо личности, сражению, явлению культуры, что влечет за собой более или менее полный поток исторической и околоисторической литературы. Не стоит сбрасывать со счетов и такое понимание проблемы актуальности, как связь настоящего с прошлым. Говорят, что история переписывается. Это действительно так, в этом нет ничего дурного. Ведь история не просто переписывается, как отметили И.М. Савельева и А.В. Полетаев, в процессе переписывания видоизменяется прошлое. Настоящее не просто детерминирует

¹ Там же. С. 225-226.

историческую интерпретацию, оно тем самым формирует прошлое. Всякое изучение и осмысление прошлого осуществляется в контексте современности¹.

Здесь уместно остановиться на соотношении современности и прошлого. Ответ на вопрос: «Что такое прошлое?» одновременно и очень прост, и очень сложен. Он относится скорее к области философии, нас, историков, интересует не просто прошлое, а *историческое прошлое*. Историческое знание носит ретроспективный и завершённый характер: мы смотрим из настоящего в прошедшее, которого уже нет, которое в этом смысле уже завершено. Можно ли считать историческим прошлым вчерашний день? Скорее всего, нет. События, произошедшие вчера, могут иметь продолжение сегодня и завтра (например, ссора). Следствия других могут обнаружиться только в будущем (например, судьбоносная встреча). Поскольку историк, как правило, движется от следствия к причине, то трудно, а нередко и невозможно объяснить причину происходящего события, если оно ещё не завершено, так же как и трудно диагностировать заболевание, пока не проявились его симптомы. Исходя из этого, историческое прошлое должно быть удалено от нас во времени.

Наконец, историк изучает прошлое по документам и другим историческим источникам, а не по памяти. Следовательно, эти источники должны появиться. Рассмотрим эти положения на конкретных примерах. Президентство Валери Жискар д'Эстена во Франции приходится на 1974-1981 годы, президентство Б.Н. Ельцина в независимой России на 1991-1999 гг. Правление обоих может стать предметом исторического исследования, но знания о первом будут более полными и, по всей видимости, достоверными, поскольку имеется более широкая источниковая база и следствия правления Жискар д'Эстена более ясны и более изучены. Едва ли в ближайшем будущем появится новое явление, ставшее следствием политики французского президента в 1974-1981 годах. В то же время знание о политической деятельности и личной жизни первого президента России более завершено, коль скоро завершилась его жизнь, ничего нового он сделать не сможет, но возможно появление новых источников о его деятельности. Бывший президент Франции на момент написания этих строк жив и продолжает участвовать в политике. Поэтому его биография будет носить скорее политический, чем исторический характер, ибо мы не знаем, какие еще следы он оставит во французской истории. Так, президент Французской республики Р. Пуанкаре (1913-1920) ещё дважды возглавлял правительство в 1922-1924 и 1926-1929 годах, хотя все политики, включая и самого Пуанкаре, считали его политическую деятельность завершённой. Сходным образом в середине 1950-х годов, когда Ш. де Голль отошел от активной политики («переход через пусты-

¹ Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997. С. 661.

ню)), многие сочли его, как сообщал советский посол во Франции, «конченным человеком», который пишет мемуары на закате своей жизни. Кроме того, не исключено, что Жискар д'Эстен опубликует новые материалы, воспоминания, документы или они будут найдены после его кончины и прольют дополнительный свет на эпизоды его правления или откроют новые, неизвестные факты.

Для советской историографии был характерен интерес к так называемой «современной истории», то есть к тому, что удалено от нас всего на несколько лет во времени. Еще Н.А. Ерофеев предостерегал от увлечения такими темами. Он отмечал: «Существуют две ошибки в понимании актуальности исторического труда. Одна из них – представление, что лучшему пониманию настоящего может помочь только такой труд, в котором рассматриваются явления прошлого, сходные или во всяком случае сопоставимые с настоящим... Другая ошибка в понимании актуальности – отождествление ее с хронологической близостью к нашим дням. В действительности актуальным историческим исследованием может быть работа, посвященная любому явлению прошлого, даже самого отдаленного»¹.

Эта традиция сохранилась и в постсоветское время, хотя количество исторических работ, посвященных данной теме, несколько сократилось. По всей видимости, и такая «современная история» имеет право на существование, коль скоро она существует. Для современной западной историографии, как аргументировано отмечает известный французский историк М. де Серто, характерен принцип разрыва между прошлым и настоящим. Он также настаивает на дистанцировании историка от его настоящего².

Наконец, следует провести грань, разделяющую историю на некие (полные или не очень) знания о прошлом и память, содержащую эмоционально окрашенные воспоминания о нем. В последнее время проблеме удаленности прошлого, соотношения исторического знания и памяти уделяется довольно много внимания. Более подробно проблема памяти будет рассмотрена в разделе «Социальные функции исторической науки». Здесь мы остановимся лишь в контексте соотношения истории и современности.

Достаточно часто по случаю некоей юбилейной даты – будь то сто лет со дня начала Первой мировой войны или пять лет гипотетического ООО – проводятся разные мероприятия, в которые обязательно входит и историческая составляющая. В этой связи появляется потребность в создании исторического труда, причем чаще всего ангажированного. Работы такого рода имеют отношение скорее к конъюнктуре, нежели к актуальности. Основной акцент таких

¹ Ерофеев Н. А. Указ соч. С. 120-121.

² Работы М. де Серто практически не переведены на русский язык и малодоступны для российского студента. Изложение его трудов см.: Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007. С. 128-130.

мероприятий делается на памяти о прошлом. Чем же отличаются история и память? Ответ на этот вопрос дал известный французский историк академик П. Нора: «Память помещает воспоминание в священное, история его оттуда изгоняет, делая его прозаическим... Память укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте. История не прикреплена ни к чему, кроме временных протяженностей, эволюции и отношений вещей. Память – это абсолют, а история знает только относительное. В сердце истории работает деструктивный критицизм, направленный против спонтанной памяти. Память всегда подозрительна для истории, истинная миссия которой состоит в том, чтобы разрушить и вытеснить её. История есть делигитимизация пережитого прошлого»¹. По мнению П. Нора, историк не должен идти в услужение к памяти, поскольку она отбирает его традиционную монополию на интерпретацию прошлого. Так называемая научная история в течение последнего века поддерживала эту привилегию. Только историк умел устанавливать факты, обращаться с доказательствами, наделять их истинностью. Это было его профессией и его достоинством. Сегодня историк далеко не одинок в порождении прошлого. Он делит эту роль с судьей, свидетелем, средствами массовой информации и законодателем. Торжество памяти приводит к торжеству новой мифологии, созданию и сохранению исторических преданий, которые имеют мало общего с подлинной картиной прошлого, воссоздавать которую призван историк.

¹ Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж. СПб., 1999. С. 20-21.

Глава 4. Роль исторического источника в историческом познании

Исторический источник – главное орудие в труде историка. Именно опираясь на него, историк может воссоздавать картину прошлого. Историческим источником может быть всё, что несёт информацию о прошлом. Однако традиционно история отдаёт предпочтение письменным источникам, археология – артефактам, фольклористика – устным. Вместе с тем современная историческая наука пытается отказаться от классического постулата, что историю пишут по документам.

Дж. Тош отмечает: «Исторические источники включают любые свидетельства прошлой деятельности людей – слово, написанное и слово произнесённое, характер ландшафтов и предметы материальной культуры, а также произведения искусства, фото- и кинодокументы. История занимает уникальное место среди гуманитарных и социальных наук по разнообразию источников, каждый из которых требует специальных знаний»¹.

Источник в теории и методологии истории играет несколько иную роль, нежели в классическом источниковедении. В последнем рассматриваются проблемы критики и верификации исторического источника, установления авторства, время и условия создания и т.д., методологию интересуют природа исторического источника, его репрезентативность, роль и место источника в историческом познании.

Это понимание менялось на протяжении последних двухсот лет, когда окончательно оформились основные методы и приемы критики источников, закрепились само это понятие в историографии.

XIX век создал классическое понимание источника, принципы его критики и толкования. Во Франции была создана Школа хартий, занимавшаяся поиском, классификацией, критикой, а позднее – публикацией источников. Немецкая историческая школа права, будучи историческим направлением, а не школой как общественным институтом, также уделила много внимания нахождению и толкованию старинных актов, прежде всего государственных. Многочисленные историки-эрудиты исследовали, систематизировали архивы в других странах Европы.

В классическом источниковедении первой половины XIX века такие авторы, как Б. Нибур и Л. Ранке, рассматривали источник как объективное свидетельство прошлого и в известной мере преклонялись перед ним. Историком нужно было только описать данные, которые сообщил источник. Во многом недо-

¹ Тош Дж. Стремление к истине. С. 57-58.

оценивалась творческая роль мышления историка. Историки ориентировались на узкий круг источников, предпочтение отдавалось официальным документам.

Несмотря на то, что за последние сто лет историческая наука включила в свой арсенал не только новые виды письменных источников, но и иные типы источников (материальные, этнографические, устные), именно письменный документ (в широком смысле слова) является главным средством познания прошлого для историка. Для этого, как справедливо отмечает Дж. Тош, есть свои причины: «Письменные источники, как правило, отличаются точностью в отношении времени, места создания и авторства и раскрывают мысли и действия отдельных людей, как ни один другой вид источников. Достаточно прочитать труд по истории общества, о котором не осталось буквально ни одного письменного свидетельства – о железном веке в Британии или Зимбабве периода средневековья, – чтобы увидеть, до какой степени теряет жизненную силу история, лишенная своей главной источниковой базы»¹.

Постепенно сложился настоящий культ источника как объективного свидетельства прошлого. Историк должен взять из разных источников факты и соединить их в сочинение. Наиболее ценными в информативном отношении считались официальные документы. Позитивизм, ставший господствующим направлением в философии во второй половине XIX века, акцентировал внимание на научном факте, индукции и нахождении законов как в обществе, так и в природе. Основоположник позитивизма О. Конт вообще отнёс историю к ненаучному знанию, поскольку она неспособна к обобщениям на уровне закономерностей и базируется на крайне ненадежном фундаменте. Историческая наука восприняла многие идеи позитивизма и нашла оригинальный ответ на брошенный вызов. Источник – реальный продукт целенаправленной деятельности людей, которые реально жили в рамках исторической реальности, а не околохудожественная литература. Следовательно, в источнике надо найти подлинные следы, остатки прошлого, отделив их от суждений о них – преданий. Сделав это, можно более или менее точно отразить прошлое в историческом сочинении.

Это сведение истории к источниковедению вызвало в XX веке заслуженную критику. Хорошо известна знаменитая фраза английского философа и историка Р. Колингвуда, который назвал таких историков «мастерами ножниц и клея»: подобно редактору газеты, который склеивает заметки и статьи, отрезая лишнее и ненужное, таким образом формирует газетную полосу, историки-позитивисты склеивают отрывки из исторических источников, как-то соединяя их авторским текстом. Критика позитивистского отношения к источнику вызвала интересную дискуссию, которая обогатила теорию истории новыми по-

¹ Там же. С. 59.

ниманиями роли и места источника в историческом познании. Так, французский историк А.-И. Марру заметил, что ремесло или искусство историка не сводится к функции регистратора исторических фактов. Сам историк как субъект познания во многом конструирует историю своим творческим усилием. По сути дела, он создает, конструирует и сам исторический источник.

Его современник, итальянский философ и сторонник «критической философии истории» Б. Кроче, высказывал схожие мысли. По его мнению, исторического источника не существует вне сознания историка, вне его мысли документы мертвы. А. Тойнби вообще отнес историю и цивилизацию как главный предмет истории к сфере умопостигаемого (intelligible). Таким образом, источник ставится в полную зависимость от сознания историка, а сам он не имеет объективного содержания. Такие понимания исторического источника стали все более распространенными в конце XX века и согласуются с постмодернистским пониманием истории.

В противоположность этому, продолжая во многом традиции позитивизма, сложилось иное понимание источника. Сторонники этого подхода рассматривали источник как результат социальной деятельности и форму отражения объективной исторической реальности, как единство объективного и субъективного, диалектическое единство субъекта и объекта. Источники – социальное явление, в них отражаются социальные отношения. Источник – субъективный образ объективной реальности.

Сторонники подобной точки зрения признают, что источник существует независимо от историка, но только от историка зависит включенность источника в процесс познания. Историк не создает источник, а извлекает из него информацию

Наиболее полно такое понимание проявилось в советской историографии, хотя имело множество сторонников по всему миру. Смысл этого понимания сводится к тому, что исторический источник есть субъективный образ объективной реальности. Он существует сам по себе, объективно и вне сознания историка. Но только от последнего зависит включение источника в процесс познания, введение его в научный оборот. Будучи результатом сознательной деятельности людей, источник содержит знания как о прошлом, так и о самом авторе. Задача историка – извлечь из источника информацию. М. Блок писал по этому поводу: «Хотя мы обречены знакомиться с ним [прошлым] лишь по его следам, нам все же удастся узнать о нем значительно больше, чем ему угодно было нам открыть»¹.

¹ Блок М. Указ соч. С. 58.

Здесь большую услугу может оказать оформившаяся в 1960-е годы теория информации. В её свете выдающийся советский историк и методолог И.Д. Ковальченко сформулировал определение информации – отражение разнообразия явлений, происходящих в мире. Источник – носитель информации, но основная проблема в том, что желания историка и возможности источника редко совпадают. Поэтому возникает вопрос о повышении информационной отдачи источника, поскольку он несет прямую и косвенную информацию, скрытые и латентные сведения. По мнению академика И.Д. Ковальченко, извлечение информации облегчается применением системного подхода, согласно которому источник обладает элементами и функциональными связями. Сумев уловить это, возможно извлечь максимум информации, в том числе и неявной, отличить истинную информацию от сомнительной или ложной¹.

Заметно обогатили теорию источниковедения представители школы «Анналов», такие как Л. Февр, М. Блок, Ф. Бродель и другие. Новизна их подходов состоит в нескольких моментах. Во-первых, они предложили заметно расширить источниковую базу, включив в неё деловую переписку, учётные книги и многое другое, то, что в классическом источниковедении оставалась за бортом как ненужный хлам. Один французский историк пошутил, что после окончательного утверждения «новой исторической науки» во Франции не осталось ни одной портовой книги, ни одного гроббуса, куда бы ни заглянули её адепты. Наряду с письменными источниками предлагалось включать и артефакты, материальные источники, традиционно игнорировавшиеся «классической» историографией. Например, Ф. Арьес, исследуя отношение к смерти в средневековой Европе, активно использовал в качестве источника надгробные памятники, здания церквей, кладбищенские постройки.

Во-вторых, «анналисты» предложили принципиально иначе подойти к источнику и информации, содержащейся в нем. Вопреки позитивистскому отношению они высказали мысль о том, что источник не содержит готовую информацию, готовый факт, которые можно просто черпать. Источник молчит, если ему не задавать вопросов. Анализ источника – это разговор с «другим», разговор на ином языке, иными понятиями. Поэтому надо максимально полно и точно понять ответ, точно сформулировать вопрос. Эти теоретические положения в настоящее время стали во многом общепринятыми в исторической науке.

Выше в разделе, посвященном актуальности исторического исследования, уже отмечалось, что без постановки вопросов нет фактов, нет истории, и поэтому вопросы занимают в построении истории решающее место. «Именно вопрос конструирует исторический объект, – отмечает А. Про, – открывая ориги-

¹ И.Д. Ковальченко приводит возможности системного подхода на примере «Татищевых известий» в своей монографии: Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. С. 138-140.

нальный срез безграничной вселенной всевозможных фактов и документов. С эпистемологической точки зрения вопрос выполняет фундаментальную, в этимологическом смысле этого слова, функцию, ибо именно вопрос составляет фундамент исторического объекта, позволяя ему конституироваться. Отсюда вытекают важность и необходимость постановки вопроса о вопросе в историческом исследовании»¹.

Вопросы, задаваемые источнику, не должны быть наивными и уж тем более глупыми, ибо какой ответ задашь, такой ответ и получишь. Вместе с вопросом, который задает историк (поэтому-то вопрос и позволяет конструировать факты), возникает идея о том, какие источники и документы позволят дать на него ответ, а значит, и первичные соображения о том, как подойти к интерпретации этих источников. «Задавая вопрос, историк не безоружен: в его вопросе уже заключено представление о потенциальных документальных источниках и методах исследования. Итак, круг замкнулся: чтобы задать исторический вопрос, нужно уже быть историком»². Важно уметь задать вопрос на языке источника. Так, если мы будем задавать вопрос о социально экономическом кризисе во Франции накануне революции, мы мало что получим в ответ. Однако если разбить этот большой вопрос на несколько меньших, в которых будут содержаться аспекты кризиса (предположим: «В чем проявлялся финансовый кризис и что было его причиной?»), то источники дадут нам исчерпывающие ответы.

В последние годы очень популярны подходы польского историка Ежи Топольского. Он полагал, что исторический источник нельзя понимать как контейнер, хранящий истину, которую надо просто извлечь. Но без источника невозможно воссоздать прошлое, создать исторический рассказ. Прошлое, как оно предстаёт перед нами, – это конструкция историка, однако эта конструкция, которая в отличие от художественного текста создается на источниковой базе. Он считает, что у историка нет прямого контакта с прошлым, источник – эта та тонкая нить, которая и позволяет как-то соприкоснуться с прошлым. В соответствии с этим он делит источники на прямые и косвенные. Прямые – те, которые историк может наблюдать сам (здания, одежда прошлых веком, материалы археологических раскопок и т.п.), косвенные – те, которые показывают прошлое глазами других людей. Это прежде всего письменные источники, они содержат базовую информацию и интерпретации.

Кроме того, Ежи Топольский высказал мысль о существовании внеисточникового знания. По его мнению, историк, приступая к работе с источником, уже обладает определенным багажом знаний о предмете своего исследования. Эти знания сформированы из школьных учебников, популярных рассказов и

¹ Про А. Указ. соч. С. 83.

² Там же. С. 82.

т.п. Ему известны не только многие факты, но и объяснения и даже теории. Выбирая тему исследования, историк пользуется этим знанием, когда формулирует тему и задает вопросы источнику. Причем достаточно хорошо подготовленному историку (допустим, студенту исторического факультета) известны не только историографические концепции, но и то, как и какие источники уже использовались, их информационная ценность и многое другое. Все это и создает то самое внеисточниковое знание, которое играет важную роль на начальном этапе работы историка¹.

Приступая к работе с источником, историк, по мнению Е. Топольского, уже имеет некие знания о прошлом. Зачастую выбор темы исследования определяется эти предварительным набором знаний, историк обращается к источникам, которые до него уже были введены в научный оборот, а некоторые использовались многократно на протяжении нескольких веков. Поэтому, задавая вопрос источнику, надо иметь некую схему, рабочую гипотезу.

Это позволяет более глубоко рассмотреть некий аспект уже известной, казалось бы, темы. Например, поведение Жанны д'Арк можно рассматривать с религиозной, психологической, национальной точек зрения. Крестовые походы могут быть также рассмотрены как религиозно движение, как стремление к колониальной экспансии, как демографический процесс, как социально-экономическое явление. Это и составляет так называемое внеисточниковое знание, которым нагружено сознание историка и которое оказывает заметное влияние на его работу. Значительную роль во внеисточниковом знании играет здравый смысл, т.е. догадка, основанная на простом наблюдении, размышлении и на личном опыте. Этот опыт в рациональной форме отнюдь не противоречит научному знанию, а в некоторых случаях удачно его дополняет. Пренебрегать указаниями здравого смысла никогда не следует ни в какой науке, в том числе и в истории².

На основе этих концепций во второй половине XX века обозначился и укрепился принцип информационной неисчерпаемости источника. Он означает, что источник может содержать такую информацию, которая ранее не использовалась или использовалась в другой сфере исторической науки. Например, Ж. Ле Гофф написал свою знаменитую биографию Людовика Святого, опираясь не только на известные источники, но и на набор источников, всеми традиционно использовавшийся. Однако ему удалось создать оригинальное сочинение и совершенно по-новому показать героя своего исследования и его эпоху.

В последние десятилетия XX века все большее влияние на прочтение исторических источников оказывает семиотическое направление. Оно получило

¹ Парфенов И. Д. Методология исторической науки : курс лекций. Саратов, 2001. С. 41-42.

² Ерофеев Н. А. Указ. соч. С. 89.

распространение и в советской науке, хотя и имело определенные отличия от западной семиотики, ставшей своего рода базой для постмодернистского подхода к историческим текстам. Ю.М. Лотман, к примеру, обращал внимание на проблему языка, взаимодействия языка описания и описываемого объекта. Возникла проблема перевода языка источника на язык исследователя, поскольку историк принадлежит к «другому» миру культуры. По сути дела, идет диалог во времени и оба участника его открыты для новых текстов и новых интерпретаций.

В постмодернистском направлении имеет отчетливое стремление не разделять субъект и объект познания. Поэтому источник предстает не как объективная данность, а просто как текст, построенный по законам текста, следовательно, искать там надо, прежде всего, языковые, риторические, логические конструкции, строить интерпретации, выявлять то, что рассказывает текст, а не то, что хотел рассказать автор. Это, конечно, во многом подрывает основы классического источниковедения и теории исторического источника.

Несмотря на данные веяния, перед историком встает вопрос практического использования, классификации и критики источника. Как уже отмечалось, труд историка немислим без источника. Его можно сравнить с полетом воздушного змея, где источник играет роль удерживающей нити. Если бы её не было, змей был бы унесен ветром или упал бы на землю.

В качестве источника могут выступать любые свидетельства прошлого, хотя предпочтение отдается, конечно, письменным сообщениям. По этому поводу Л. Февр образно заметил: «История, несомненно, создается на основе письменных документов. Когда они есть. Но она может и должна создаваться и без письменных документов, когда их не существует. При отсутствии привычных цветов историк может собирать свой мёд со всего того, что ему позволит его изобретательность. Это могут быть слова и знаки, пейзажи и полотна конфигурации полей и сорных трав, затмения Луны и формы хомутов, геологическая экспертиза камней и химический анализ металла, из которого сделаны шпаги. Одним словом, все то, что, принадлежа человеку, зависит от него, служит ему, выражает его, означает его присутствие, деятельность, вкусы и способы человеческого бытия. Не правда ли, часть нашей работы – работы историка, – и, без сомнения, самая захватывающая ее часть, состоит в постоянных усилиях, направленных на то, чтобы заставить говорить немые вещи, заставить их сказать нам то, чего сами по себе они не говорят, – о людях, об обществах, которые произвели их на свет, и составить из них в конечном счете разветвленную

сеть подобий и взаимосвязей, восполняющую отсутствие письменного документа»¹.

Далее, рассматривая необходимость задавать правильные вопросы источнику, Л. Февр пишет, что из такой постановки вопроса вытекают два следствия. Во-первых, это означает, что не может быть окончательного прочтения данного документа. Историк никогда не исчерпывает документы до конца, он всегда может обратиться к ним с новыми вопросами или заставить их говорить другими способами. Возьмем, к примеру, декларации о наследовании, пылящиеся на полках налоговых архивов. Масштабные архивные изыскания позволили выявить великое множество образцов таких документов и извлечь из них сведения об имущественном состоянии французов в XIX в. Однако в этих источниках заключено и много другой информации. Например, о матримониальных правилах и приданом, если нас интересуют браки, или о профессиональных и географических передвижениях французов.

Во-вторых, продолжает рассуждать Л. Февр, существует нераздельное единство вопроса, документа и процедуры критики последнего. При этом обновление вопросника влечет за собой обновление методов и/или документальной базы. Историки XIX в. отдавали предпочтение письменным следам. Историки XX в. обратились к материалам археологических раскопок, чтобы ответить на вопросы истории материальной жизни. Они заинтересовались обрядами, символикой, церемониями, позволившими им понять культурные и социальные феномены. Документами становятся монументы, воздвигнутые в честь победившей республики, памятники умершим и деревенские колокола. Письменные же документы благодаря лингвистическому подходу и лексической статистике отныне изучаются с целью найти в них то, о чем там не говорится прямо. Устная история предоставила слово безвестным очевидцам событий. Таким образом, документальная база и арсенал методов постоянно пополняются, давая возможность отвечать на новые вопросы².

Традиционно работа историка с источником называется критикой, хотя против подобной терминологии возникает в последнее время ряд возражений. Критика распадается на внешнюю и внутреннюю. В первом случае устанавливается авторство, время создания, расшифровки или перевод текста (если требуется) и т.п., во время этих операций огромную роль играют специальные и вспомогательные исторические дисциплины, в особенности палеография, дипломатика, эпиграфика. Второй этап составляет внутренняя критика, в ходе которой устанавливается полнота, достоверность и точность сообщаемых сведений. Здесь большую роль играет герменевтика, то есть наука и искусство ис-

¹ Февр Л. Указ соч. С. 22.

² Там же. С. 22-23.

толковывать и правильно понимать тексты. Это умение особенно важно, когда нужно понять, о чем источник умолчал или просто упомянул, не раскрыв сути вопроса.

Рассмотрим два основных примера. В своем описании жизни Людовика Святого, сир де Жуанвиль обронил фразу о том, что добрый король Людовик как обычно сел на пол, скрестив ноги, и сказал что-то. Обычно исследователь интересуется тем, что же сказал король, опуская обстоятельства сказанного. Тем не менее из этой небольшой фразы Жуанвиля можно сделать следующее заключение: Людовик обычно сидел, скрестив ноги. Эту привычку он перенял на Востоке, где он, по всей видимости, пробыл долго, поскольку сам Жуанвиль, тоже бывавший там, этой привычки не приобрел. Не была она характерна и для европейского рыцарства, иначе бы Жуанвиль не выделил её, а написал бы просто «сел и сказал».

Другой пример можно обнаружить в письмах г-жи де Севинье. Он относится к эпохе Людовика XIV. Его охотно приводят, чтобы проиллюстрировать деспотизм этого монарха. В последний день пребывания двора в имении Шантийи, в пятницу, мажордом Ватель, ответственный за кухню, бросился на шпагу, узнав, что обоз с рыбой не пришел. При прямом и традиционном прочтении получается, что повар покончил с собой из-за того, что король-солнце не сможет полакомиться рыбкой. Вот он, деспотизм и произвол Старого порядка! Однако это понимание возникает, если опустить слово «пятница», то есть постный день. Таким образом, если принять во внимание это важное обстоятельство (постный день, пищевые запреты), то получается, что все бы просто остались без еды и это стало причиной отчаяния Вателя. Из этого же можно сделать вывод о том, что Людовик XIV и его двор соблюдали предписания о посте в пятницу.

Подобные сообщения источников с легкой руки британского историка и методолога Артура Марвика получили название «невольное свидетельство» (*unwitting testimony*). Невольное свидетельство относится к неумышленным свидетельствам, сообщениям, представленным в историческом источнике. Они могут продемонстрировать отношения автора или культуру, к которой он принадлежит. К еще более тонкому виду невольного свидетельства относятся речевые обороты, метафоры и эпитеты, используемые автором источника¹.

Весьма важным показателем умения историка работать с источниками является классификация используемых источников. Из курса источниковедения студент должен получить основные представления о том, какие виды источников могут быть наиболее важны и интересны в его научной работе. Из этого,

¹ Marwick A. The Nature of History. L., 1970. Более сжатое изложение книги представлено в его статье Marwick A. The Fundamentals of History. URL://www.history.ac.uk/

конечно, не следует, что другие виды источников не дадут нужной информации. Довольно высока вероятность того, что именно в таких «второстепенных» источниках можно обнаружить нечто новое и интересное.

Несмотря на то, что вопрос о классификации источников относится к теоретическому источниковедению и отличается высокой степенью абстрактности, необходимо сказать несколько слов по этому поводу.

В классической исторической науке существовало деление источников на предания и остатки. Остатки – это источники, которые являются элементами действительности, а предания лишь отражают эту действительность через сознание субъекта. «Все виды источников и представляют собой результат отражения действительности субъектом, – отмечает И.Д. Ковальченко, – продуктом деятельности субъекта; следовательно, одновременно выступают и как “остатки” и как “предания”»¹. Мемуары являются (помимо отражения действительности автором) результатом его деятельности и самовыражения и таким образом являются и остатком, и преданием. Целевая заданность исторических источников в момент их возникновения обуславливает то, что всякий исторический источник не только отражает реальность, но и сам является неотъемлемым ее компонентом². От этой классификации источников давно отказались.

Во второй половине XX века была распространена классификация, которую предложил историк и филолог Л.Н. Пушкарев. Он выделяет семь типов источников:

- 1) письменные;
- 2) вещественные;
- 3) этнографические;
- 4) устные;
- 5) лингвистические;
- 6) фото-, кинодокументы;
- 7) фонодокументы.

Академик И.Д. Ковальченко замечает, что указанная схема проводит классификацию по разным основаниям. Одни группы выделены по форме отражения действительности, другие – по способу фиксирования информации, третьи – по объекту отражения. Если информация, возникшая в ту или иную эпоху, может функционировать как зафиксированной на тех или иных материальных носителях, так и незафиксированной (устной), то в исторических источниках она выступает только в зафиксированном виде. Например, данные фольклора, несомненно, содержат ценную информацию о прошлом, но она, чтобы стать источником и быть использованной историком, должна быть мате-

¹ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. С. 128.

² Там же. С. 128-129.

риально зафиксирована. Чаще всего это письменная запись, а позднее, с появлением соответствующих технических средств, и фонозапись. Сказанное относится и к другим видам нефиксированной социальной информации. Исходя из этого он предложил свою, на наш взгляд, более стройную и компактную. «К классификации источников можно подходить с позиций трех аспектов информации – прагматического, семантического и синтактического. Наиболее общим из них является синтактический. Исходя из него, можно выделить первый, наиболее общий уровень классификации исторических источников. По методам и формам отражения действительности вся совокупность исторических источников четко делится на четыре категории (или типа): вещественные, письменные, изобразительные (изобразительно-графические, изобразительно-художественные и изобразительно-натуральные) и фонические»¹. Предложенная И.Д. Ковальченко классификация в последние годы подвергается определенной критике, однако она по-прежнему может служить надежным орудием в инструментарии историка.

Классификация источников в настоящее время имеет несколько уровней – два, а иногда и более. Здесь совершенно четко надо разграничивать *тип и вид источника*. Типологическое отличие – отличие сущностное, принципиальное, как в предложенной выше схеме, где изобразительные источники принципиально отличаются по способу отражения прошлого от письменных. Вид представляет разновидность, форму одного и того же типа. Так, изобразительные источники делятся на изобразительно-графические, изобразительно-художественные и изобразительно-натуральные.

По мнению О.М. Медушевской, классификация является познавательным средством для осмысления всего многообразия исторических источников. Классификация по видам является наиболее важной, отвечающей главной задаче источниковедения. Источники возникают в целенаправленной человеческой деятельности как облеченные в материальную форму произведения, как средства для достижения той или иной цели, удовлетворения тех или иных общественных, человеческих потребностей. Именно эту цель, назначение произведения и следует положить в основу классификации. Создателя источника мало занимает то, как будет восприниматься его произведение в качестве исторического источника, как отразится в нем, вольно или невольно, технический, эстетический, любой другой аспект времени, общественных отношений. Следуя своим замыслам и цели, творец придает своему произведению ту или иную форму, определяет его структуру. Иногда такое произведение становится уникальным, ни на что иное не похожим. Но чаще бывает иначе, поскольку чело-

¹ Там же. С. 135.

веческие, общественные потребности повторяются вновь и вновь, они удовлетворяются не уникальными, а чаще массовыми изделиями. Именно поэтому видовая эволюция исторических источников заслуживает отдельного изучения. Поэтому деление источников на виды, под которыми понимает источники, имеющие устойчивые признаки, возникшие и закрепившиеся в силу общности их функций в жизни общества¹.

С информационной точки зрения видовая классификация основывается на прагматическом аспекте информации, а именно – на единстве целевого назначения информации для ее получателя, субъекта. Единство цели, для которой выявлялась информация, естественно, обуславливало сходство принципов и методов отражения действительности, форм выражения и использования информации, что, в свою очередь, создает возможность применения единых принципов и методов ее источниковедческого и конкретно-исторического анализа. Видовая классификация, как и всякая другая, относительна. Но это не умаляет ее значение как важного эвристического средства и в источниковедении, и в конкретно-историческом анализе².

Конечно, историк инстинктивно отдает предпочтение письменным источникам, поскольку они составляют основу его ремесла, именно оттуда он черпает основную информацию. Остальные типы источников могут быть лишь дополнением к письменным. Изобразительные источники, к которым в последнее время привлекается все большее внимание, при всей своей кажущейся объективности не могут дать повествовательной информации, да и объективность их не всегда безупречна. Фотограф вполне может выбрать нужный ракурс или просто заретушировать ненужное в снимке. Живопись, отражающая жизнь французских крестьян XVIII века, потребляющих хлеб, чеснок и вино, может быть доказательством их регулярной диеты, но всегда есть довольно большая вероятность того, что художник, возможно, был более обеспокоен тем, чтобы придать своей картине сходство с религиозной символикой Тайной вечери, чем точным наблюдением, как полагает А. Марвик.

Завершая разговор о роли источника в историческом исследовании целесообразно остановиться на двух достаточно важных моментах. Прежде всего, надо сказать несколько слов об опубликованных источниках. Здесь следует помнить, что, с одной стороны, проблемы внешней критики и перевода зачастую решены. Работе предшествует предисловие, а нередко – послесловие и комментарии. С другой стороны, между нами и опубликованным источником всегда стоит толкователь: редактор, автор предисловия, составитель коммента-

¹ Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцева М. Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 1998. С. 125-128.

² Ковальченко И. Д. Указ. соч. С. 136.

риев. Толкование, которое дает посредник, может затемнить содержание источника. Комментатор, особенно если это авторитетный исследователь, давит именно своим авторитетом. При использовании результатов их работы важно понять уровень и качество ее исполнения. Многие авторы-составители советской эпохи при всей эрудированности и научной подкованности дают однобокий, порой субъективный взгляд. Некоторые вещи объясняются в «правильном» духе. Поэтому, конечно, такие предисловия (или послесловия), в которых открываются подлинные мысли автора или «правильное» прочтение документа («Надо всегда помнить, что документ носит классовый характер»), следует прочитать, следуя здравому смыслу и современному взгляду на источник.

В последнее время историки стали привлекать в качестве источника художественную литературу. Работа с этой разновидностью источников требует определенной осторожности. В связи с этим уместно сказать несколько слов. Художественную литературу не стоит использовать, если в ней имеется историческая реконструкция. Художник имеет право на осмысление и воссоздание прошлого средствами искусства, у историка такого права нет. Он не может поступать с историческими персонажами с той же вольностью, как А. Дюма или Вальтер Скотт. «Романы и пьесы, конечно, нельзя использовать для получения фактических данных, каким бы существенным ни был в них элемент автобиографии или социальных наблюдений... Но художественная литература позволяет проникнуть в интеллектуальную и социальную среду, в которой жил автор, а зачастую содержит и яркие описания его окружения. Успех автора часто связан с умением выразить чаяния и заботы его литературных современников. Поэтому вполне допустимо цитировать Чосера как выразителя отношения обывателя XIV в. к злоупотреблениям церкви или Диккенса – как свидетеля об умонастроениях викторианского среднего класса по вопросу о положении Англии»¹.

Второе обстоятельство, к которому надо привлечь внимание, – использование научной и научно-популярной литературы в качестве источника. Конечно, в историческом исследовании (любого объема) присутствует историографический очерк, в котором анализируются работы историков, писавших на данную тему. Здесь они выступают в качестве *историографических источников*, то есть дают информацию о взглядах, оценках и концепциях исследователей. Но нередко содержащаяся в книгах и статьях информация используется в том же качестве, что и информация исторического источника. Статьи и книги, написанные историками, дополняя основные источники, преобразовывая сырье в историю, являются вторичными источниками. Различие между основными и вторичными источниками – критическое, хотя никакой историк никогда не

¹ Тош Дж. Стремление к истине. С. 66.

притворялся, что оно предлагает волшебный ключ к природе исторического исследования, как замечал в этой связи А. Марвик, - всегда есть некоторое волнение от того, чтобы быть в контакте с подлинным первичным источником. Однако не всегда есть возможность или необходимость обращения к нему. Если обычный читатель или студент-историк захотят узнать быстро о роли и положении женщин в эпоху Ренессанса или о причинах Первой мировой войны, то им вполне можно посоветовать обратиться к вторичным источникам. Но если вы планируете написать оригинальное историческое сочинение, то вряд ли можно сделать что-то именно оригинальное, если придерживаться взглядов и информации, содержащейся в работах других людей, то есть вторичных источниках. Именно при помощи вторичных источников каждый историк начинает идентифицировать архивы, в которых начнет исследования. Основные источники дают полную и целостную информацию в некоторых областях, недостаточны и фрагментарны в других. Историки не полагаются только на источники, но всегда ищут подтверждение, доказательство, в работах своих предшественников.

В заключение надо сказать несколько слов о роли вспомогательных исторических дисциплин в понимании источника. Такие специальные дисциплины как палеография, дипломатика и др., должны помочь историку в буквальном прочтении текста источника. Как уже отмечалось, вопрос о так называемой внешней критике источника во многом снят. Но, тем не менее, всегда необходимо обращать внимание на внешнее состояние документа.

Глава 5. Исторический факт

Известный английский журналист и остролов XIX века Сидней Смит как-то заметил: «За исключением цифр, нет ничего более обманчивого, чем факты». Действительно, исторический факт – одно из самых сложных и неуловимых понятий в языке историка. С одной стороны, любой человек, профессионально занимающийся историей, понимает, что такое факт. С другой стороны, этому термину довольно трудно дать определение. Понятие «факт» можно уподобить понятию «атом»: в XIX веке атом был стабилен, целостен и в прямом смысле слова неделим. XX век расширил наше понимание. Атом (т.е. «неделимый») стал делиться, дробиться и распадаться на другие элементарные частицы. Сходным образом и термин «факт» стал более неуловимым и сложным. Факты состоят из других фактов, более мелких, а те – из еще более мелких. «В общественном мнении существует прочно укоренившееся убеждение в том, что история состоит из фактов и что их надо знать... История для широкой публики часто сводится к каркасу, составленному из строго датированных фактов: отмена Нантского эдикта 1685 г., Парижская Коммуна 1871 г., открытие Америки 1492 г. и т.д. Заучивать факты – это и есть учить историю», – заметил А. Про¹.

Историки не сразу оценили сложную природу факта и его тесную связь с обобщением. Факт представлялся чем-то предельно простым и самоочевидным. Задача исследователя казалась им весьма элементарной: она ограничивалась выявлением и собиранием фактов. Недооценивая тесную связь между личностью исследователя и фактами, они полагали, что ученый может оставаться в стороне, предоставляя фактам самим «говорить за себя», а простое собирание фактов почти автоматически ведет к открытию истины. С этим взглядом было связано убеждение многих историков XIX века в том, что факты существуют независимо от обобщений².

Дело в том, что исторический факт обладает и некоторыми своеобразными чертами. Первая его особенность заключается в сложности. Каждый самый простой исторический факт можно рассматривать с разных сторон. Так, открытие Америки Колумбом – это страница из истории поисков морского пути в Индию и развития мореплавания, момент в долгой борьбе за гегемонию на морях между Испанией и Португалией, результат внутренней борьбы в Испании, эпизод из биографии Колумба, наконец, начало завоевания Америки. Облик исторического факта меняется, он поворачивается к исследователю различными гранями в зависимости от подхода к нему, от целей историка, его взглядов, от контекста, в котором находится данный факт, и т.д. Можно сказать, что, поскольку существу-

¹ Про А. Указ. соч. С. 57.

² Ерофеев Н. А. Указ. соч. С. 63

ет бесконечное множество различных подходов к историческому факту, он, по существу, неисчерпаем. При этом в некоторых случаях отдельные стороны исторического факта даже оказываются в определенном противоречии.

Важная особенность исторического факта заключается также и в его теснейшей связи с другими фактами. Обособление отдельных фактов, изъятие их из контекста, из той ткани, в которую они вплетены, сопряжено с трудностями во всех науках. Однако в науках естественных, несмотря на эти трудности, многие факты можно все-таки изолировать и рассмотреть в отдельности. В общественных науках эта процедура гораздо сложнее и, главное, опаснее, поскольку в результате такой операции нарушаются связи данного факта с тем социальным контекстом, в котором он имел место, и сам факт подчас теряет смысл. Кроме того, следует учесть, что историк сталкивается с бесконечным разнообразием фактов: перед ним явления экономической, социальной, политической, духовной жизни. В каждой сфере факты имеют свой особый вид, значение, характер и вес. Мы объединяем их все под одним названием – исторический факт, но историку необходимо классифицировать их и распределить по степени важности, чтобы показать место каждого в историческом процессе¹.

Факт ныне почти никем не рассматривается как целостная, независимая от нашего сознания единица, возник вопрос о соотношении понятий «факт» и «событие». Событие рассматривается как некая отдельная единица исторического процесса. Оно является неким сырьем для историка. Многие события канули в Лету, не будучи зафиксированными в источниках. Сохранившиеся (так или иначе) события имеют разный масштаб и разное значение. Можно вспомнить слова Талейрана, когда стало известно о смерти Наполеона: «Это не событие, это просто новость». Этим старый дипломат хотел сказать, что в политическом смысле Наполеон умер давно и пришедшее известие никак не повлияет на политическое и историческое развитие Франции. Более подробно о соотношении факта и события будет сказано ниже.

Исторический факт – достаточно сложное понятие. Он трактуется по-разному, и в настоящее время количество его интерпретаций растет. В XIX веке, когда оформилась классическая наука, оформилось и понимание научного факта. Слово «факт» этимологически восходит к латинскому «factum», что означает «сделанное», и в Средние века использовалось наряду со словами «аста» и «gesta» в значении «деяния» как синонимы. Выбор конкретного термина зависел от вкусов и образованности автора².

Если в естественных науках это понятие стало пониматься и использоваться более или менее одинаково, то в истории возникли некоторые разночтения.

¹ Там же. С. 65-66.

² Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. С. 26.

В XIX столетии слово «факт» получило новую жизнь, этот век смело можно назвать веком факта. Именно тогда под влиянием позитивистской философии факт стал базовой научной категорией, а установление фактов – одной из основных функций науки. Под этим термином понимали определенное, точное и доказанное знание, событие или результат; реальное, а не вымышленное; конкретное в противоположность общему и абстрактному. Можно также сказать, факт – это особое предложение, фиксирующее эмпирическое знание. Такие высказывания, как «Волга впадает в Каспийское море», «Тела, свободно падающие вблизи поверхности Земли в вертикальном направлении, в случаях, когда испытываемое ими сопротивление воздуха мало, падают с одинаковым ускорением, то есть увеличивают свою скорость примерно на 9,8 м/с каждую секунду» являются фактами географии и физики соответственно. С этого времени в европейском сознании утвердились аксиомы: «факты – упрямая вещь», «с фактом не поспоришь», «факты говорят сами за себя». Таким образом «факт превратился в фетиш для ученых»¹.

Прежде всего факт – конкретные проявления действительности в ее прошедшем или текущем состоянии, т.е. объективная реальность. В этом виде факты обладают рядом присущих им свойств. Другой смысл понятия «факт» связан с процессом научного познания. В нем также фигурируют факты, но уже не факты действительности как таковой, а отражение в сознании ученого изучаемой реальности. Очевидно принципиальное отличие этих двух видов фактов, возникает естественный вопрос об их соотношении².

Позитивистская наука создала настоящий культ факта, и в истории он проявлялся в том, что нужно отыскивать факты, содержащиеся в источнике. Факт представлял как позитивное (то есть достоверное) отражение реальных исторических источников. Таким образом, проблема переводилась в сферу источниковедения и сводилась к отысканию, критике и проверке источников. Именно это и привносит, по мнению классического позитивизма, объективность в историческое знание. Факты надо собрать и описывать, избегая интерпретаций и обобщений; именно это и позволяет написать историю, говоря словами Л. фон Ранке, «как оно было на самом деле». Установлением внутренних связей между фактами работа историка завершается, ибо, расположив последовательно факты, он тем самым уже нашел причины и определил последствия, привел знания в систему. Это своего рода камни, которые историк должен вынести из карьера, сложить их в правильном порядке и своим текстом заполнить пустоты.

Одним из главных аспектов критики исторического знания той поры стало утверждение, что в истории нет научных фактов, нет выявления закономер-

¹ Методологические проблемы истории / под общ. ред. В. Н. Сидорцова. Минск, 2006.

² Ерофеев Н. А. Указ. соч. С. 26.

ностей, нет инструментария и методов, которыми пользуются «нормальные» науки. Ведущие теоретики истории во многом согласились с этими замечаниями и по сути дела попытались свести историю к источниковедению. Вот что пишет по этому поводу Сеньобос: «История – это не наука, это всего лишь познавательный приём... вместо того, чтобы наблюдать факты непосредственно, историк наблюдает их опосредованно через умозаключения в документах». Рассуждая о природе исторического факта, он продолжает: «В окружающей действительности нет фактов, которые были бы историческими по своей природе, подобно тому, как бывают факты психологические или биологические... историческими факты бывают только по своему положению. Историческим является всякий факт, который мы не можем больше наблюдать непосредственно. У фактов не бывает неотъемлемого от них исторического характера, историческим может быть лишь способ их познания»¹.

В своей фундаментальной работе «Введение в изучение истории», написанной в соавторстве с Ш.-Л. Ланглуа, он развивает эту мысль: «Следы, называемые историческими документами, историк наблюдает непосредственно, но кроме их ему положительно нечего наблюдать: дальше он действует исключительно путем умозаключений, стараясь прийти к наиболее правильным выводам о фактах по находящимся в его распоряжении следам. Документ служит ему точкой отправления, а факты прошлого – конечной целью исследования»². Метод наблюдения прошлого (исторический), по мнению авторов указанной книги, гораздо менее ценен, поскольку не даёт гарантированного достоверного результата, но у историков иного метода нет. Факт, таким образом, отражен в историческом источнике и может пребывать там в двух видах. «Иногда факт прошлого оставляет вещественный след (памятник или какой-либо вещественный предмет). Иногда, и более часто, след, оставленный событием, бывает психологического порядка: описание или повествование»³. Таким образом, они солидаризируются с теорией, которая делит остатки прошлого на следы (первый случай) и предания (второй). Документы не имеют ценности сами по себе, они являются результатом сложной психологической работы авторов и даже те из них, которые традиционно пользуются большим доверием историков (законы, договоры и т.д.), не выходят за эти пределы.

Чтобы судить по письменному документу о факте, надо установить отношения, связующие этот документ с фактом. Нужно представить и воссоздать всю нить действий, совершенных автором, начиная с наблюдения факта и за-

¹ Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000. С.71.

² Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. СПб., 1899. С. 49.

³ Там же. С. 50.

канчивая написанием источника¹. «Историк должен извлекать пользу из очень смутных свидетельств, которыми не удовлетворился бы ни один другой ученый», – отмечают Ш. Сеньобос и Ш.-Л. Ланглуа². По их мнению, факты конструируются из источников раз и навсегда, это камни из которых потом строится здание под названием «история». Факт – это своего рода Америка, которая лежит за морем и ждет своего Колумба, чтобы он её открыл. Обнаружив упоминание о факте в источнике, проверив подлинность документа и установив, посредством сравнения с другими источниками, истинность факта, историк может успокоиться и, соединив полученное в связное изложение, выдать научно-исторический труд. В общественном мнении благодаря этому прочно укоренилось убеждение в том, что история состоит из фактов и что их надо знать. История сводится к каркасу из дат и фактов. Заучивать факты – это и значит учить историю³. Выстраивается цепочка: документ – критика – факт.

Такое радикальное понимание сути факта и задач исторической науки довольно скоро вызвало вполне резонную критику. Одним из первых оппонентов такого понимания факта во Франции стал Анри-Ирене Марру. Он говорит, что такого сорта историки уверены, будто в их карточках и картотеках накапливается чистое зерно фактов, то есть свидетельства, которые признаны достоверными. Историк не конструирует историю, он её обретает. Факты надо лишь отыскивать в документах, подобно тому, как археолог очищает черепок от облепившей его земли⁴. С этим немного ироничным замечанием трудно не согласиться. Ведь даже установив истинность фактов и выстроив их в логическую цепочку, не всегда можно получить именно историю. Можно получить бездарный компилятивный текст в худшем смысле этого слова⁵. В более поздних своих работах по теории истории (к сожалению, мало известных российскому исследователю) А.-И. Марру развивает свои критические мысли по поводу позитивистского толкования факта и работы историка. Он, в частности, пишет, что работа историка не есть механический процесс производства истинного знания с опорой на источники, историк не есть некий станок, куда запускаются документы, а посредством критического анализа и интерпретации он перерабатывает «и выдает исторические факты с установленным коэффициентом достоверности. Это – карикатурная схема»⁶. Истинное знание устанавливается, по его мнению, на тонкой нити связующей структуры прошлого и «умом, который

¹ Там же. С.50-51.

² Там же. С. 52.

³ Про А. Указ. соч. С. 57.

⁴ Там же. С. 75.

⁵ Арон Р. Избранное: Введение в философию истории. М. ; СПб., 2000. С. 149.

⁶ Цит. по: Медушевская О. М. Современное зарубежное источниковедение. С. 115.

её реконструирует»¹. История – это «наука единичного»², в ней большую роль играет интуиция исследователя. Необходимо схватывать документ, понимать его целиком, а не выделять посредством негативной критики некие отдельные частные факты. В истории существует традиция, некий «акт веры», система ценностей и постулатов, с которых и начинается историческое знание. Предвосхищая появление фоменковщины, он пишет, что, если появятся «гиперкритики», которые поставят под вопрос факт существования Наполеона и Декарта, позитивистскому историку трудно будет обнаружить ложность их заключений или «опровергнуть их реальными обязательными очевидностями»³.

К середине XX века упрощенное позитивистское понимание факта стало отходить в прошлое. Крупный французский мыслитель Р. Арон, рассматривая понимание факта в науке, пришел к выводу, что факты не существуют сами по себе, а только через сознание и только для сознания. «Подборка истинных фактов – это еще не наука», – писал он⁴. В отношении истории он отмечает, что исторической реальности как таковой нет, она существует лишь благодаря сознанию историка; битва, которую он описывает, существует тоже в его сознании и проявляется через его сочинение. Битва конструируется из намерений, неожиданных совпадений и материальных сил. Она понятна или нет в зависимости от точки зрения наблюдателя. Факт существует как нечто сконструированное источником, нечто синтетическое, а историческое познание носит относительный характер. В таком сконструированном факте объективность мыслится, а не даётся. Более того, если обогатить факт его (факта), последствиями, то и в этом смысле история никогда не станет объективной, потому что, отрываясь от людей, история теряет свою сущность⁵.

Критическую позицию по отношению к позитивистскому пониманию факта заняли и основатели школы «Анналов». В их сочинениях мы также можем обнаружить суждение о том, что факты в исторической науке конструируются самим исследователем. Так, Л. Февр сказал в своей знаменитой лекции «Суд совести истории и историка» следующее: «Установить факт – значит выработать его. Иными словами, отыскать определенный ответ на определенный вопрос»⁶. Это объясняет, как, опираясь на одни и те же свидетельства, можно сконструировать различные факты, о чем речь пойдет ниже. А из сконструированных фактов можно сконструировать вполне научную гипотезу или теорию, которая опирается на установленные факты. В настоящее время мысль о том,

¹ Там же.

² Там же С. 116.

³ Там же. С. 92.

⁴ Арон Р. Указ. соч. С. 149.

⁵ Там же. С. 309-316, 328-330.

⁶ Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 15.

что без вопросов к источнику, без постановки проблемы нет фактов, нет истории, стала практически общепризнанной¹.

В отечественной историографии начала XX века заметный след оставила трактовка исторического факта, данная А.С. Лаппо-Данилевским. Он уделяет особое внимание установлению связи между теорией истории, методологией источниковедения и методологией истории. Рассматривая источники, он делает акцент на том, что они являются продуктами человеческой психики. Факт, в его понимании, – это воздействие, оказанное на окружающую среду². Историк изучает воздействие индивидуальностей на среду и «обращает внимание преимущественно на психический характер этого воздействия»³. Под индивидуальностями он понимает не только отдельное лицо, «но и все человечество, поскольку оно в качестве носителя сознания воздействует на окружающую его среду, а его воздействие признано главным историческим фактом»⁴. Под средой же можно понимать и окружающую природу, «мертвую или органическую, или общественную среду в частности»⁵.

Особое внимание А.С. Лаппо-Данилевский обращает на то, что факт – это именно результат, «продукт человеческого действия», а не само воздействие на среду.⁶ Факты по большей части восстанавливаются из исторических источников, и в этом процессе огромную роль играет источниковедческая критика и методология источниковедения⁷. Источник может быть сам историческим фактом или же свидетельством о нем⁸. Выбор зависит от историка и того вида критики, который он применяет, хотя он вполне может применять оба подхода одновременно. Первый вид применим в большей мере к следам, второй – к преданиям⁹. Новаторство подходов А.С. Лаппо-Данилевского, не совсем обоснованно зачисленного в неокантианцы, не было востребовано. Новый политический строй и идеология исторического материализма потребовали иного и более однозначного толкования исторического факта.

Возвращение к осмыслению понятия «исторический факт» наметилось только в самом конце 60-х годов XX века, когда появилась серия статей, посвященных данному предмету¹⁰. Во многих работах имелась тенденция обосновывать, что исторические и природные факты имеют одинаковую природу или очень близки по своему происхождению. Отсюда стремление сблизить понятия

¹ Про А. Указ. соч. С. 81.

² Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. М., 2006. С. 253.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 254.

⁵ Там же.

⁶ Там же С. 256.

⁷ Там же. С. 404.

⁸ Там же С. 407.

⁹ Там же. С. 411-412, 480-482.

¹⁰ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. С.140.

«факт» и «событие»¹. Хорошо известно в этой связи высказывание академика Е.М. Жукова: «Историк воспроизводит минувшую действительность на основе исторических фактов». Он полагал совершенно неверным противопоставлять факт и событие, поскольку факт – это и есть некий кусочек исторической реальности, применять термин «реконструкция» к исторической науке, по его мнению, также недопустимо².

Резюмируя сказанное в этих статьях, академик Ковальченко определяет факт как содержательную основу всякой науки. Это «конкретное проявление действительности в её прошлом или текущем состоянии, т.е. объективная действительность»³. Другой смысл этого понятия, по его мысли, связан с процессом научного познания. В этом понимании факты являются отражением действительности «в сознании ученого изучаемой реальности»⁴. Рассматривая факт, И.Д. Ковальченко выделил три его основных типа: факт исторической действительности, факт исторического источника (сообщение) и научно-исторический факт (знание). Факт в первом значении, согласно И.Д. Ковальченко, близок к понятию «событие», они объективны и по отношению к источнику, и по отношению к исследователю, именно в них проявляется многообразие человеческой деятельности. Эти факты однозначны и неизменны в своей сущностной завершенности. Второй тип является отражением первого в сознании автора источника. Оно субъективно, как и всякое отражение, но объективно как конкретное воспроизводство действительности. Такое толкование довольно близко, на наш взгляд, к позитивистскому. Наконец третий тип – дважды субъективированное отражение прошлого: отражение в сознании историка отраженной в сознании автора источника действительности. Особенностью этого типа является незавершенность факта и способность к изменению и обогащению в процессе познания⁵. Последнее замечание имеет важный аспект, поскольку во многом отходит от вульгарно-материалистического понимания сложного научного понятия и открывает, вместе с тем, возможность рассматривать факт в более современном ключе, близкому к тому, что сформировалось, как было указано выше, на Западе.

Факты исторической действительности объективны и по отношению к творцам исторических источников, и по отношению к историку. В них проявляется все многообразие человеческой деятельности и тех отношений, в которых она осуществлялась. Поскольку это факты о прошлом, об уже совершившейся материальной и духовной деятельности, постольку они являются инвариантными, од-

¹ Методологические проблемы истории. С. 168.

² Жуков Е. М. Очерки методологии истории. М., 1980. С. 209-211.

³ Там же. С.150.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 143.

нозначными и неизменными по своей сущностной завершенности при всей их содержательной неисчерпаемости. Свойства исторической реальности безграничны, но в том виде, в каком она совершилась, эта реальность инвариантна.

Факты исторического источника представляют собой отражение фактов действительности творцом источника. Оно, как и всякое отражение, субъективно. Но в том виде, как оно совершилось, это отражение является инвариантным, т.е. неизменным, т.к. каждое конкретное воспроизведение творцом источника факта действительности однозначно, хотя содержательно это воспроизведение так же безгранично, как безграничны и свойства объективной реальности.

Научно-исторический факт – это отражение историком фактов исторической действительности на основе фактов источника. Следовательно, научно-исторический факт – в целом дважды субъективизированное отражение прошлого. Исключение составляют те случаи, когда источник является непосредственным остатком прошлого, реликтом, дающим возможность непосредственно-чувственно воспринять это прошлое. Такие реликты могут быть как материальными, так и духовными. Они, как указывалось, наряду с опосредованной несут и непосредственную информацию.

Существенным отличием научно-исторического факта от факта действительности и факта источника являются его содержательная незавершенность и изменчивость, способность к обогащению в процессе исторического познания. Таково в общих чертах представление о природе исторического факта, господствовавшее в советской историографии¹. До известной степени оно присутствует и в методологических схемах современной исторической науки.

Стремясь избежать противоречия между понятиями «факт» и «событие» и следовать установленным историческим материализмом нормам (или догмам), И.Д. Ковальченко довольно долго и глубоко рассуждает о природе исторического факта и вслед за М.А. Баргом говорит о сложных фактах и простых из которых первые складываются. Так, например Русская революция 1905-1907 гг. есть исторический факт, но «кровавое воскресенье» 9 января 1905 года также является фактом и входит в большой факт революции 1905-1907 гг. При этом академик Ковальченко еще раз подчеркивает, что и сложный факт есть реальность, а не умственная конструкция. Однако историк должен выделять эти факты: «Критерий здесь один – учет той качественной определенности, которая присуща всем фактам исторической действительности. Это требует установления тех пространственных и временных границ, в которых заключена качественная определенность того или иного сложного исторического факта»².

¹ Ерофеев Н. А. Указ. соч. С. 29-30

² Там же. С. 30.

Тем не менее большинство отечественных и зарубежных историков разделяет понятия «факт» и «событие». Довольно образное и яркое объяснение того, что такое историческое событие вообще, даёт Р. Арон: «Событие есть самое основное данное: это то, чего нет, но происходит, пронизывает жизнь, переходит через неуловимую границу, отделяющую два мига; этот камень упал, этот индивид издал крик, я отправился в такое-то место. Чистое событие имеет пунктирный и мимолетный характер. Завершаясь, оно исчезает (в двояком смысле слова)... Возможно всего-навсего то, что память его вызывает, а рассказчик его вспоминает. Неважно, идет ли речь о естественном или человеческом событии: мы рассказываем об обвале, о взрыве так же хорошо, как о поведении. По правде говоря, воссоздание меньше всего принадлежит истории, сотворенной человеком и для человека. Внутри этой истории занимает место материальный феномен, ибо он является частью индивидуального или коллективного существования, речь идет о материале повествования... Напротив, человеческое событие может быть сохранено без его выражения в терминах каузальности, поскольку оно как таковое понятно. Такое естественное событие, как падение капли, может превратиться в исторический факт: в определенный момент конденсация водяного пара приводит к образованию осадков, а конденсация сама есть следствие охлаждения какой-то массы воздуха и т.д.»¹.

«Событие – нечто произошедшее, свершившееся; то, что попало в сферу внимания исследователя. Историю часто понимают как систематический упорядоченный рассказ о событиях или как область знания, фиксирующая и объясняющая события прошлого», – отмечает Л.П. Репина².

В историческом знании существуют разные интерпретации события. Условно их можно разделить на реалистическую и конструктивистскую. Согласно первой интерпретации все, что случилось в прошлом, неизменно, имеет свою структуру и зафиксировано в источниках. События, таким образом, являются «сырьем» для историка. Работа исследователя в соответствии с такой позицией оценивается с точки зрения правдивости, адекватности изложения материала по отношению к событиям прошлого.

Сторонники конструктивистской интерпретации утверждают, что события не существуют независимо от исследователя. Историк, работая с разнообразными источниками, делает умозаключение о произошедшем, создает интеллектуальную конструкцию события, и его, событие, можно в какой-то мере рассматривать как произведение труда историка. В рассуждениях историков XIX–XX вв. понятие «событие» нередко пересекается с понятием «факт». В целом, если событие запечатлевает нечто произошедшее, то факт можно рассматривать

¹ Арон Р. Избранное. С. 244.

² Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. Указ. соч. С. 37.

как утверждение о событии¹. Работа историка с источниками, его опыт помогают ему понять факты прошлого. «Историк способен понять непосредственно, а не с помощью законов, последовательность фактов»².

В современной российской исторической науке сложилось представление о факте как интеллектуальном конструкте исследователя³. Хотя следует признать, что и схема, предложенная И.Д. Ковальченко, работает и используется во многих учебниках по методологии истории.

Завершая обзор дискуссий вокруг понятия факта, надо ещё раз подчеркнуть, что истории, исторического исследования без факта не существует. Однако выбор, комбинация и интерпретация фактов зависят от самого исследователя. Это и дает основания для плюрализма в исторической науке.

Если исходить из того, что факт является конструктом нашего интеллекта и тем самым уже включает в себя некую интерпретацию «того, что было на самом деле», то и результаты интерпретации фактов, а тем самым и получаемая картина реальности могут быть самыми разными⁴. Как отмечают И.М. Савельева и А.В. Полетаев, «на основе одних и тех же исходных данных и даже одного набора фактов можно сконструировать самые разные дискурсы»⁵. В этом, конечно, нет особой опасности, опасность начинает возникать тогда, когда факт понимается как некая данность, своего рода абсолютная истина. Тогда она входит в этом качестве в учебники по истории и историческое сознание и активно используется в политическом и историко-политическом дискурсе, в политическом и идеологическом споре. При этом факт выступает как та самая «упрямая вещь», против которой «не попрешь». На основе этого создаются историографические мифы, которые воспринимаются как вполне реальные исторические факты. Рассмотрим два таких факта из французской и американской истории, которые прочно вошли в учебные пособия.

Наверное, почти в любом отечественном учебнике, в котором рассматривается эпоха французского абсолютизма, говорится, что Людовик XIV был крайне высокого мнения о своей персоне, любил, чтобы его называли «король-солнце» и при случае повторял фразу: «Государство – это я!» Оставим в стороне первые две части этого суждения и остановимся более подробно на последней. Итак, общепризнанным историческим фактом является то, что король произнес эту знаменитую фразу. Впрочем, более осторожные авторы добавляют, что ему приписывают эту фразу. Возникает, правда, вопрос о том, зачем повторять, оговариваясь, что не совсем уверен в достоверности факта. Однако

¹ Там же.

² Арон Р. Избранное. С. 234.

³ Савельева И. М., Полетаев А. В. Теория исторического знания. СПб., 2008. С. 256-257.

⁴ Там же. С. 258.

⁵ Там же.

здесь в силу вступает идеологическая составляющая. Поэтому таких «осторожных» авторов можно приравнять к тем, кто передает сплетни, приговаривая: «Хотя, вообще-то, я в это очень верю».

В наиболее полном виде этот исторический факт представлен так. 13 апреля 1655 король Людовик XIV (напомним, что королю было в это время всего шестнадцать лет) во время охоты в Венсеннском лесу, узнал, что высший суд страны – Парижский парламент – отказался зарегистрировать серию королевских указов. В гневе он поворачивает кавалькаду в Париж, врывается во Дворец правосудия в запыленном охотничьем костюме, с хлыстом в руке и в очень резких выражениях (некоторые говорят – в бранных выражениях) приказывает утвердить указы и не смей обсуждать его королевскую волю. Когда президент парламента Помпонн говорит ему о традиции, об интересах государства, король-солнце резко обрывает его: «Вы, господа, думаете, что государство это вы? Ошибаетесь! Государство – это я!»

Но ни в одном источнике об этом не сказано. В самом общем виде сообщения источников ограничиваются следующей информацией. Король приехал в парламент в обычной своей одежде, а не в мантии, как было принято. Не соблюдая принятые формальности, он воспользовался своим правом «королевского заседания» и потребовал прекратить обсуждения и зарегистрировать указы, на что он опять-таки имел законное право. Единственное, что возмутило судебские чины парламента, – форма заявления. Поэтому к королю была направлена депутация, которая высказала недовольствия парламента в связи со странным поведением монарха, нарушавшего традицию. Депутация была хорошо принята королем и кардиналом Мазарини. Последний вступил в переговоры с верхушкой судебного сословия и уступил в некоторых требованиях. Президент Помпонн получил 300 тыс. ливров в дар от короля, прочие – несколько меньшие суммы. Ни о каком «государстве – это я!» никто не упоминает¹. Один из самых крупных французских специалистов по эпохе Старого режима Франсуа Блюш, комментирует этот исторический факт следующим образом: «Людовик XIV никогда не мог бы так воскликнуть..., он не сделал бы этого по той простой причине, что никогда так не думал, даже будучи в зените своей славы и могущества. Он будет считать себя слугой государства. Но он ни в коей мере не будет считать, что воплощает государство»². На протяжении всего своего объемистого труда Ф. Блюш доказывает (и весьма убедительно) это своё утверждение.

Другой крупнейший специалист по истории Старого режима Ж.-К. Птифис относится к «королю-солнце» куда более критически, чем Ф. Блюш, ему чужд оправдательный пафос его коллеги. Однако и для него историческая истина

¹ Блюш Ф. Людовик XIV. М., 1998. С. 92-93.

² Там же. С. 93.

выше, чем исторический анекдот, превратившийся в исторический (или историографический) факт. Он приводит буквально слова короля, в которых нет и намек на те, которые ему приписали. «Вышеупомянутая сцена, – пишет он, – обросла вымыслом... Из-за неё на свет появилась идея об автократической монархии и абсолютной деспотической власти Людовика XIV – что далеко от действительности»¹. Тем самым Птифис признает, что вымысел стал историческим фактом, который используется в историческом и идеологическом дискурсе в качестве аргумента в попытке доказать существование того, чего никогда не было, а именно – упрощенной схемы об абсолютистской монархии, которая с утра до ночи круглый год только то и делала, что угнетала народ. Таким образом, Французская революция была неизбежным и закономерным явлением, а все, что было до неё, – сплошной век деспотизма, угнетения, мрака. «Как трудно расстаться со старыми ярлыками!»² – восклицает Ф. Блюш по этому поводу и продолжает, что напрасно ученые диссертации, защищенные в Сорбонне, и сотни серьёзных новых работ опровергают сложившийся миф³. Многие поколения французов (и не только французов, добавим мы) находятся в плену «всяких высказываний-клише из учебных пособий. Чего там только нет! Что Фуке никогда никому не причинял зла, что Железная Маска – символ жестокого произвола режима, что Людовик XIV утверждал “Государство – это я!” и воевал исключительно ради удовольствия»⁴. И следующим шагом может быть знаменитая схема: «Царь был злой. Народ жил плохо. Революция была неизбежна».

Если в случае с Людовиком XIV мы имеем дело с вымыслом, обретшим статус исторического факта, то другой пример показывает, как интерпретация факта-события придаёт ему совершенно иной смысл и становится аргументом в борьбе «сил прогресса с силами реакции».

Речь идет о скандальном деле, получившем название «Обезьяний процесс» (Monkey trial), имевшем место в штате Теннесси в 1925 г. Процесс привлек широкое внимание журналистов и по сию пору является хрестоматийным примером торжества реакции на американском Юге и наступления на научное мировоззрение. Он кочует из одного учебника в другой без детальных комментариев. Остановимся на нем подробнее.

В марте 1925 г. в шт. Теннесси был принят закон, запрещавший преподавать теорию эволюции в школе. Некий бизнесмен по имени Джордж Рапплейа из городка Дейтон с населением 1800 человек решил спровоцировать судебный процесс, чтобы сделать город известным. Рапплейа уговорил своего друга,

¹ Птифис Ж.-К. Людовик XIV. Слава и испытания. СПб., 2008. С. 71.

² Блюш Ф. Указ. соч. С. 3.

³ Там же. С. 4.

⁴ Там же.

24-летнего Джона Скоупса, который работал в то время тренером школьной футбольной команды в округе Реа, но в апреле 1925 г. временно заменял преподавателя естествознания, заявить, что на одном из уроков он рассказывал об эволюционной теории (было ли это на самом деле – до сих пор не известно). В мае 1925 г. против Скоупса было возбуждено дело (причем сначала обвинителями взялись быть два приятеля Скоупса – местные прокуроры братья Герберт и Сью Хикс). В июне того же года после шумного судебного процесса, освещавшегося всей национальной прессой, Скоупс был признан присяжными виновным в нарушении закона и приговорен судьей к штрафу в 100 дол. В январе 1927 г., после поданной защитой апелляции, Верховный суд штата отменил приговор, сославшись на техническую причину – по тогдашним законам Теннесси штраф в размере свыше 50 дол. должно было назначать жюри присяжных, а не судья¹.

В итоге городок Дейтон действительно стал знаменитым и надолго. Что касается злополучного закона, то он был отменен в Теннесси в 1967 г., а в 1968 г. Верховный суд США принял решение, запрещающее принимать законы, связанные с религией². На данном примере можно видеть, как типично американское явление – создать себе или городу паблисити – превратилось в историографический факт.

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что профессионализм историка должен служить прочным заслоном от конструирования таких фактов, и помнить, что неверно интерпретированное событие попадает в учебники, где обретает статус исторической истины. Если учитель или преподаватель использует уже готовые факты, то исследователь должен их устанавливать³. Именно поэтому столь важно указывать источник знания, указывать на основании чего историк сформировал факт. Именно поэтому грамотный историк столько внимания уделяет ссылкам и сноскам. Именно поэтому следует перепроверять всякое расхожее утверждение. Следует помнить известное высказывание Р. Арона: «объяснение должно уважать природу события»⁴.

Завершить этот раздел хотелось бы еще одной цитатой А. Про, которая во многом натолкнула на написание всего выше: «Факты – неоспоримый, жесткий момент дискурса историков.... Забота о фактах – это забота о доказательности»⁵.

¹ Случай излагается по: Савельева И. М., Полетаев А. В. Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю. М., 2008. С. 263.

² Там же.

³ Про А. Указ соч. С. 56.

⁴ Арон Р. Введение в философию истории. С. 375.

⁵ Про А. Указ. соч. С. 58.

Глава 6. Уровни исторического исследования

Любое научное исследование, как считается, имеет два основных уровня – эмпирический (опытный) и теоретический (объясняющий). Грань, разделяющая их, довольно тонка, а в последние годы стала ещё более размытой. Это замечание особенно справедливо для исторического исследования, где описание и объяснение всегда были тесно переплетены. Кроме того, даже в самом порядке описания и изложения исторического материала уже кроется некий элемент объяснения. На первом из них познается явление и возникает эмпирическое знание, а на втором – раскрывается сущность и формируется теоретическое знание¹.

Эмпирический, или опытный, уровень познания связан с описанием изучаемого объекта, измерением его, наблюдением и постановкой экспериментов. «В исторической науке, где эмпирическое связывают прежде всего с описательностью, традиционная трактовка характера этого знания наводит на мысль о его родстве с чистым идеографизмом. Это неверно. Эмпирическое знание – также знание объясняющее. Другое дело, что это объяснение охватывает реальность лишь в форме явления. Поэтому эмпирическое знание – лишь начальная стадия, один из этапов и уровней познания действительности», – отмечает академик И.Д. Ковальченко².

Эмпирический уровень непосредственно связан с работой с историческим источником. Именно посредством его историк осуществляет основные операции: наблюдение, измерение, мысленный эксперимент и т.д. Этот уровень более подвержен витрификации, рабочие гипотезы, выдвинутые в начале работы, могут быть подтверждены или отброшены в ходе работы с источниками. Эмпирический уровень познания в исторической науке не совсем правильно понимать как чисто описательный, хотя описание в исторической работе само по себе дело немаловажное. «Проблема заключается в том, что эмпирическое познание невозможно без элементов объяснения. Интерпретация присутствует на всех этапах исследовательской деятельности с момента определения научной проблемы, реконструкции исторических фактов и кончая созданием модели и оценкой»³.

На эмпирическом уровне производится отбор, классификация и систематизация фактов, т.е. своего рода синтез информации, т.к. исторические факты не только описываются, но и определенным образом располагаются и объясняются.

¹ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. С. 234.

² Там же. С. 235.

³ Методологические проблемы истории / под ред. В. Н. Сидорцова. Минск, 2006. С. 178.

Теоретический уровень исторического исследования включает организацию полученного эмпирического материала, расположение его и объяснения. Историческое знание, как уже подчеркивалось, носит ретроспективный характер. В отличие от многих других наук, мы знаем, что произошло. Наша задача – объяснить, *почему именно так* произошло. Выявление каузальности, то есть причинной обусловленности исторического события или явления, всегда считалось одной из главных задач историописания. История предстаёт, по словам Э. Карра, как «связная последовательность причин и следствий»¹. Главное отличие историка от хрониста состоит в том, что он пытается выявить причину происхождения событий, вскрыть мотивы действия людей, построить некую сюжетную линию. Здесь уместно вспомнить о так называемом критерии Форестера. Хроника (или бессюжетная история в оригинале) – это рассказ о событиях, организованных их исторической последовательностью. Например: «Король умер, а потом умерла королева». В «нормальной» исторической работе содержится указание на причинную связь между событиями и появляется сюжет: «Король умер, а потом *от горя* умерла королева»².

На теоретическом уровне объяснение носит более сложный и абстрактный характер, нежели на эмпирическом. Эмпирический и теоретический уровни обладают определенной автономией, однако их невозможно оторвать друг от друга, они опосредованы практикой исторического исследования. Сама постановка научной проблемы, отбор источников, их критика, реконструкция исторических фактов непосредственно связаны с теоретической работой³. Эта одна из особенностей исторического познания.

Под влиянием позитивизма и социологических теорий XIX века историки всё чаще стали склоняться к поиску так называемых глубинных причин, выявлению структурных изменений и движущих сил социально-экономических процессов. Тем самым делалась попытка возвысить историю над описанием отдельных фактов и установлением между ними причинных связей. История занялась поиском более общих законов. Почему в Европе на излете средневековья наметился переход от феодализма к капитализму? В чем причины колониальной экспансии европейских держав и победа в ней Англии? Каковы предпосылки революции в России? Эти объяснения носят куда более общий характер и поднимают историческое объяснение практически до уровня философского. Видимо, поэтому ответов на них куда больше, чем на вопрос в чем причины Столетней войны.

¹ Мегилл А. Указ. соч. С. 205.

² Там же.

³ Методологические проблемы истории. С. 176.

Наконец, присутствует объяснение и более высокого уровня. Речь идет о самых общих законах развития общества, о том, что К. Поппер называл железными законами истории. Так, колониальная экспансия может быть объяснена через переход от феодальной формации к капиталистической и необходимостью первоначального накопления капитала. Но можно найти и массу других объяснений от изменения климата до совпадения экономических циклов. Эти теории, однако, носят весьма обобщенный историософский и философский характер. Как правило, практикующие историки стараются таких обобщений избегать, считая их (и вероятно, справедливо) слишком умозрительными и отвлекаемыми. Уже упоминавшийся К. Поппер призывал разделить обобщающие науки, которые стремятся к выявлению общих законов, и исторические науки, которые интересуются прежде всего уникальными и неповторимыми событиями. «С нашей точки зрения, – пишет он, – действительно не может быть никаких исторических законов. Обобщение принадлежит к таким научным процедурам, которые следует строго отличать от анализа отдельного события и его причинного объяснения. Задача истории как раз и заключается в том, чтобы анализировать отдельные события и объяснять их причины. Те, кого интересуют, законы должны обратиться к обобщающим наукам (например, к социологии)»¹.

В последние десятилетия, отмеченные недоверием к «большим нарративам», наблюдается тенденция критики объяснений и делается акцент на дискрипцию или описание («Что произошло?», а не «Почему произошло?»).

Теоретический уровень включает в себя помимо объяснений аргументы и обоснования, которые подтверждают истинность сделанных высказываний, объяснений, выводов. Здесь необходимо не только умение читать и толковать источники, но и общая подготовленность историка, знание им законов логики и умение приводить веские доводы. История – не импрессионизм, тезис «Я так вижу» в ней неприменим. Доводы и объяснения неизбежно приводят к интерпретации прошлого. Так как историческое знание носит ретроспективный характер, оно связано с настоящим. Интерпретаций одного и того же исторического события может быть много, но они зависят от идеологических убеждений и того времени, в котором историк живет. Более подробно об историческом объяснении будет сказано в последней главе.

Следует отметить, что историк не так уж часто встречается с решениями, причину которых он тщетно ищет. Большинство поступков, которые имеют место в рассказе историка, преследуют цели, известные всем. Намерения генерала, солдата, торговца – всех тех, кто выполняет определенную социальную функцию, осуществляет специальную деятельность, являются ясными непо-

¹ Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 2. С. 308.

средственно¹. Большая часть исторических объяснений использует то, что К. Поппер назвал «тривиальными социологическими или психологическим законами», а также «логикой ситуации». Другими словами, «помимо исходных условий, описывающих личные интересы, цели и другие ситуационные факторы, такие как информация, доступная тому, кто в ней заинтересован, историческое объяснение неявно предполагает – в качестве первого приближения – общий тривиальный закон, согласно которому здравомыслящие люди действуют, как правило, более или менее рационально»².

Исторические нарративы соединяют события, но сами факты понятны только благодаря мотивам, по крайней мере непосредственным мотивам людей. Движение войск, если не знать военной организации, целей и средств ведения войны, представляло бы только хаос бессмысленных восприятий. Понимание действий, кроме того, что является решающим для историка, предполагает понимание сознаний действующих людей³.

В творческой лаборатории историка все виды объяснений применяются комплексно, взаимно дополняя друг друга. Все они имеют своей целью глубокое постижение исторической реальности. Весьма сложным является процесс движения от эмпирического знания к теоретическому. Нередко даже ставится вопрос о том, что первично: общая идея, составляющая ядро теоретического знания, или эмпирические факты. Является ли идея (теория) итогом познавательной деятельности ученого, или она имеет место изначально, в качестве предварительного мнения, возвращающегося в конце исследования как ответ на поставленный вопрос⁴.

В заключение следует заметить, что теоретический и эмпирический уровни исторического познания в исследовательской практике историка присутствуют постоянно совместно. Они включают следующие этапы:

- 1) постановку исследовательской задачи, фиксирующей проблемную ситуацию, определение исторических и географических границ;
- 2) набор рабочих гипотез;
- 3) выбор основных методов и методик их решения;
- 4) получение конечного результата исследования на основе конкретно-исторических знаний, а также теоретических положений.

¹ Там же. С. 303.

² Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. С. 306.

³ Арон Р. Избранное. С. 300.

⁴ Там же. С. 180-181.

Глава 7. История и время. Проблема периодизации

В ходе исторического исследования постоянно приходится иметь дело со временем. Как образно заметил Ф. Бродель, «историк ни на минуту не может выйти за пределы исторического времени. Время липнет к его мысли, как земля к лопате садовника»¹. На территорию истории постоянно заходят представители других наук, прежде всего социологии и культурологии. Исторический подход качественно отличается от подхода других дисциплин. Как правило, в социальных и гуманитарных науках точная датировка не имеет такого значения. Так, в книге «Языческие истоки русской свадьбы» примерно на двухстах страницах анализируется и весьма широкими мазками рисуется русский свадебный ритуал и его развитие на протяжении более чем тысячи лет. Для историка такой подход может подойти, только если это часть учебного пособия, где нет смысла вдаваться в детали и нужны широкие обобщения. Ф. Бродель в связи с этим замечает, что социолог может позволить себе не церемониться с историческим временем, которое он может укорачивать, останавливать и направлять по своему усмотрению. Историческое время, однако, не поддается столь легкому жонглированию синхронизмами и диахронизмами: для историка почти невозможно представить себе, что жизнь – это некий механизм, который можно остановить в любой момент и спокойно изучить его.

Такое расхождение в понимании времени более существенно, чем кажется на первый взгляд. Понятие социолога о времени не тождественно понятию времени историка. Об этом свидетельствует вся структура исторической науки. Время для историка – это мера. Когда социолог говорит нам, что некоторая социальная система непрерывно разрушается только для того, чтобы снова восстановить себя, мы охотно принимаем это объяснение, так как оно в конечном счете подтверждается историческими наблюдениями. Но в соответствии с обычными требованиями историков к науке мы хотели бы знать точную длительность этих движений развития и упадка. Историка интересует прежде всего, как пересекаются экономические циклы и социальные структуры, их движения, влияние друг на друга, и то, как все это приводит к разрушению старой социальной системы. «Все это может быть описано только с помощью применения универсальных временных шкал историка. Многочисленные, отличающиеся друг от друга шкалы социолога здесь не пригодны, так как каждая же них была сконструирована для измерения какого-то одного частного феномена»².

Время для других наук совершенно независимо от происходящих в нем процессов, оно лишь однородная длительность, мера отсчета неких временных

¹ Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории : сборник переводов / под ред. И. С. Кона. М., 1977. С. 134.

² Там же. С. 135-136.

отрезков. Историческое же время, наоборот, наполнено такими процессами и событиями, оно неразрывно связано с ними и составляет вместе единое целое.

Именно поэтому европейские историки начиная со Средневековья так старательно заботятся о точной датировке, о привязанности события к исторической шкале времени. Здесь следует еще раз напомнить, что даже в высокоразвитых культурах Востока и Античности измерению больших временных длительностей не уделялось достаточного внимания. Время представлялось как нечто циклическое, повторяющееся, подобно тому, как сменяют друг друга день и ночь или времена года. Различные системы отсчета вполне укладывались в сроки человеческой жизни, а слово «век» не имело значения 100 лет. Так, например, на Дальнем Востоке был распространен календарь, охватывающий 60 лет: двенадцати животным соответствовала одна из пяти стихий, которой соответствовал определенный цвет. Это до сих пор находит отражение в так называемых восточных или китайских гороскопах, которые становятся особо популярны накануне Нового года, который объявляется то годом синей собаки, то годом красной козы. Шестидесятилетний цикл в целом укладывался в годы продолжительности жизни в то время. Для больших длительностей использовались (и используются востоковедами до сих пор) деления на годы правления царей или династий. Скажем, эпоха Тан для Китая или XX династии для Древнего Египта.

Идея направленности времени стала развиваться вместе с христианством. Согласно учению Церкви, мир был создан, а наше время как мера изменчивости, противостоящее вечности, началось с грехопадения и будет длиться до Страшного суда, когда времени не станет. Особенно это заметно в древней восточно-христианской традиции отсчета лет «от сотворения мира». Наиболее последовательно отстаивал векторность времени Августин Блаженный. Ему принадлежит мысль о том, что время присутствует, прежде всего, в сознании человека. Он живет в настоящем, прошлое дано ему в памяти, а будущее в надежде¹.

Историку приходится иметь дела с двумя понятиями о времени. Одно из них – время астрономическое. Оно измеряется движением, прежде всего движением Земли. Самые важные единицы измерения год (период обращения Земли вокруг Солнца) и день (период оборота земли вокруг своей оси). Эти единицы, по всей видимости, существовали еще у доисторических народов. В настоящее время они только уточняются. Другая единица измерения – месяц – связана с периодом обращения Луны вокруг земли и составляет около 29 суток. Интересно, что во многих европейских языках, в том числе и русском, эта единица совпадает с названием Луны (месяца).

¹ Савельева И. М., Полетаев А. В. Теория исторического знания. С. 63.

Традиция деления суток на 24 часа восходит к древней системе счета в Месопотамии, в основу которой были положены числа 60 и 12. Так, сутки делились на день и ночь по 12 часов в каждом. Следует отметить, что долгое время час понимался как двенадцатая часть светового дня. Соответственно зимой дневной час становился короче, а ночной длиннее, а летом – наоборот. Поэтому, когда говорится, например, что Иисус Христос испустил дух около девятого часу (Мат. 27: 50), то имеется в виду в девятый час от восхода солнца. Также в Риме и Византии существовала традиция отсчета новых суток с захода солнца. В настоящее время она трансформировалась в отсчет начала суток с полуночи.

Минуты и секунды появились в качестве отсчета гораздо позднее. Долгое время одной из самых малых единиц отсчета времени была четверть часа. В Средние века появились минутные стрелки на циферблатах некоторых часов, а в раннее новое время стала использоваться секунда. Это название происходит от латинского словосочетания *secunda divisio*, то есть второе деление (часа). Такая точность в измерении времени связана с развитием не только астрономии, но и навигации. Со временем оформилась особая наука – астрономическая хронология (или просто хронология), которая изучает закономерности повторяющихся небесных явлений и устанавливает точное астрономическое время.

Второе понимание времени – время историческое, или событийное. Оно как бы наполняется событиями. Время в этом понимании характеризуется дискретностью и неравномерностью. Это связано с сохранностью источников, отражением в них значимых событий и насыщенностью этих событий. В таких случаях древние хронисты писали «Бысть тишина по всей земли» и не фиксировали ничего в своих летописях. Поэтому о временах Цезаря мы знаем гораздо больше, чем о X веке. Простой взгляд на хронологическую таблицу истории Франции XVIII века дает представление о том, что десять лет Великой французской революции куда насыщеннее, чем шестьдесят лет правления Людовика XV.

Для историка в этой связи важнее специальная историческая дисциплина, которая называется исторической хронологией. Она изучает различные системы отсчета времени и перевод их в принятую в наше время календарную систему. Стоит сказать, что эта наука сделала немало для облегчения труда современного историка. В большинстве случаев вопрос о переводе некоей даты в принятую у нас систему «вручную» уже не стоит, в большинстве случаев это уже сделано. В монографиях и комментариях к источникам дана, как правило, современная датировка событий.

Однако в некоторых случаях существуют своего рода «ловушки», о которых надо помнить. Прежде всего, речь идет о принятом у нас григорианском календаре, или «новом стиле». Следует напомнить, что григорианский календарь был введен папой римским Григорием XIII в католических странах 4 ок-

тября 1582 года взамен старого юлианского. Так, следующим днём после четверга 4 октября стала пятница 15 октября. Следовательно, все даты до этого времени априори даются по старому стилю. Кроме того, многие протестантские страны перешли на григорианский календарь спустя 100-150 лет после его введения в католических странах. Россия, как известно, перешла на новый стиль в феврале 1918 года. Однако есть одна тонкость, которая показывает как легкомысленно автоматически переводить даты со старого стиля на новый и иметь поверхностные знания об исторической хронологии. В календаре памятных дат Российской Федерации все даты приведены по новому стилю с разницей в тринадцать дней, то есть так, как если бы они произошли в XX веке. Так, годовщину Куликовской битвы (8 сентября 1380 г., как всем известно) предписывается отмечать 21 сентября, то есть 8+13. Однако в те годы григорианского календаря просто не существовало, а если даже переводить даты на григорианский календарь разница составила бы 9 дней. В некоторых случаях надо помнить, что новый год начинался не 1 января, а в другие дни: 1 марта, 25 марта, 1 сентября. Самая оригинальная и запутанная система была в средневековой Франции, где год начинался на Пасху. С учетом того, что это переходящий праздник, в одном году могло быть два 15 апреля, а в другом – ни одного.

Приходится сталкиваться с некоторыми трудностями при чтении русских летописей. При их изучении историки обратили внимание на то, что хронология в разных летописях может отличаться на один-два года. Оказалось, что на Руси существовало несколько разных календарных стилей, связанных с тем, что византийский календарь отсчитывал год с 1 сентября, а восточные славяне при принятии христианства сохранили древнее начало года в марте. Два разных года могут находиться в двух отношениях: мартовский год может начинаться или на полгода позже сентябрьского, или на полгода раньше. Было высказано предположение (в частности, Н.В. Степановым), что расхождения в датировках являются не ошибками хронистов, а использованием двух различных стилей. Древнерусское летоисчисление, которое использовало мартовский год, начинающийся на полгода позже византийского, называется мартовским, а то, которое использовало мартовский год, начинающийся на полгода раньше византийского, называется ультрамартовским (от лат. *ultra* «по ту сторону», то есть календарный год, предвещающий мартовский).

С проблемой исторического времени тесно связана и проблема периодизации. Историк как бы организует, систематизирует время, деля на периоды и этапы. Это весьма важная составляющая ремесла историка.

Деление времени на отрезки и периоды имеет давнюю традицию. Некоторые границы прочно утвердились в сознании европейских и американских историков, некоторые продолжают вызывать жаркие споры.

Самый простой способ периодизации – деление времени на эры, то есть на очень большие временные отрезки. Началом эры считается некое важное событие. Самое простое начать отсчет от начала времени и от сотворения мира. Например, Византийская эра относит это событие к 1 сентября 5509 года до Рождества Христова (как вариант – 1 марта 5508 года до н.э.). Как считается, в России эта система использовалась начиная с XI века. Окончательный выбор в пользу «сентябрьской эры» был сделан в 1492 году. С 1700 года Россия, как и почти все европейские страны, перешла на счисление времени от Рождества Христова. 31 декабря 7208 года, по указу Петра I, было последним днем старой системы отсчета, а следующий день уже официально считался по новому летоисчислению от Рождества Христова – 1 января 1700 года. Таким образом, 14 сентября н.ст. 2014 года наступил новый 7523 год от сотворения мира.

В Римском государстве была принята эра «от основания города» (*Ab Urbe condita*), началом которой считалось 21 апреля 753 года до н.э., когда Ромул опалил границы будущего города и начал его строительство. Примечательно, что в Риме календарный год начинался 1 марта, отсюда и названия месяцев после августа: сентябрь, то есть седьмой, октябрь – восьмой и т.д. Однако существовал и политический год – с 1 января, когда должностные лица приступали к исполнению обязанностей. Нередко римляне вели счет по правлениям консулов. Например, «в консульство Цезаря и Бибула», т.е. 59 г. до н.э.

Долгое время в Римской империи и Европе использовалась эра Диоклетиана, эра восстановления империи или эра мучеников, – с 284 г. н.э. В 525 г. монах Дионисий Малый составлял пасхальные таблицы. Он предложил отказаться от тогдашнего летоисчисления (эра Диоклетиана) и ввести новую систему счёта лет – от Рождества Христова. Данная система летоисчисления не сразу вошла в употребление. Её популяризовал Беда Достопочтенный в своем труде «*De sex aetatibus mundi*» (Шесть этапов мира), в котором им впервые использовано летоисчисление Дионисия Малого до и после рождества Христова, принятое потом в большинстве средневековых летописей.

В исламских странах принята Мусульманская эра (эра хиджры) – 16 июля 622 года н.э., то есть бегство пророка Мухаммеда из Мекки в Медину.

Последняя крупная попытка ввести новую эру была предпринята в годы Французской революции, когда был введен революционный календарь. 22 сентября 1792 года был объявлен первый днем свободы или первым годом республики. Традиционные названия месяцев были заменены на искусственно созданные (брюмер, термидор), а недели были заменены на декады. Была даже попытка разбить час не на шестьдесят, а на сто минут. Революционный календарь был отменён Наполеоном, и с 1 января 1806 года Франция вернулась к григорианскому календарю.

Другой крупный отрезок времени – эпоха. Он объединяет несколько веков, и это делается по какому-либо важному внутреннему признаку. Например, эпоха Средневековья характеризуется феодальным способом производства, а эпоха Мин – правлением соответствующей династии в Китае. Нередко эпохой называют менее продолжительные, но весьма важные для истории периоды. Например, эпоха великих географических открытий, петровская эпоха, эпоха наполеоновских войн и т.п.

Еще менее продолжительные временные отрезки именуются периодами, этапами (если являются составными частями другого периода), просто «годами». Например, в период контрреформ, на втором этапе Великой Отечественной войны, годы «оттепели».

Проблема периодизации, можно сказать, распадается на два уровня: теоретический и прикладной, однако общее у них в том, где провести границы периода. Если в первом случае речь идет о глобальной истории либо истории отдельного региона или страны, то во втором – об уровне конкретного исторического исследования. Время охотно сравнивают с рекой. Подобно тому, как трудно (если вообще возможно) провести некую границу по воде, не привязывая её к берегу, так же трудно провести границу исторического периода, не привязывая его к определенному событию. Споры возникнут по поводу правомерности привязки границы именно к этому событию, его важности, эпохальности. Как заметил английский историк А. Марвик, у исторического деления на эры, века и периоды нет априорного существования. Это просто аналитический инструмент историков.

Периодизация, которая подходит для Запада, не будет иметь смысла для Африки или Азии. Периодизация, которая годится для экономической истории, может не подходить для культурной или политической. Так, в отечественной историографии принято делить всемирную историю на древность, средние века, новое и новейшее время. Но такая периодизация едва ли уместна для истории Византии, а еще меньше – для истории Китая. Средние века в Китае – средние между чем и чем? И если последовательно проводить европейские (или марксистские) подходы к понятию Средневековья, то применительно к Китаю оно закончилось к XX веку. А для цивилизаций Мезоамерики европейская система периодизации просто теряет смысл.

Однако и для Европы традиционная система не всегда годится. Так, началом Средних веков считается 476 год, то есть год взятия Рима Одоакром, который переслал знаки императорского достоинства в Константинополь. Тем самым Западная Римская империя как бы юридически перестала существовать. Но последние пятьдесят лет своей агонии Римская империя и так была скорее мертва, чем жива. Дата эта, таким образом, весьма условна. Если с оговорками она годится для Западной Европы, то для византийской истории она не имеет почти никакого значения.

Верхняя граница Средневековья еще более условна и туманна. В качестве рубежных событий предлагаются следующие (и список далеко не полон):

1453 г. – падение Константинополя и ликвидация Византии, то есть Восточной Римской империи;

1455 г. – изобретение книгопечатания Гуттенбергом;

1492 г. – открытие Колумбом Америки;

конец XIV-XV вв. – великие географические открытия;

1517 г. – начало Реформации;

конец XVI – нидерландская буржуазная революция;

40-е годы XVII в. – английская буржуазная революция;

1776 г. – декларация независимости США (или более широко – Война за независимость);

1789 г. – начало великой французской революции, ликвидация феодализма.

Есть и другие даты. В последнее время чаще всего используется довольно нейтральная и расплывчатая граница – начало XVI века, которая объединяет и примиряет многие другие, более точные датировки. Новую историю предлагают делить на два периода: ранее новое время (до французской революции и наполеоновских войн) и просто новое время (1815-1914/1918 гг.) Правда подобная система периодизации не является пока общепринятой в нашей стране.

Применительно к истории России обычно применяется следующая периодизация:

- Древняя Русь (или Киевская Русь) до начала XII века.
- Феодальная раздробленность (или удельная Русь, Владимирская Русь, что не совсем корректно) с XII века до монголо-татарского нашествия 1237-1240 гг., что тоже не совсем корректно ибо в период так называемого татаро-монгольского ига раздробленность на Руси достигает апогея.
- Зависимость от Золотой Орды (так называемое татаро-монгольское иго) 1240-1480 гг.
- Московская Русь, Московское царство, московский период (1480-1700, или правильнее вторая половина XV – конец XVII в.).
- Российская империя, эпоха феодально-абсолютистской монархии (конец XVII в., а формально 1721-1861г.).
- Период капиталистического развития (1861 – 1917 гг.).
- Период революции и гражданской войны (1917-1922/1923 гг.)
- Советский период (1923-1991гг.) Сюда нередко включается и период Гражданской войны. Кроме того, обычно подразделяют на дово-

енный, период Великой Отечественной войны и послевоенный период. Кроме того, иногда выделяют эпоху перестройки (1985-1991).

- Постсоветский период или период существования независимой России – с 1991г.

Широко применяется старая, но проверенная временем периодизация в соответствии с годами правления царей и т.п.: время Ивана Грозного, эпоха петровских преобразований (или просто петровская эпоха), золотой век Екатерины, эпоха Сталина, годы застоя (правление Брежнева),

Для историка бывает порой весьма соблазнительно подогнать свое конкретное исследование под общую периодизацию. Иногда имеет смысл поддаться этому соблазну. Так изменения в управлении Западной Сибирью вполне логично связать с петровской эпохой, а создание и развитие тяжелой промышленности в Зауралье с Великой Отечественной войной. В некоторых случаях такой подход не только не работает, но и дает отрицательный результат. Например, глядя на тему исследования «Развитие народного образования в Тобольской губернии в 1861-1917 гг.», невольно задаешься вопросом о том, что же такого знаменательного произошло в этой сфере в Тобольской губернии именно в 1861 году.

Таким образом, можно констатировать, что границы временного отрезка для своего исследования исследователь определяет сам. Общепринятая периодизация не всегда общеупотребительна, она не всегда подходит для конкретно-исторического исследования. Важно понимать, что хронологические рамки исследования надо обосновать, они определяются внутренней логикой самого исследования, а не устоявшимися историческими схемами.

Кроме того, необходимо научиться выделять периоды внутри выбранных хронологических рамок. В ходе исследования почти всегда обнаруживается, что ход событий, ход времени неоднороден. В связи с этим необходимо выделить два, три, а иногда и больше дополнительных периодов или этапов. Например, Великая французская революция (1789-1799) традиционно подразделяется на начальный этап (июль – август 1789 г.), период Учредительного собрания (август 1789 – осень 1791 г.), период конституционной монархии (осень 1791 – август 1792), жирондистский период (сентябрь 1792 – июнь 1793 г.), якобинской диктатуры, или период Террора (июнь 1793 – июль 1794 г.), термидорианской республики (27 июля 1794 – 26 октября 1795 г.), Директории (26 ноября 1795 – 9 ноября 1799 г.).

Таким образом, проблема периодизации остается нерешенной. Даже устоявшиеся эпохальные данные подвергаются сомнению. Исторiku очень важно научиться самостоятельно выделять периоды и обосновывать их границы.

Глава 8. История и пространство. Проблема исторического региона

Выделение региона, в географических пределах которого будет осуществляться историческое исследование, представляет для историка такую же трудность, как определение хронологических границ. Эта трудность имеет два аспекта – теоретический и практический.

На теоретическом уровне необходимо определить, какой именно исторический регион следует изучать и почему именно этот. Так, например, если необходимо изучать генезис феодализма в Европе, то выбор надо остановить на Франции, а не на России или Польше, поскольку именно французский феодализм является типичным и был во многом предметом подражания и заимствования.

Практический аспект заключается в определении конкретных границ исторического региона. Границы на протяжении веков менялись, центры становились перифериями и наоборот. Зачастую возникает соблазн взять в качестве исследования те административные границы, которые существовали на период изучения. Зачастую это оправдано, поскольку статистические и иные данные, как правило, сгруппированы именно по такому региональному признаку. Кроме того, в архивах документы также зачастую сгруппированы по территориальному признаку. Однако существует одна опасность. В рамках одного региона не всегда присутствует то, что мы изучаем, в равной мере. Например, изучая Тобольскую губернию, следует помнить, что она была одной из крупнейших в Российской империи. Кроме того, практически не освоенный русскими север губернии сильно отличался от юга. При изучении таких проблем, как медицина, образование, культурно-бытовые традиции и т.д., следует задуматься над тем, стоит ли брать в качестве географической составляющей предмета исследования всю губернию, если фактически рассматриваются только её южные (или северные) уезды.

Подобные же проблемы могут возникнуть и при изучении других регионов. Скажем, границы средневековой Франции были весьма размыты и совсем не совпадают с её нынешними рубежами. Здесь большую помощь может оказать историческая география, знание естественных границ региона, ареала расселения той или иной этнической группы. Попробуем рассмотреть эти два аспекта подробнее.

Определить, что такое исторический регион, не так просто, как кажется. Проблема эта не представляет больших трудностей для географа, поскольку он понимает, что любой регион имеет достаточно условные границы, так же как и любой образованный историк понимает условность всякой периодизации. Проводить границы по земле немногим легче, чем проводить их во времени. К сожалению, многие историки, определяя географические рамки своего исследо-

вания, зачастую подходят к этому механистически, руководствуясь прежде всего административными границами. Поэтому необходимо сказать несколько слов о том, что такое локальная история, каковы территориальные границы локальных общностей.

Анализируя темы диссертационных и монографических исследований, можно прийти к обоснованному выводу: в конце прошлого XX века в отечественной историографии существовал выраженный интерес к локальной истории. Это объясняется тем, что локальная история долгие годы не существовала на научном уровне и была отдана на откуп краеведению, к которому она зачастую и сводилась. Не меньшую роль сыграл всплеск национализм и «парад суверенитетов», когда региональные исследования помогали ответить на вопросы: «Чья земля?», «Кто первый сюда пришёл и имеет на неё больше прав?» и другие.

В настоящее время мода на такого рода исследования, кажется, проходит. Как следствие, должна пройти и мода на локалистику. Однако, когда конъюнктурная пыль улеглась, можно увидеть устойчивый интерес к локальной истории, её актуальность и значимость, которые мало зависят от социально-политической моды. С некоторым преувеличением можно сказать, что исследователи за пределами столичных центров обречены в значительной части своей именно на региональные исследования. Это ставит ряд вопросов, о которых уже говорилось выше.

Первый вопрос можно сформулировать так: «А что такое регион?» При всей кажущейся простоте вопроса не так легко дать на него ответ. В своё время в немецкой географии под влиянием романтического идеализма сложилась школа Карла Риттера. Для него регионы были почти мистической реальностью, особыми индивидуальностями, созданными Творцом и данными человеку, чтобы тот обжил их в соответствии с божественным предназначением. Такие регионы существуют сами по себе и не зависят от точки зрения¹. Подобные представления не получили широкого распространения и вскоре стали достоянием истории науки. Практически все географы согласны с тем, что регион – понятие субъективное, которое выделяется исследователем по своему усмотрению. Это не приводит к субъективизму в географии, конечно. Это лишь означает, что географ сам может определять для себя точки, по которым пройдут границы региона в соответствии с поставленными им целями².

Во французской историографии, где хорошо разработана теория локальной истории, есть несколько подходов к делению пространства. Один из самых простых предложил признанный мэтр французской локалистики Э. Ле Руа Ладюри. Он предложил рассматривать в качестве основных единиц-регионов ис-

¹ Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М., 2005. С. 46-55.

² Там же. С. 45-46.

торические провинции, такие как, к примеру, Бретань во Франции. Вместе с тем в основу определения регионов легли и этнические составляющие. Правда, для Франции этнические границы и границы исторических областей совпадают, во всяком случае, по мнению Ле Руа Ладюри, для этнических меньшинств (эльзасцы, бретоны, руссильонцы и т.д.). Таким образом, история региона связана с историей населяющего народа (в этнологическом смысле этого слова), который, хотя и подвергся ассимиляции и в чистом виде этносом считаться уже не может, тем не менее сохранил черты самобытности. Применительно к России надо признать, что этот подход годится только для её европейской части, да и то с известными оговорками: а существуют ли такие исторические провинции в России так же, как во Франции или Италии? Принимая во внимание административно-территориальную чехарду, характерную для России последние шестьсот лет: завоевания, сокращение, а затем резкое увеличение территории, – ответ на вопрос, по всей видимости, будет отрицательный. Едва ли мы найдем на территории, заселенной ныне русскими, исторические провинции, аналогичные Шампани или Бургундии во Франции либо Пьемонту или Тоскане в Италии.

Другой подход к решению данной проблемы предлагает не менее крупный французский историк Ф. Бродель. В качестве наименьших единиц (регионов), на которые распадается государственная территория, он рассматривает «землю» (*rais*), то есть город и его окрестности, центром притяжения которых он выступает. Таковы, к примеру, город Бове и «страна», или «земля», Бовези¹.

Данный подход представляется более подходящим для выделения регионов в России. В самом деле некие маленькие экономические центры и их периферия возникли в древности и сохранились, может быть, до наших дней. Однако централизованное государство нередко нарушало такие целостности как умышленно, так и для удобства управления. Впрочем, в Европейской России такие территории могут быть выделены и определены. В этой связи И.М. Савельева и А.В. Полетаев справедливо отмечают: «Историческое пространство является социально-конструируемым понятием. С одной стороны, его границы могут определяться самим историком, с другой – историк может создавать такое пространство, которое было актуальным для участников взаимодействия. В последнем случае речь можно вести как о пространстве, присутствовавшем в качестве очевидного для исторических актеров, так и в пространстве, которое обсуждалось и рефлексировалось ими»².

Намного более сложной ситуация предстаёт в восточных регионах страны (Урал, Сибирь и т.п.), где плотность населения была невелика и существовало

¹ Бродель Ф. Что такое Франция? М., 1994. Т.1. С. 18-36, 135.

² Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. Т.1. С. 439.

смещение территориально-административных единиц и мест проживания различных этносов или различных систем хозяйствования.

Самое простое – пойти именно по пути выделения исторического региона в рамках территориально-административной единицы (губерния, уезд, в советское время – область). На данный путь подталкивает и источниковая база, коль скоро статистика и делопроизводство присутствуют именно по отдельной губернии, или уезду, или области. Но что даст такой подход применительно, скажем, к Тобольской губернии, которая была едва ли не самой большой в Российской империи? Зачастую исследователи охватывают лишь 3-4 южных округа/уезда. Если речь идет о Пермской губернии, то довольно трудно сопоставить западные, северные и восточные уезды, как это видно на примере знаменитого обзора данной губернии, составленного Х. Мозелем. Здесь и районы вокруг самой Перми, и северные земли, заселенные коми-пермяками (зырянами), и горнозаводской Урал, и зауральские уезды, более близкие по хозяйственно-экономическому укладу к округам Тобольской губернии (Шадринский, Камышловский и др.).

Более продуктивным представляется в этой связи комплексный подход к выделению региона. Он предполагает несколько параметров, связанных между собой. Конечно, нельзя исключать административно-территориальное деление, тем более, что источники формировались чаще всего именно по этому признаку. Не менее важен географический фактор, поскольку природная среда оказывает существенное влияние на культурную, хозяйственную и иные сферы деятельности. Это обстоятельство надо учитывать, когда речь идет, допустим, о горных и равнинных уездах Пермской губернии или Барабинской степи и Тарском округе/уезде. Кроме того, необходимо учитывать тип хозяйственной деятельности. Так, к северу от Тобольского уезда преобладало присваивающее хозяйство, в то время как к югу было чрезвычайно развито земледелие, а на юго-востоке – кочевое скотоводство.

И, наконец, нельзя отбрасывать этнический фактор при определении исследуемого региона. Для Урала и Сибири характерно компактное проживание отдельных этнических групп, поэтому, определяя территориальные рамки исследования, необходимо помнить, что на таких территориях могли быть принципиально иные формы культуры и хозяйственной деятельности. В этой связи достаточно интересным представляется подход, предложенный О.Г. Завьяловой. Автор выделяет указанные составляющие при определении границ регионов и более мелких территориально-географических единиц, а также приводит иные, на наш взгляд, менее важные для историка составляющие¹.

¹ Завьялова О. Г. Природопользование и развитие: этногеосистемный анализ. Тюмень, 2004.

Второй вопрос, который нуждается в некотором прояснении: «Как изучать?» В западных школах локальной истории имеется достаточно хорошо разработанная система методов, методик и приёмов изучения прошлого в рамках того или иного региона. Для нас эти методы не всегда подходят. Это связано, прежде всего, с типом источников, которые во многом отличаются от итальянских или французских. Кстати, наиболее часто локально-исторические исследования в этих странах направлены на Средневековье или раннее новое время. Кроме того, применительно к Уралу и Сибири широкая и надёжная источниковая база для исследования имеется в основном за последние два столетия, да и то многие источники, созданные ранее 1917 года, пострадали или даже уничтожены в ходе Гражданской войны и последующих событий. Принимая во внимание тезис об информационной неисчерпаемости источника, встает вопрос о повышении информационной отдачи источников, уже введенных в научный оборот.

Правда, следует отметить, что содержание многих архивохранилищ Урала и Сибири ещё не в полной мере использованы историками-исследователями, многие ждут своих открывателей. Не в полной мере изучены материалы личных фондов, достаточно редко используются геодезические, географические и топографические данные. Не в полной мере, на наш взгляд, востребован потенциал фондов сельских обществ.

Однако необходимо отметить, что последние замечания носят прежде всего источниковедческий характер. Они могут представлять интерес для довольно узкого круга специалистов по источниковедению Сибири и Урала. Более продуктивно, на наш взгляд, обратить внимание на то, как локальная история может изучаться в университетах, прежде всего студентами. Как уже отмечалось выше, для провинциальных вузов локальная история очень актуальна. Точнее сказать, актуальна методология и методика исторического исследования локального уровня, чтобы это исследование не превратилось в историческое краеведение. Соотношение между исторической локалистикой и историческим краеведением – вопрос довольно сложный и не вполне разработанный. Поэтому мы лишь упомянем о существовании данной проблемы.

Каковы же должны быть подходы к определению исторического региона и как подходить к определению его границ? Прежде всего, на наш взгляд, следует четко понять, что исторический регион – мысленный конструкт. Как, к примеру, определить, где заканчивается Урал и начинается Сибирь? Определение границ с учетом лишь административных рубежей затемнит проблему, как это было показано выше на примере Тобольской губернии. В основу выделения региона должны быть положены исторические реалии, а не исторические границы. В этом случае следует, на наш взгляд, учитывать административно-территориальное деление, природные ландшафты (таёжная часть Тобольской губернии резко отли-

чается от лесостепной), этнический состав населения, его хозяйственные занятия. Это позволит более объективно посмотреть на прошлое региона, избавит он необходимости загонять исследователя и исследование в Прокрустово ложе современных представлений о том, как сейчас выделяется этот регион.

Наконец, необходимо сказать несколько слов о таком направлении в исторической науке, как микроистория. Оно сформировалось 70-е годы XX века во Франции и Италии, и признанными мэтрами его считаются К. Гинзбург и Э. Ле Ладюри. Смещение интересов «от центра к периферии» обычно относят к 1960-м годам, но полную силу тенденция, получившая название «микроистория», приобрела в следующие десятилетия во многом под влиянием культурной антропологии. Микроистория не стала полностью, если так можно выразиться, «асоциальной», но, как справедливо отмечает Л.П. Репина, наряду с классами начинают изучаться социальные микроструктуры – семья, община, приход и т.д. Таким образом, девизом нового направления стал афоризм: «Не История, а истории»¹.

В рамках микроистории историки-ученые занимаются, как правило, рассмотрением небольших территорий и популяций (городок, деревня, отдельная семья) прошлого с целью изучения повседневной жизни и ментальности «маленького человека», традиционно теряющегося в истории. Такой анализ предполагает изучение частных явлений, происходивших в жизни отдельных людей прошлого, с целью выявления господствующих представлений и тенденций в обществе в целом. Таким образом, правильное понимание этого направления не должно сводиться просто к изучению отдельного наибольшего населенного пункта или региона. Это делалось и делается в рамках исторического краеведения. Задача истории – отразить, как в капле воды, историю общества в целом, показать на примере одного небольшого региона или социальной группы историю страны или общественных явлений и процессов.

В этой связи вновь уместно обратиться к известному французскому Жаку Ревелю, который попытался (весьма успешно, на наш взгляд) разделить предметное поле макро- и микроистории и в то же время объединить их. По его мнению, если изменить масштаб рассмотрения, то перед глазами могут предстать совсем другие реальности: «Решающим в определении микроистории является изменение масштаба анализа»². Но именно в этих ничтожных событиях обнаруживаются и совершенно другие очертания. «И тут мы снова возвращаемся к проблеме масштаба рассмотрения. Историки инстинктивно сводят иерархию уровней рассмотрения к иерархии исторического масштаба: на уровне наций пишут национальную историю; на локальном уровне пишут локальную историю; само по себе это не обяза-

¹ Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. С. 20.

² Ревель Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996. С. 116

тельно выстраивает иерархию по значимости, особенно с точки зрения социальной истории. История социальной целостности на самом нижнем уровне рассыпается на мириады крошечных событий, в которых трудно найти организующую связь», — пишет Ревель¹. В последней части данной цитаты содержится достаточно серьёзное предостережение от опасности, которой стали грешить многие историки. Они увлекаются микротемами, превращая их в мелкотемье. Особенно это применительно к модной ныне истории повседневности. Не удивлюсь, если скоро появится объёмистая работа под таким примерно названием: «Повседневная жизнь Людовика XVI 14 июля 1789 г.». Говоря словами известного английского юмориста С. Паркинсона, такая архиузкая специализация не сулит ничего, кроме широчайшего тупика.

Продолжая рассуждать вместе с Ж. Ревелем, который весьма удачно подвёл методологическую базу под этот термин и сделал при этом прекрасный историографический обзор, следует отметить, что микро- и макро история не противоречат, а дополняют друг друга. Так, микроистория, вводя разнообразные и множественные контексты, постулирует, что каждый исторический актер участвует прямо или опосредованно в процессах разных масштабов и разных уровней (от самого локального до самого глобального) и, следовательно, вписывается в их контексты. Здесь нет разрыва между локальной и глобальной историей и тем более их противопоставления друг другу. «Обращение к опыту индивидуума, группы, территории как раз и позволяет уловить конкретный облик глобальной истории. Конкретный и специфический, ибо образ социальной реальности, представляемый микроисторическим подходом, это не есть уменьшенная, или частичная, или урезанная версия того, что дает макроисторический подход, — а есть другой образ.... Микроистория — это не комплекс общих идей, не научная школа и тем более не автономная дисциплина, как слишком часто торопились утверждать. Микроистория неотделима от практики историков, от тех препятствий, с которыми они сталкиваются в ходе своих исследований. Она родилась как реакция на определенное состояние социальной истории, как стремление переосмыслить некоторые ее концепции, задачи и методы»². Изменение фокуса зрения не должно рассматриваться как рассмотрение части целого. Изменение фокуса приводит к рассмотрению принципиально иного объекта.

Рассмотрев основные теоретико-методологические положения микроистории, попытаемся теперь рассмотреть, что попадает в поле её зрения и как микроистория соотносится с локальной историей, с исторической локалистикой. Как уже отмечалось выше, объектом исследования микроистории может быть и отдельный человек. В этом случае это будет не биография, во всяком случае —

¹ Там же. С. 116.

² Там же. С. 118-119.

не привычная биография. Однако более часто микроисторический подход применим и, на наш взгляд, продуктивен, к некоей человеческой общности.

Дихотомия подходов, предложенная коллективом авторов под руководством Л.П. Репиной, довольно четко классифицирует общее состояние микроисторических исследований. Первый подход состоит в рассмотрении проблемы с точки зрения индивида, входящего в общность. Это своего рода портрет группы и времени на фоне человека. Движение человека по социальному пространству и смена им социальных ролей на протяжении жизни позволяет рассмотреть биографию в контексте его социального окружения. Второй подход отталкивается от среды обитания в самом широком смысле этого слова, включая ландшафт, микрокосм общины. Речь идет, таким образом, о соотношении жизни в локальной общине¹. Второй подход, более распространенный в нашей стране, справедливо называют локальными историческими исследованиями, которые создали к концу XX века более совершенную базу для обобщений на национальном уровне.

Для обоснования постановки данных проблем необходимо обратиться к отечественной историографии и попытаться понять, имеет ли место историческая локализация и востребована ли она в обществе? На этот вопрос следует ответить положительно. Наряду с историей своей большой страны историков и рядовых граждан интересует история той местности, где они живут. Поэтому число исследований как научного, так и популярного характера, посвященных данной теме, неуклонно растет. Следовательно работа по определению масштаба исторического исследования и территориальных рамок остаётся чрезвычайно актуальной. От точности определения границ зависит и точность исторического исследования.

Можно сказать, что общая история складывается из историй, но макро- и микроистория остаются историей со всеми своими правилами, условностями и недостатками. Это и открывает путь для их синтеза и интеграции. Особенности локальной истории во многом сводятся к особенностям источников и особенностям работы с ними, а также к определению историко-географических рамок исследования. Прочие трудности, по нашему мнению, есть во многом продолжением трудностей и уязвимых мест самой исторической науки.

Научить отделять одно от другого и помочь определять объект локального исследования – вот, пожалуй, основные задачи регионального учебного пособия по истории.

¹ Репина Л. П., Зверева В. В, Парамонова М. Ю. История исторического знания. С. 239-240.

Глава 9. Роль терминов и понятий в языке историка

Любая современная наука обладает категориальным и понятийным аппаратом. Под понятием обычно понимают отображённое в мышлении единство существенных свойств, связей и отношений предметов или явлений. Говоря проще, это отражение в сознании предмета и его свойств. Понятия формируются в процессе как эмпирической, так и научно-познавательной деятельности людей. Научные понятия отражают существенные признаки объектов, раскрывают их внутреннюю качественную определенность и выражаются в научных терминах. Термины – это словесное выражение понятий. Они представляют собой либо отдельные слова, либо определенные словосочетания. При еще не установившейся терминологии содержание понятий может вообще раскрываться описательно. Наряду с понятиями формой выражения научного знания и одним из важнейших средств их получения являются категории. Категории – это широкие, предельно обобщенные понятия, которые отражают наиболее существенные свойства, признаки и связи определенной совокупности объектов реального мира¹.

Среди понятий существенно отличаются понятия конкретные и абстрактные. Первые характеризуют реальные объекты так, как они даны нам в природе, а вторые отражают свойства объектов в отвлеченном от самих объектов виде. Абстрактные понятия, как правило, находят применение в научных теориях. Совокупность понятий той или иной науки можно классифицировать, исходя из их содержания, объема, формы отражения действительности и т.д. Такая классификация необходима для оперирования понятиями, раскрытия соотношения между ними. Так, понятия могут быть единичными и общими в зависимости от количества отображаемых объектов. Например, понятия, характеризующие общественно-политические или другие взгляды того или иного представителя исторической мысли, будут единичными (например, историческая теория В.О. Ключевского), а понятия, раскрывающие черты этих взглядов у целого направления этой мысли, – общими (например, взгляды Ключевского как представителя либеральной историографии). Важное значение имеют выделение и различие понятий видовых и родовых. Первым присущи все признаки (содержание) вторых; но, кроме того, они имеют и дополнительное содержание, отражающее особенности объектов данного вида. Поэтому при характеристике тех или иных видов объектов нельзя ограничиться лишь признаками, которые присущи всему роду этих объектов. Надо еще раскрыть и признаки, присущие каждому из этих видов. При оперировании с понятиями необходимо учитывать особенность противоположных (контрарных) понятий. Она состоит в их несовместимости. Из этого вытекают та-

¹ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. С. 208-209, 211.

кие логические выводы: противоположные понятия об одном и том же классе объектов или явлений, взятом в одном и том же отношении и в одно и то же время, не могут быть оба истинными. В этих же условиях истинность одного из противоположных понятий означает ложность другого¹.

Каждая наука обладает определенной системой выработанных в ней взаимосвязанных понятий. Понятийный аппарат всякой науки непрерывно развивается и обогащается вместе с развитием науки. Расширяется содержание старых понятий, возникают новые понятия и раскрывающие их содержание термины. Это, с одной стороны, упрощает задачу исследователя, с другой – усложняет, особенно когда речь идет именно об историческом исследовании, о чем будет сказано ниже.

Наука стремится максимально точно обозначать в языке то или иное явление, процесс или объект. В идеале слово (термин), называющее предмет, должно быть единичным понятием.

Кроме того, наука стремится к тому, чтобы понятия имели одинаковое значение в разных языках. Именно поэтому европейская наука с момента своего формирования так тяготела к формулам, ибо знаки формул понятны американцу, русскому и французу и имеют одинаковое значение.

Наряду с этим для введения новых терминов используются мертвые языки, такие как древнегреческий и латынь. Это составляет, казалось бы, парадокс. В самом деле, как можно для обозначения явлений, процессов или предметов использовать слова из языка, носители которого даже не могли иметь о них какое-либо представление. Однако именно потому, что древнегреческий и латынь – мертвые языки, слова в них не развиваются и не получают нового или дополнительного значения, возможно их использовать для изобретения терминов, которые получают в науке, как правило, только одно значение.

Историческую науку очень часто критикуют за отсутствие собственного категориального и понятийного аппарата. В самом деле, многие слова взяты из быденного языка, например: «царь», «война», «неурожай». Многие термины привлечены из языка философии. Таковыми, например, являются «сущность», «явление», «случайность», «необходимость» и т.д. Наконец, историческая наука весьма охотно заимствует термины смежных наук: экономики, социологии, демографии и др. Таковы, к примеру, термины: «общественный класс», «социальная революция», «экономический кризис», «демографический спад». Термин «формация» вообще заимствован из геологии.

Из всего сказанного, однако, не следует, что историческая наука не обладает собственным понятийным и категориальным аппаратом. Для социогуманитарного знания вообще характерны определенная размытость терминов, ис-

¹ Там же. С. 210-211.

пользование обыденного языка. «Научная терминология не отделена в семантическом отношении столь резкой чертой от обыденного языка, как это происходит с большей частью современной естественнонаучной терминологии»¹.

Это замечание особенно характерно для исторического знания. Еще тридцать лет назад академик И.Д. Ковальченко с определенной грустью писал, что в исторической науке пока не уделяется должного внимания вопросам понятийно-категориального аппарата. Одним из выражений этого является почти полное отсутствие специальных исследований по этим вопросам, а также словарей и справочников понятий и терминов, в которых обобщался бы опыт, накопленный в данной области. Академик Ковальченко считал также, что историки овладевают искусством умелого оперирования с понятийно-категориальным аппаратом своей науки в основном в процессе практической исследовательской работы. Но часто это осуществляется интуитивно и, как правило, приводит к разным трактовкам понятий и просчетам в оперировании с ними. Так, зачастую содержание и объем используемых понятий четко не раскрываются или в них вкладывается разное содержание. Так, к примеру, понятие «стихийность» классовой борьбы крестьянства в эпоху феодализма одни специалисты трактуют как локальность и раздробленность борьбы крестьянства, отсутствие в ней организованности. Другие исследователи понимают под «стихийностью» бессознательность борьбы крестьянства и прежде всего ее аполитизм, выражавшийся и в царистских иллюзиях крестьян. Поэтому они утверждают, что не только в эпоху феодализма, но вплоть до начала XX в. борьба крестьянства оставалась стихийной².

Надо сказать, что с тех пор ситуация только ухудшилась. Отсутствие единой идеологии и философской доктрины приводит к тому, что многие термины, даже уже устоявшиеся, понимаются по-разному. Например, термин «феодализм» имеет несколько основных значений. Некоторые историки-медиевисты утверждают, что феодализм существовал только на севере Франции в развитое Средневековье и применять его к другим регионам и эпохам нельзя. Другие считают, что его можно использовать для обозначения универсального этапа в жизни человеческого общества, связанного с поземельной зависимостью. Поэтому феодализм можно обнаружить не только в Европе, но и в Византии, Индии, Китае, Средней Азии и т.д.

Нередко термин используется без объяснения или ссылки, в которой могло бы содержаться такое объяснение. Предполагается, что он понятен читателю так же, как понятен и автору. Это еще более усиливает путаницу.

Важным условием корректного оперирования с понятиями являются четкое разграничение понятий видовых и родовых и учет различий в их содержа-

¹ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. С. 211.

² Там же. С. 214-215.

нии. Но историки не всегда соблюдают указанные требования. Это приводит к тому, что порой сложные явления и процессы, суть которых может быть раскрыта совокупностью видовых и родовых понятий, пытаются охарактеризовать неким единым понятием¹.

В целом же следует подчеркнуть, что расхождения между историками в определении сути одних и тех же фактов, возникающие в процессе категориального синтеза, вполне естественны и даже закономерны. В конечном счете подобные расхождения – проявление активности субъекта в процессе познания. Эта активность – несомненно положительная сторона познания и даже гарантия его успешного развития, несмотря на то, что порождает разные мнения и возникающие на этой основе споры и дискуссии. Именно наличие разных мнений и дискуссий и побуждает ученых, в том числе и историков, к активной разработке спорных проблем, что в конечном счете приводит к их решению².

Резюмируя сказанное, можно отметить, что в историописании, безусловно, присутствует свой язык, присутствует своя терминология. Язык профессионального историка отличается от языка дилетанта или краеведа любителя не только наличием научных и квазинаучных слов. Для него характерна особая логика рассуждений и особая манера изложения, которая отражает особенность мышления историка. Это достаточно трудно объяснить и еще труднее определить, однако человек, профессионально занимающийся историей, достаточно быстро отличит труд своего коллеги от непрофессионального изложения прошлого.

Термины, которые использует историк в своем исследовании можно разделить на три большие группы. Прежде всего, как уже говорилось выше, это слова, которые используются в повседневном языке. Это связано как с тем, что некоторые явления прошлого проще и лучше всего объяснить простыми словами, так и с тем, что эти явления или процессы присутствуют в нашей жизни и находят отражения в нашем языке. «Историки не всегда демонстрируют строгое употребление понятий, ибо их историографическая традиция не побуждает к этому. Более философичная германская традиция отличается в этом смысле, и нередко в Германии книга по истории начинается с главы, всецело посвященной обоснованию понятий, которые в дальнейшем будут использоваться автором. Стремясь избежать повторов и применения школярских правил изложения, французские историки иногда используют несколько слов для обозначения одной и той же реалии. Они запросто говорят государство и правительство, а иногда даже – власть, в то время как эти слова являются разными понятиями. То они говорят об общественном классе, то – об общественных группах, а то – о кругах. Такая легкость достойна сожаления, но она допускается очень часто и

¹ Ерофеев Н. А. Указ соч. С. 90.

² Там же. С. 218.

не влечет за собой негативных последствий до тех пор, пока не приводит к нарушению структуры и целостности концептуальной сети»¹.

Здесь, однако, надо помнить о том, что многие слова имеют разные оттенки значения в разных языках и могут менять значения с течением времени. Например, в истории довольно часто используется слово «царь». Стоит отметить, что его очень часто применяют как титул правителей древности и Востока. Так, мы говорим о царях Ассирии, Персии, Спарты, Древнего Рима. В большинстве европейских языков слово «tsar» применяется только к правителям России, в остальных случаях используются также слова из повседневного языка этих стран. Например, king или queen, то есть король или королева в английском языке. Порой не слишком грамотные или ответственные переводчики исторических произведений так и передают их при переводе на русский. Так и получаются «короли Ассирии» и «королевы Египта». Разумеется, правильно перевести как «царь Ассирии» и «царица Египта».

Вторая опасность состоит в том, что слова меняют свое значение или его оттенки. Так, например, слово «довлеть» означало «быть довольным, достаточным». Отсюда понятие «самодовлеющий», то есть самодостаточный. Сейчас это слово используется в значении «давить, нагнетать». Например, «довлеет проблема безработицы». Такую же эволюцию прошло слово «обязательный», которое еще сто пятьдесят лет назад имело значение «вежливый, обязывающий к себе», или слово «товарищ», которое нередко использовалось в значении «помощник, заместитель», например «товарищ министра», товарищ прокурора». Слово «буржуа» и производное от него «буржуазия» так же изменили оттенки своего значения. В Средние века или эпоху Мольера это слово значило «горожанин, полноправный гражданин города, мещанин». Именно слово «буржуа» присутствует в оригинальном названии пьесы «Мещанин во дворянстве». Кстати сказать, слово «мещанин» использовалось в русском языке как синоним жителя города и только гораздо позднее приобрело отрицательную коннотацию. После Французской революции и во времена Бальзака слово «буржуа» приобрело значение очень близкое к русскому слову «мещанин» с отрицательным, пренебрежительным оттенком. Именно в этом смысле использовали его великие французские писатели, такие как Бальзак. С легкой руки Маркса слово «буржуа» стало синонимом слова «капиталист». В этом значении оно в настоящее время обычно и используется. Существует даже термин «сельская буржуазия», что для средневекового француза прозвучало бы как оксюморон – деревенский горожанин. Наконец, нам следует помнить о средневековом значении слова и не обнаруживать класс капиталистов в феодальном обществе. Здесь уместно напомнить мысль К. Поппера о том, что ис-

¹ Про А. Указ. соч. С. 138.

торический факт и историческая терминология имеют определенную идеологическую нагрузку и могут использоваться представителями различных исторических школ в разных значениях. В истории, как и в других науках, «мы не можем избежать той или иной исходной точки зрения»¹.

Вторая группа терминов заимствована историей из таких наук, как социология, экономика, демография, т.к. она исследует те же проблемы, что и эти науки, только в прошлом. Поэтому в разделе экономической истории мы встретимся с экономическими терминами, такими как «экономический кризис», «инфляция», «безработица». В социальной или демографической истории встречаются соответственно термины этих наук. Здесь, пожалуй, самое главное использовать эти термины правильно и уместно, а в сомнительных случаях обратиться к соответствующей справочной литературой.

Наконец, третья группа терминов определяет предметы или явления, которые не существуют в наши дни. Для правильного и адекватного их отражения приходится прибегать к архаизмам и историзмам, то есть словам, вышедшим из употребления. Главное отличие первых от вторых заключается в том, что они могут быть заменены словами современного языка (выя – шея, ланиты – щёки, зело – очень).

Историзмы не имеют синонимов, так как это единственное обозначение исчезнувшего понятия и стоящего за ним предмета или явления, потому что исчезли из жизни предметы и явления, которые они обозначали. Это такие слова, как «епанча», «балыи», «боярин», «алтын», «кондотьер», «илоты» и т.п. Значение некоторых слов понятно всякому образованному человеку (например, боярин). Значение других следует объяснить при первом употреблении или использовать глоссарий. «Переводить» такие слова на современный язык едва ли целесообразно, хотя частое использование историзмов может заметно затемнить текст исторического сочинения. По этому поводу известный английский историк А. Марвик заметил, что никто не более знаком, чем историк, с проблемами языка, с которым он сталкивается в первичных источниках, которые изобилуют неясными терминами, словами и фразами, которые изменили свои значения за века, отношениями и понятиями, которые больше не существуют сегодня, и едва ли могут быть выраженными на современном языке. Историки, в отличие от писателей и журналистов, должны передать свои результаты максимально ясно и явно. При всем желании или даже искушении баловаться риторикой, использовать клише, метафоры, неаккуратные выражения или сленг необходимо использовать слова в их точном историческом значении. Точный, незагроможденный стиль важен для исторического сочинения.

¹ Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 2. С. 300-302.

Глава 10. Историческая альтернативность как методологическая проблема

Исследуя прошлое, историк сталкивается с двумя вариантами его объяснения. С одной стороны, прошлое существует в том виде, как оно существует. В этом смысле альтернативы ему нет, именно в этой связи стоит вспомнить известный афоризм, гласящий, что у истории нет сослагательного наклонения. Более того, изучая исторические труды можно прийти к выводу, что ход исторического процесса логически обуславливает (детерминирует) происхождение одного события из другого, а сам исторический процесс инвариантен. С другой стороны, существует соблазн представить историю как скопление случайных событий и произвола отдельных людей. Как остроумно заметил в связи с этим американский философ и социолог Р. Хайлбронер, «история существует как хаос или как тюрьма»¹.

Рассматривая многие исторические события или явления, неважно, идет ли речь о военной победе или о крушении империи, «историки всегда открывают отдаленные и закономерные причины, которые постфактум придают мнимую необходимость эффективному исходу», – отмечает Р. Арон. Забывают при этом, что противоположный исход, может быть, тоже содержал бы удовлетворительное объяснение. «Другими словами, ретроспекция создает иллюзию фатальности, которая противоречит современному представлению о случайности. Ни то, ни другое априори не являются ни ложным, ни истинным, будущее часто исправляет мнение участников событий. По крайней мере, современное представление не включает никакого догматизма наперекор ретроспективной иллюзии»².

В большинстве своем современные историки стремятся пройти между Сциллой фатализма (или жесткого детерминизма) и Харибдой волюнтаризма и обожествления случайности. В основе всякого исторического исследования лежит попытка установления каузальных, то есть причинно-следственных связей, взаимообусловленность событий во времени. Имеется разделение причин на субъективные и объективные. Первые созданы волей человека, вторые – независимыми от него обстоятельствами. Следует помнить, что и субъективные причины имеют под собой некие объективные предпосылки. Примером может служить деятельность императора Петра III. Вступив на трон в 1761 г., он прекратил участие русских войск в Семилетней войне и заключил союз с недавним противником – Пруссией. Этот эпизод объясняется субъективными причинами – характером и волей царя. Однако это вступило в противоречие с объективными

¹ Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. С. 684.

² Арон Р. Избранное. С. 370.

обстоятельствами: интересами России или её правящих классов. Следствием этого стал почти опереточный переворот, приведший на престол Екатерину II. Несмотря на то, что она не имела никаких прав на российский трон и даже не была русской, она стремилась учитывать объективные обстоятельства российской действительности той поры и соотносить с ней свои субъективные желания. Кстати, именно этим можно объяснить то, что либерально-просветительские идеи, с которыми Екатерина вступила на престол и которые изложила в знаменитом «Наказе», так и не были реализованы.

Здесь необходимо сказать несколько слов о реальных альтернативах и нереальных, о причинах, которые действительно оказали существенное влияние на исторический процесс, и тех, которые были сопутствующими и придали событию, процессу или явлению лишь какой-то оттенок.

Рассуждая о каузальности и альтернативности в истории, Р. Арон обратил наше внимание на ту роль, которую играют событие или личность в историческом процессе. Здесь важно понять, что было бы, если бы какого-то элемента исторического процесса не было, пошла бы история тем же путем или он был бы *принципиально* иным. Если считать, что решение Бисмарка было причиной австро-прусской войны 1866 г. или что победа при Марафоне спасла греческую культуру, то следует понимать, что без решения канцлера война бы не разразилась (или, по крайней мере, не разразилась бы в этот момент), что персы-победители помешали бы греческому культурно-политическому «чуду». В обоих случаях действительная причинность определяется только путем сопоставления с возможностями. Всякий историк, чтобы объяснить то, что было, задается вопросом о том, что могло бы быть. Если мы ищем причину какого-либо феномена, то мы не ограничиваемся подсчетом альтернатив. Мы стремимся взвесить влияние каждой из них. Чтобы осуществить это действие, мы берем одну из альтернатив, мысленно предполагаем её исчезнувшей или модифицированной, а затем стремимся сконструировать или представить то, что произошло бы в этом случае. Если мы должны признать, что исследованный феномен был бы другим в отсутствие этого случайного (или в случае, если бы этот antecedent был дифференцирован), то мы должны заключить, что этот antecedent, то есть предшествующее событие, является одной из причин феномена-следствия, а именно той части, которую мы предположили преобразованной. Если бы греки попали под влияние Персии, то последующая греческая жизнь частично была бы другой, чем она была. Победа при Марафоне является одной из причин греческой культуры. Теократический режим был бы не необходимым, а объективно возможным следствием победы персов. Обстоятельства, которые делали этот режим (который не был реализован) объективно возможным, во всяком случае были бы соединены с другими событиями, которые могли бы быть бла-

гоприятными или неблагоприятными для этой эволюции. Поэтому правильной формулой была бы формула вероятности: победа персов была бы адекватной причиной теократического режима¹.

Следует отметить, что вопрос о соотношении случайного и предопределенного, роли личности в истории носит во многом историософский и философский характер. Есть немало доводов в пользу любого варианта. Нам необходимо рассмотреть альтернативность именно как методологическую проблему, то есть какую роль альтернатива играет в историческом исследовании.

В античной историографии роль вершителя истории приписывалась року, фатуму, судьбе. В эпоху Возрождения любили говорить о слепой фортуне, в Новое время ход исторического процесса объяснялся законами и жесткой причинной обусловленностью – детерминизмом. Этот подход стал доминирующим во всех науках в XIX веке. Классический, или лапласовский, детерминизм основан на представлении, согласно которому весь окружающий мир – это огромная механическая система, поэтому все будущие состояния ее строго предопределены ее начальным состоянием. В основе этой формы детерминизма лежат универсальные законы классической физики, а также учение великого французского физика и математика Пьер-Симона Лапласа (1749-1827). Он провозгласил принцип причинности как фундаментальный закон природы. Лаплас считал, что если известно расположение элементов (каких-то тел) системы и действующие в ней силы, то можно с полной достоверностью предсказать, как будет двигаться каждое тело этой системы сейчас и в будущем. Ум, который в данный момент знал бы все силы, действующие в природе, и относительное положение всех составляющих ее сущностей, если бы он еще был столь обширен, чтобы ввести в расчет все эти данные, охватил бы одной и той же формулой движения крупнейших тел Вселенной и легчайших атомов. Ничто не было бы для него недостоверным, и будущее, как и прошедшее, стояло бы перед его глазами. Со временем, как полагал он, такое возможно будет рассчитать. Известен такой исторический анекдот. Свою систему Лаплас изложил своему ученику Наполеону Бонапарту, когда тот уже был императором. «Вы написали такую огромную книгу о системе мира и ни разу не упомянули о его Творце!», – воскликнул император. «Сир, – ответил Лаплас, – моя система не нуждается в таком допущении».

В эпоху позитивизма слово детерминизм стало синонимом научности. Эти же законы были перенесены на общественные науки. Почти во всех крупных объясняющих социологических системах того времени (в марксизме, в частности) ход истории рассматривался как закономерный процесс, изменить

¹ Арон Р. Избранной. С. 354.

ход и направление которого невозможно. Желаящего судьба ведет, нежелающего тащит, а свобода есть осознанная необходимость.

XX век поколебал веру в жесткий детерминизм. В современной концепции детерминизма органически сочетаются необходимость и случайность, поэтому мир и события в нем не являются ни фаталистически предопределенными, ни чисто случайными, ничем не обусловленными. В середине XX века известный философ, логик и социолог К. Поппер подверг критике детерминистские учения в социальных и исторических науках. Он рассматривал их не как собственно научные теории, а как метафизические программы, основанные на подобии религиозной веры. К числу самых крупных и влиятельных программ он отнес дарвинизм, марксизм и фрейдизм. По его мнению, вера в некие «железные законы истории» является предрассудком. Он назвал его историцизмом.

В большинстве своем историки, занимающиеся конкретной тематикой, не очень любят рассматривать схемы, где действуют сложные социальные законы. Разумеется, ни один серьезный исследователь не будет отрицать наличие неких закономерностей в историческом развитии, однако когда конкретно историческое исследование вписывают в социологическую или историософскую схему, то в последней обнаруживается немало натяжек и упрощений. Так, например, в советской (и не только) историографии феодализм рассматривался как некое универсальное явление, обязательная стадия развития человеческого общества. Его обнаружили не только в Европе, но и в Византии, на Востоке, в Мезоамерике и других местах. Между тем, если сравнивать общественный и политический строй средневековых Франции и Византии, то обнаружится весьма много несоответствий. Поэтому далеко не все историки согласны загонять конкретную историческую эпоху в достаточно абстрактную формацию или цивилизацию.

Проблема исторической необходимости и случайности обсуждалась бесконечное число раз. Спор этот, по всей видимости, не будет в обозримом будущем разрешен. «Кто однажды решился объяснять все причинами, – замечает Р. Козеллек, – тот всегда найдет какую-нибудь»¹.

Случайность выступает как неустойчивая связь между событиями, как то, что позволяет заполнить лакуны в объяснении, которые не могут быть заполнены при помощи детерминистского подхода. Зачастую отнесение причины к случайной или закономерной зависит не только от идеологических установок исследователя, но и от времени. «Значимость событий определяется значимостью их последствий», – говорил Талейран. В этой связи некоторые события, которые считались важными или даже судьбоносными, утратили это значение спустя время. Другие, которые казались случайными и второстепенными, име-

¹ Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. С. 688.

ли далеко идущие последствия. Так, на момент прихода Гитлера к власти мало кто из политической элиты Германии рассматривал его как серьезного политика. Многие смотрели на него как на политического клоуна, который покривляется несколько месяцев на политической арене и тихо сойдет с неё. Дальнейшие события показали, что такой подход был недальновидным. Не стоит рассматривать установление нацистского режима в Германии как случайное явление, возникшее только под влиянием демонической личности Гитлера. Это событие имело свои исторические корни и было причинно обусловлено, хотя, по всей видимости, не было неизбежным. «Следствие считается случайным по отношению к некоторой группе antecedентов, если эта группа приводит к этому следствию только в небольшом числе случаев (небольшому числу в противоположность к числу тех случаев, когда она не ведет к этому следствию)», – пишет Р. Арон¹.

Этот эпизод с далеко идущими последствиями возвращает нас к основному предмету. Альтернативность рассматривается не в философском, а методологическом смысле, то есть какую роль допущение развития событий по другому пути играет в историческом знании. Здесь уместно вновь обратиться к работе И.Д. Ковальченко, поскольку в этой части она не утратила актуальности. Он отмечает, что «альтернативной является такая историческая ситуация, которая характеризуется борьбой общественных сил за реализацию существенно отличных возможностей общественного развития. Следовательно, историческая альтернатива может иметь место тогда, когда в действительности, во-первых, содержатся существенно отличные возможности (потенции, тенденции) последующего развития и, во-вторых, имеются общественные силы, ведущие борьбу за реализацию этих возможностей. Значит, альтернативность в общественно-историческом развитии органически связана с возможностью и действительностью, с объективным и субъективным. Учитывая то, что органическое сочетание объективного и субъективного выступает главным выражением особенностей явлений общественных по сравнению с естественными, можно рассматривать альтернативность как наиболее яркое выражение этой особенности»².

Здесь следует понять, что построение исторических альтернатив не сводится к интеллектуальной игре «а что если бы..», а должно исходить из исторических реалий. Так, рассуждение о том, как бы развивалась судьба Римской империи, если бы в то время было открыто электричество, может быть и интересно с точки зрения развития ума, но совершенно лишено исторического основания и может быть приравнено к детским фантазиям. Историк должен исходить из реально существовавших возможностей. Типичным примером таких

¹ Арон Р. Избранное С. 354-355.

² Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. С. 85-86.

рассуждений служит малоизвестная у нас работа А. Тойнби «Если бы Александр не умер тогда...», до сих пор являющаяся эталоном для многих специалистов по «альтернативной истории». Исходя из предположения что Александр Македонский выжил после своей болезни и прожил достаточно долгую и полноценную жизнь, Тойнби выстраивает блестяще построенную схему возникновения мировой македонской империи с последующим серьезным изменением истории. Есть аналогичные исследования о том, что было бы, если бы Дж. Кеннеди не был убит или если бы президент В. Вильсон не был парализован в последний год своего президентства.

В нашу очередь в свое время книге Р. Фогеля «Железные дороги и рост американской экономики: эссе по эконометрической истории» была предпринята попытка предположить: как бы развивалась американская экономика 1830-1890-х гг., если бы не было железных дорог, поскольку считалось, что именно железнодорожное строительство являлось одним из «локомотивов» быстрого экономического роста Америки XIX в. Фогель попытался проверить на языке цифр привычные оценки транспортной революции. Кроме влияния железнодорожного строительства на транспортные издержки, Фогель также смоделировал его воздействие и на развитие сопряженных отраслей, таких как производство рельсов и шпал, добыча угля и т.д. Результаты математических расчетов получились парадоксальными: вклад железнодорожного строительства оказался весьма небольшим.

Результатом дискуссии о «Железных дорогах» стало, в частности, то, что сам Р. Фогель резко сменил направление своих исследований, переключившись с проблем транспортной революции на вопросы экономики рабства и перестав делать акцент на «альтернативной истории». В следующей своей работе «Время на кресте», написанной совместно с С. Энгерманом, он попытался доказать, что рабское хозяйство на Юге США совсем не было таким нерентабельным, как его пытаются представить, а напротив, у него были перспективы. На основании неких экономических и математических моделей они сформулировали вывод о том, что причиной Гражданской войны в США была вовсе не экономическая неэффективность рабства, а моральное неприятие свобододолюбивыми американцами института рабства как системы угнетения¹. И в первом случае и во втором Р. Фогель пытался построить научную модель, базирующуюся на строгом математическом расчете, но оторванную от исторической действительности. С точки зрения историка, говорить о том, что было бы если бы не было железных дорог, в то время как они были, — бессмыслица, так же как и рассчитывать экономическую рентабельность того, чего не было.

¹ Савельева И. М., Полетаев А. В. Теория исторического знания. С. 431.

В историческом процессе возникновение альтернативной ситуации имеет объективные и субъективные предпосылки. Очевидно, что объективной основой альтернатив является наличие в исторической действительности качественно различных возможностей и тенденций последующего развития. Что же порождает такие возможности? Говоря кратко, возникновение таких возможностей обусловлено тем, что в историческом развитии в силу многообразия условий его протекания нет однозначной обусловленности формы содержанием. «Содержание этого развития может иметь определенный диапазон форм, в которых оно выражается», – отмечает И. Д. Ковальченко¹. В этой связи надо внести ясность в один важный вопрос: представляет ли историческая альтернатива антитезу, качественно отличный вариант развития или же альтернатива – это разные варианты последующего развития, заключенные в этой действительности, но еще не проявившиеся реально. Часто в исторических работах, когда говорят об альтернативах, имеют в виду иное направление развития в будущем по сравнению с существующей действительностью. С этим нельзя согласиться. Существующая действительность может представлять собой либо уже реализованную возможность прошлого, либо борьбу, которая ведется за реализацию существенно отличных, альтернативных возможностей последующего развития. Будущее является естественным и неизбежным продолжением настоящего. Оно вырастает из настоящего. Но оно не может быть альтернативой настоящему, ибо как может быть альтернативой реальному то, чего еще нет? Значит, альтернативы как реальность – это действительность, а как будущее – это лишь потенции этой альтернатив. Следовательно, альтернативность – это реальная борьба, которая ведется в действительности за существенно отличные варианты будущего. Ее пределы (в плане объективных возможностей) занимают промежуток социального времени от возникновения существенно отличных возможностей дальнейшего развития и начала борьбы за реализацию разных возможностей и до воплощения в действительность одной из альтернативных возможностей либо до снятия их ходом развития в результате возникновения новых возможностей².

При построении альтернативных сценариев или моделей очень важно придерживаться именно возможных сценариев. В своей статье «Ретроальтернативистика в философии истории» И.В. Бестужев-Лада рассматривает несколько реальных исторических сценариев в поворотные моменты, когда действительно решалась судьба России в 1812 и в 1941 годах. При этом, по его мнению, если относиться к построению альтернативных исторических моделей развития не как к игрушке повышенного эмоционального воздействия, а как к инструменту философии

¹ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования С. 88.

² Там же. С. 88-89.

истории, то придется сосредоточить внимание на четырех методологических проблемах, решение которых имеет в данном случае приоритетное значение:

1 Критерий реальности виртуальных сценариев, позволяющий провести рубеж между реально возможными и явно фантастическими допущениями.

2 Критерий логичности виртуальных сценариев, позволяющий установить непротиворечивость причинно-следственных связей в их построении.

3 Критерий сопоставимости виртуальных сценариев между собой и с исторической действительностью, позволяющий сравнивать только сравнимое, сопоставлять только сопоставимое.

4 Критерий оптимальности виртуальных сценариев, позволяющий извлекать из них уроки на будущее в той же или исходной области исторического знания.

При решении такого рода проблем целесообразно обращение к инструментарию современной прогностики в возможно более широком диапазоне (анализ и оптимизация трендов, включая реверсивные: опрос экспертов, сценарное и матричное моделирование и т.д.)¹.

Построение альтернативных исторических моделей имеет две основные функции в историческом исследовании. С одной стороны, это элемент доказательной базы историка, своего рода доказательство от противного. С другой стороны, такая модель позволяет выделить: какая из причин носит характер основной, а какая – второстепенной, какова роль объективных обстоятельств, а какова роль решения людей.

Так, рассматривая варианты развития событий в конце лета 1917 года в России, И.Д. Ковальченко выделяет следующие возможности развития событий: буржуазно-демократической республики, военная диктатура, восстановление монархии или установлении советской власти. В ходе рассуждений он приходит к выводу, что реальной альтернативы последнему варианту не было².

Рассуждая о дальнейшем пути развития России и возможности мирного захвата власти большевиками, академик Ковальченко приходит к выводу о исторической неизбежности диктатуры пролетариата. Попробуем проследить ход его размышлений и доказательную базу. Проблема альтернативности связана здесь с конкретными путями этого перехода. Первый вопрос, который возникает в этой связи, – вопрос о том, существовали ли возможности и альтернатива такого перехода мирным или революционным путем. При обсуждении этого вопроса часто два этих пути представляют как альтернативные. В действительности такой альтернативы не было. Положение же было таково, что до осени 1917 г. объективных условий для победы восстания не было, ибо пролетариат

¹ Бестужев-Лада И. В. Ретроальтернативистика в философии истории // Вопросы философии. 1997. № 8. С. 122.

² Ковальченко И. Д. Некоторые вопросы методологии истории // Новая и новейшая история. 1991. № 5.

не имел указанного большинства в Советах. Следовательно, альтернативы – мирный путь или вооруженное восстание – как явления, характерного для периода между двумя революциями, не существовало. После февральской революции в стране сложилось двоевластие, две диктатуры: диктатура буржуазии во главе с Временным правительством и революционно-демократическая диктатура рабочего класса и крестьянства во главе с Петросоветом рабочих и солдатских депутатов. Ни одна власть не была полной. И хотя Временное правительство проводило антинародную империалистическую политику, оно не могло применить насилие к вооруженному народу. Это открывало и обеспечивало мирный путь развития вперед всей революции. Иного пути не было, так как возможности для вооруженного взятия власти пролетариатом не существовало. Мирный путь развития революции мог быть реализован переходом власти к Советам. Чтобы стать органом диктатуры пролетариата и орудием подготовки и проведения социалистических преобразований, Советы должны были стать пролетарскими. Но в Советах большинство принадлежало представителям мелкобуржуазных слоев населения. Поэтому мирный путь развития революции зависел от того, возьмут ли мелкобуржуазные Советы власть. Объективная возможность для этого существовала. Ее же практическая реализация зависела от субъективного фактора – поведения политических партий, господствовавших в Советах. Поскольку двоевластие не могло продолжаться долго, судьба Советов представляла собой альтернативу: либо дальнейшее развитие этих Советов, либо бесславная смерть. Двоевластие завершилось установлением полной диктатуры буржуазии. Возможность мирного перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической исчерпала себя. Единственным путем такого перехода становилось вооруженное восстание, к подготовке которого и перешла большевистская партия. «Что же дает историку учет того, что развитие Советов в период двоевластия имело альтернативный характер, и того, в чем историческое развитие от февраля к октябрю было альтернативным, а в чем – нет. Такой подход, прежде всего, требует при изучении столь важного этапа в историческом развитии более глубокого и конкретного выявления соотношения в этом развитии объективного и субъективного, возможного и действительного, закономерного и случайного, стихийного и сознательного, массового и индивидуального в органическом единстве и противоречии. Из-за богатства и яркости событий эпохи эти важные исследовательские задачи порой оказываются потесненными фактической стороной. Анализ же рассмотренной альтернативы, действий мелкобуржуазных партий, если можно так сказать, в экстремальных исторических условиях, позволяет наиболее глубоко раскрыть их истинную социально-политическую суть, их соглашательскую природу и в конечном счете буржуазную ориентацию, которые в обычных условиях не

столь очевидны, да еще к тому же прикрываются изрядной дозой революционно-демократической фразеологии и демагогии. Все это необходимо учитывать при изучении деятельности мелкобуржуазных партий в предшествующий 1917 г. и последующий периоды»¹. Революция имела бы случайный характер, если бы в большинстве случаев она не совершалась. Естественно, эти случаи являются фиктивными и существуют только в мышлении и благодаря нашему мышлению. Тем не менее эти рассуждения правомерны в действительности или, по крайней мере, не менее правдоподобны².

Рассмотрим более наглядный и менее сложный пример – битва при Ватерлоо 18 июня 1815 г. Наполеон Бонапарт считал, что это сражение было проиграно потому, что из-за дождя отряды маршала Груши не смогли подойти вовремя. Заметим попутно, что Наполеон все победы приписывал себе, а в поражениях были виноваты погода (генерал мороз, который помешал ему завоевать Россию в 1812 году) или его нерасторопные полководцы. Допустим, Бонапарт прав в своих объяснениях. Предположим, что войска Груши подошли вовремя и что битву выиграли французы. Возможный исход сражения, географические условия и расположения сторон – словом, все, что могло повлиять на исход битвы, – удел военных историков. Мы не можем с уверенностью предсказать, кто победил бы. Однако допустим, что победили французы. Судьба наполеоновской империи была бы той же. Её агония продлилась бы не сто дней, а несколько дольше, была бы более мучительной и кровопролитной, однако победа союзников через месяц-другой все равно разгромила бы наполеоновскую Францию. Таким образом, случайный фактор (дождь) и субъективный (задержка Груши) могли бы повлиять на исход сражения при Ватерлоо, но гибель наполеоновской империи была объективно в 1815 году предрешена.

Таким образом, если рассматривать альтернативность не просто как, забавную гимнастику для ума, а как инструмент в арсенале историка, который позволяет ему лучше понять и объяснить прошлое, то можно признать, что такой подход обладает определенным познавательным потенциалом.

¹ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. С. 99-101.

² Арон Р. Избранное. С. 355.

Глава 11. Социальные функции исторической науки

История всегда занимала особое место в системе социального знания. Общество, стремясь познать само себя, неизменно обращалось и обращается к своему прошлому. Дж. Тош пишет, что «современное практическое разнообразие отражает коренную амбивалентность функции, которую выполняет история. Ведь пока люди сохраняют хоть какой-то интерес к человеческой природе и творчеству, они согласятся, что любое проявление человеческого духа в прошлом может претендовать на их внимание, а историю стоит изучать ради её самой. Некоторые из новых подходов, появившихся в последние 40 лет, явно идут в русле этой гуманитарной традиции. Но на инновационные тенденции в историографии последних лет сильно повлияло и убеждение, что опыт прошлого содержит уроки для современного общества»¹.

Итак, историческая наука выполняет в обществе весьма важные функции и этим объясняется устойчивый интерес к ней. Рассмотрим основные функции исторической науки.

Функция социальной и коллективной памяти. Термин коллективная память бы введен в первой половине XX века французским социологом М. Хальбваксом и вскоре вошел в широкий оборот. Однако явление, которое скрывается за ним, существует давно, возможно, со времен зарождения человечества. Коллективная и социальная память есть представления социума или его части о своем прошлом, происхождении, развитии, взаимодействии с другими группами. Подобно человеческой памяти, коллективная сохраняет эмоционально окрашенные воспоминания (положительно или отрицательно). И подобно человеку, лишенному памяти, общество или его часть, не имеющее представления о прошлом, не может считаться нормальным.

Наиболее глубокие представления хранят такие устойчивые группы, как этнос и семья. Не будет большим преувеличением сказать, что историческое знание началось с героического эпоса (народная память) и генеалогии (семейная и родовая память). Многие этносы хранят предания о своем происхождении, а некоторые – о происхождении этносов, с которыми они генетически связаны. Например, русские связывают свое происхождение с восточными славянами, а французы с галлами. Последние любят говорить о таких своих качествах, как «галльский ум», «галльская веселость», «галльская живость», хотя этого этноса не существует уже полторы тысячи лет, да и до этого он был в значительной мере ассимилирован римлянами. Однако такие персонажи, как

¹ Тош Дж. Стремление к истине. С. 289.

Верцингеторикс (реальный) или Астерикс (вымышленный), прочно сидят в сознании французов и являются своего рода национальными символами.

Исторические представления народа о своем прошлом всегда использовались в идеологии, идеология не может существовать без них. С этим, видимо, ничего не поделаешь. Однако следует отличать исторические представления и историческое знание. Последнее стремится к максимально точному, насколько это возможно, реконструированию прошлого. Оно достаточно бесстрастно, критично и должно ставить точность выше этнических, социальных или групповых симпатий. Исторические представления (или историческая память), напротив, эмоционально окрашены, образы в них важнее точности, правда вымысла важнее исторической правды. Это ведет к сознательному или неосознанному искажению даже той части исторической истины, что нам доступна, к смещению дат и географических понятий, абберации роли исторической личности. По этому поводу великий русский историк В.О. Ключевский заметил, что мы потому так плохо знаем родную историю, что слишком любим её. В самом деле, поскольку «наши» всегда правы, то попытка понять «не-наших» приравнивается на уровне сознания к измене, формируются представления о плохих и хороших правителях, плохих и хороших народах. Так историческая память социума вступает в конфликт с историческим знанием и исторической наукой. Наиболее остро эта проблема поставлена во французской историографии Пьером Нора и Франсуа Артогом. Попытаемся кратко изложить их точку зрения, представленную в ряде работ, часть которых переведена на русский язык.

Мы живем в эпоху всемирного торжества памяти, полагает академик П. Нора¹. В последние двадцать или двадцать пять лет все страны, все социальные, этнические и семейные группы пережили глубокое изменение отношения к прошлому. Формы этого изменения многообразны: критика официальных версий истории и возвращение на поверхность вытесненных составляющих исторического процесса; восстановление следов уничтоженного или отнятого прошлого; культ корней и развитие генеалогических изысканий; бурное развитие всяческих мемориальных мероприятий; юридическое сведение счетов с прошлым; рост числа разнообразнейших музеев и т.д. Мир затопила нахлынувшая волна воспоминания, прочно соединив верность прошлому – действительному или воображаемому – с чувством принадлежности, с коллективным сознанием и индивидуальным самосознанием, с памятью и идентичностью.

«Мемориальная эпоха» – так П. Нора предложил назвать это движение памяти, настолько общее, глубокое и мощное, что стоит, вероятно, задаться вопросом о его причинах, даже если мы сумеем назвать лишь самые общие и оче-

¹ Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб., 1999.

видные. Мировое господство памяти возникает, как полагает П. Нора, на стыке двух крупных исторических явлений, характерных для современной эпохи: времени и общества.

Первый феномен связан с тем, что сейчас принято называть «ускорением истории». Эта формула, предложенная Даниэлем Галеви, означает, что наиболее постоянны и устойчивы теперь не постоянство и устойчивость, а изменение. Причем изменение все более быстрое, ускоренное выталкивание в удаляющееся прошлое. Этот переворот разрушил единство исторического времени, красивую прямую линию, соединявшую прошлое с настоящим и будущим. Несколько упрощая, можно сказать, что было три модели представления о будущем, которые, в свою очередь, определяли лицо прошлого. Будущее представляли как реставрацию прошлого, как прогресс или как революцию. Сегодня от этих трех интерпретационных моделей, позволявших так или иначе организовать историю, отказались.

Вторая причина расцвета памяти связана демократизацией истории. Под этим подразумевается мощное движение освобождения и эмансипации народов, этносов, групп и даже отдельных личностей в современном мире. Речь идет о быстром возникновении разнообразных форм памяти меньшинств, для которых отвоевание собственного прошлого является необходимой составляющей утверждения собственной идентичности. Эти памяти меньшинств возникают обычно при деколонизации двух типов: всемирная деколонизация, благодаря которой к историческому сознанию и отвоеванию/конструированию собственной памяти пробуждаются общества, дремавшие в этнологическом сне колониального гнета; в классических западных обществах – внутренняя деколонизация сексуальных, социальных, религиозных, региональных меньшинств, находящихся на пути интеграции, для которых утверждение своей «памяти» (то есть, по сути, своей истории) равнозначно признанию их личности большинством, которое отказывало им в этом праве, и в то же время способ культивирования своей личности и верность распадающейся идентичности. «Для того чтобы любая социальная группа обрела коллективную идентичность, – пишет Дж. Тош. – ей необходимо общее понимание событий и опыта, постепенно формировавших эту группу. Иногда оно включает общепринятое поверие относительно происхождения этой группы, как это имеет место во многих национальных государствах; или акцент делается на ярких поворотных этапах и моментах символического характера, подкрепляющих представление группы о себе и её устремлениях. Вот примеры из сегодняшнего дня – суфражистское движение эдвардианской эпохи имеет жизненно важное значение для женского движения... Социальным группам необходимы свидетельства своего существования в прошлом, но им требуется такая картина прошлого, которая служит

объяснению или оправданию настоящего, часто за счет исторической достоверности»¹.

Этот бурный расцвет памяти меньшинств глубоко изменил соотношение и взаимоотношения истории и памяти. Точнее, он сделал актуальным малоупотребительное прежде понятие «коллективная память» и «социальная память». По сравнению с историей, которая во все времена находилась в руках власть имущих, ученых или профессионалов, память обладает новым престижем демократичности и протеста. Она явилась как отмщение униженных и оскорбленных, история тех, кто не имел права на историю. Напротив, история, ставшая научной дисциплиной, строилась хотя и исходя из памяти, но против памяти, которая считалась индивидуальной, психологической, обманчивой, не более чем свидетельством, нуждающимся в интерпретации. История была областью коллективного, память же – индивидуального. История была едина, а память, по определению, множественна, потому что индивидуальна по сути. Идея коллективной памяти, эмансипирующей и сакрализованной, перевернула это соотношение с ног на голову. Раньше индивиды имели память, а сообщества – историю. Идея, что памятью обладают именно сообщества, предполагает глубокое изменение места индивидов в обществе и их отношение к коллективу: здесь секрет загадочного, взывающего к объяснению успеха еще одной идеи, а именно идеи идентичности, без которой невозможно понять рост памяти. Об идентичности будет сказано несколько позже.

Из этого, по мнению П. Нора, вытекают два следствия. Первое состоит во все более интенсивном использовании прошлого – политическом, туристическом, коммерческом. Это проявилось в резком подъеме мемориальных мероприятий, особенно заметном во Франции. Каждый год приносил новые мемориальные даты – от годовщины дела Дрейфуса до 1500-летия Хлодвига, от 80-летия прекращения боевых действий в 1918 году до 150-летия отмены рабства. Это мемориальное изобилие имеет множество причин: все они доказывают, что прошлое утратило единый смысл и что настоящее, наделенное историческим самосознанием, неизбежно узаконивает множественность возможных версий прошлого.

Второй эффект новой организации памяти состоит в том, что у историка отбирается его традиционная монополия на интерпретацию прошлого. В мире, где существовали коллективная история и индивидуальная память, именно историк имел право исключительного контроля над прошлым. Так называемая научная история в течение последнего века мощно поддерживала эту привилегию. Только историк умел устанавливать факты, обращаться с доказательства-

¹ Тош Д. Стремление к истине. С. 12-13.

ми, наделять истинностью. Это было его профессией и его достоинством. Сегодня историк далеко не одинок в порождении прошлого. Он делит эту роль с судьей, свидетелем, средствами массовой информации и законодателем.

Слово «идентичность» претерпело смысловую инверсию, аналогичную и параллельную тому, что произошло со словом «история», по замечанию П. Нора. Из индивидуального понятия она стала коллективным, а из субъективного – как бы логическим и объективным. Традиционно идентичность характеризует индивида в его уникальности. Теперь это слово стало категорией группы, формой определения человека извне. Идентичность, как и память, стала долгом. От меня требуют самоопределения: кто я – корсиканец, еврей, рабочий, алжирец, негр. Именно здесь, на уровне обязательств, возникает связь между памятью и социальной идентичностью. С этой точки зрения они подчиняются одному и тому же механизму: эти слова стали практически синонимами, и их сближение характерно для новых механизмов исторической и социальной динамики¹.

Обратимся к пониманию идентичности и роли истории в её формировании. Идентичность понимается как осознание принадлежности субъекта другому субъекту как части и целого, а главным признаком и основанием является тождественность самому себе. Исходя из сказанного национальную (этническую) идентичность можно понимать как осознание человеком своей принадлежности к какой-либо национальной группе, процесс перенесения индивидом на самого себя качеств и особенностей своего этнического окружения. Для формирования национальной идентичности весьма характерным является то обстоятельство, что она приобретает не посредством личных усилий, а в значительной мере спонтанно – по рождению и воспитанию. Так, ребёнок с момента появления на свет оказывается в определенной национально-культурной среде. Он не может её выбирать, так же как не может выбирать, допустим, свой пол. В процессе воспитания происходит формирование личности в соответствии с установками и традициями национального окружения. Таким образом, в норме национальное самосознание и национальная идентификация происходят гармонично, не входя в противоречие с обществом и внешней средой. В ряде этнологических школ данный процесс называется инкультурацией.

В числе средств и условий реализации национальной идентичности выступают культура, язык и общность территории. Однако в современной этнологии имеется тенденция к объяснению национальной идентичности через понятия социологии и этнопсихологии. Значение общего исторического прошлого, осознание своего национального единства не только здесь и сейчас, но и единства с предками нередко остаётся в стороне. Между тем формирование нацио-

¹ Франция-память. С. 28-46.

нальной идентичности происходит во времени, и понимание народом своей исторической общности является одним из основных факторов этого процесса.

У каждого народа имеются определенные представления о своём прошлом, которые укрепляют связи между его членами. Зачастую эти представления существуют в форме героических мифов или эпоса. Таковы, например, «Илиада», «Калевала», русские былины. Действие в них происходит в некоем неопределенном прошлом, реальные персонажи причудливо переплетаются с вымышленными и наделяются нередко сверхъестественными способностями. В таких мифах персонифицируются представления о добре и зле, о том, как хорошо и правильно поступать (герой) и как нельзя (антигерой). Долгое время историческое сознание бытовало именно в такой форме. Появление письменной истории мало что изменило, поскольку первые историки зачастую фиксировали такие мифы и воспринимали их как нечто вполне достоверное (Геродот или Нестор-летописец).

Усиление национальной консолидации приводит к изменениям и исторического сознания народа. Как известно, процесс формирования русского этноса проходил в ускоренных темпах. Причинами этого можно назвать следующие факторы. Во-первых, враждебное, агрессивное окружение. Это замечание относится, прежде всего, к южным и восточным рубежам проживания русских. Во-вторых, церковь и религия. Православие играло объединяющую роль и в то же время отделяло русских-православных от кочевников, мусульман и «латинян». Осознание русским народом своего конфессионального единства, на наш взгляд, играло особую роль в ускорении складывания национального самосознания, национальной идентичности. К началу Нового времени между понятиями «русский» и «православный» установились отношения тождественности¹. Не случайно поэтому в годы Смуты русский народ (именно народ, а не правящая элита) отказался принять государей из-за рубежа, что было достаточно общей практикой в европейских государствах. Подозрение в неправославности было одной из причин восстания против Лжедмитрия. Эти факторы, а также наличие сильного и централизованного государства привели русских к довольно раннему пониманию своего внутреннего единства. Как известно, этимология слова «государство» в русском языке отличается от происхождения аналогичного слова в европейских языках. В последних слово «государство» произошло от латинского «status», в то время как в русском от слова «государь». Поэтому подданство «царю русскому, царю православному» также сыграло свою роль в ускорении процесса национальной идентичности².

¹ Сергеева А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М., 2006. С. 16.

² Там же. С. 233-240.

Начало XIX века ознаменовалось двумя важными явлениями. Во-первых, под влиянием Французской революции возникло учение о национальном государстве, согласно которому все представители данной нации должны проживать на территории её национального государства. Франция должна охватывать ареал проживания всех французов, Италия – итальянцев, Германия – немцев и т.д. Во-вторых, завершилось конституирование истории как науки со своим предметом, методами и способами получения знаний. Историки отказались от того, чтобы быть только учителями нравственности и политики. Они заявили, что посредством изучения исторического источника возможно понять и реконструировать, хотя бы отчасти, историческое прошлое. История переставала бытовать только в виде народного героического эпоса или придворных хроник.

Первая половина XIX столетия прошла под знаком невероятного интереса к историческим сочинениям. Исторические романы Вальтера Скотта и историко-приключенческие романы А. Дюма издавались огромными по тем временам тиражами. Появились объёмистые и документированные истории национальных государств, истории революций (прежде всего, английской и французской), то, что сейчас модно называть «большими нарративами»¹. Публичные лекции по истории таких исследователей, как Ж. Мишле, привлекали тысячи слушателей, а сами историки становились депутатами или даже министрами, как Ф. Гизо, А. Тьер или Т. Маколей. Не обошёл этот процесс увлечения историей и Россию. Хотя профессиональных трудов по истории России не было до середины XIX века, писатели и журналисты, такие как Н.М. Карамзин или Н.А. Полевой, создали блистательные обобщающие исторические обзоры, интерес к которым сохраняется и по сей день. Тогда же, в XIX веке, изучение прошлого поощрялась правительствами, архивы были разделены на исторические и рабочие и частично открыты для исследователей. Изучение прошлого, прежде всего национального прошлого, поощрялось национальным же государством, были созданы специализированные кафедры и открылось финансирование публикации источников².

Историческая наука в таких условиях оказалась втянутой в процесс развития национального сознания. К началу XX века за историей закрепились функции коллективной памяти и патриотического воспитания. Таким образом, речь идет и о формировании национальной идентичности. Уроки истории стали обязательными, даже в начальной сельской школе давались элементарные знания по истории. Наиболее далеко этот процесс зашёл во Франции, хотя Германия или Италия не намного отставали от неё³.

¹ Мегилл А. Эпистемология истории. С. 118.

² Мастогрегори М. Освобождение от прошлого // *Homo Historicus*. М., 2003. С. 288.

³ Там же. С. 290 ; Ревель Ж. Возвращение к событию: пути историописания // *Homo Historicus*. С. 238-240.

Исторические знания закреплялись в памяти народа уже не как мифологические, но как имеющие под собой некую научную почву. Конечно, эти знания и представления были не полны и напоминали пропедевтический курс по истории России для младших классов: эпизоды прошлого (Киевская Русь, Батыево нашествие, борьба русских с иноземными захватчиками, объединение земель вокруг Москвы, петровские реформы и так далее). Однако это уже не миф из цикла героического эпоса. Если это и миф, то вполне научный, сконструированный по определенным правилам и с определенными целями, прежде всего идеологическим.

«Парадоксальным образом история XIX века, считавшая себя свободной от нравственности и политики, выполняла при этом в высшей степени политическую функцию: во Франции, как, впрочем, и в Германии или в Соединенных Штатах или в России, чтобы не брать в качестве примера Богемию или Венгрию, она была плавильным тиглем национального самосознания»¹.

Эта особенность обуславливала выбор в качестве наиболее распространенных внешних рамок истории нации или народа, а в качестве проблемы – конструирование этих воображаемых сообществ. Отсюда то значение, которое придавалось государственному строительству как в утверждении внутренней власти государства, так и в укреплении его внешнего могущества или независимости².

Возникает закономерный вопрос о том, должна ли историческая наука влиять на национальную идентичность, входит ли это в число её научных функций. Пожалуй, ответ должен быть положительный. Известный американский историк А. Мегилл отмечает, что историческое сознание и историческая память народа имеют функции производства, сохранения и передачи исторической и иной информации, формирования личной и групповой идентичности. Он подробно исследует взаимосвязи и взаимообусловленность памяти и идентичности и подчеркивает, что без идентичностей – специфических конфигураций человеческого существования – не может существовать никакое историописание, поскольку тогда история испытала бы недостаток и в исторических агентах, и в центральных проблемах³.

Знание – это оружие, и история, объясняя, как формировалась нация, тем самым доставляла гражданам средства для того, чтобы они могли иметь собственное мнение о социально-политическом развитии своего времени. Она давала и продолжает давать людям необходимые интеллектуальные инструменты, позволявшие занять независимую и мотивированную позицию в социально-

¹ Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000. С. 307.

² Там же.

³ Мегилл. А. Указ. соч. С. 105-107.

политической области¹: История не просто сохраняет память о прошлом в виде отрывочных и мозаичных фактов-воспоминаний. Она приводит их в систему. «Ибо история преподносит людям не собрание изолированных фактов. Она эти факты организует. Она их объясняет, а для того, чтобы объяснять, объединяет их в серии, которым она уделяет весьма неравное внимание. Ибо хочет она того или нет, она упорно собирает, а затем классифицирует и группирует факты прошлого в зависимости от сегодняшних потребностей», – писал в своё время Л. Февр².

Итак, историк, прежде всего российский историк, оказывается перед странной дилеммой. С одной стороны, будучи учёным, он должен следовать фактам, систематизировать их и стремиться сформировать истинное знание о прошлом. С другой стороны, историков упрекают в том, что пишут они в основном сами для себя книги, статьи и сборники, которые только они и способны понять, которые выходят такими микроскопическим тиражами, что доступны только немногим. История не выполняет свою социальную функцию. Более того, в последнее время все громче слышатся обвинения в очернительстве истории со стороны профессиональных историков.

Российское общество начинает ощущать симптомы той же болезни, что и Запад, которую П. Нора назвал трудно переводимым словом *комеморация* – стремление, даже страсть, к отмечанию разного рода юбилеев. Не удивительно, если какая-нибудь государственная структура отмечает очередную круглую дату своего образования сперва по царскому указу, затем по декрету Советского правительства, и, наконец, по решению Президента РФ. Города с охотой отмечают даты своего возникновения, которые нередко корректируются, а территории – вхождение (добровольное, конечно) в состав России. Это может привести и, вероятно, уже приводит к устранению критической функции истории. Кому же захочется во время праздника вспоминать и говорить о плохом?³ Следуя такой тенденции, историк рискует оказаться слугой не науки, а общественного сознания и социальной памяти как его составляющей. И тогда, как полагает А. Мегилл, воспоминания и настроения станут арбитром исторической истины⁴.

Вызов, который сегодня должны принять историки, состоит в том, чтобы превратить в историю спрос своих современников на память. По меткому выражению Л. Февра, смерть следует изучать с позиций жизни. Нам без конца внушают, по словам А. Про, как важен долг памяти, но напоминание о событии ничему не служит, даже тому, чтобы оно не повторилось вновь, если при этом его

¹ Про А. Двенадцать уроков по истории. С. 308.

² Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 476.

³ Мегилл А. Указ. соч. С. 126.

⁴ Там же. С. 127.

не объяснять. Надо разъяснять, как и почему происходят те или иные вещи. И тогда перед нами открываются все те сложности, которые несовместимы с очистительным манихейством торжественных поминовений. Прежде всего, мы вступаем в порядок рассуждения, который отличен от порядка чувств, в особенности добрых чувств. Память оправдывает себя в собственных глазах своей морально-политической правильностью и черпает силу в тех чувствах, которые она пробуждает. История же требует доводов и доказательств. «Это правда, я неисправимый рационалист – но разве университетский преподаватель может им не быть? И потому я думаю, что идти навстречу истории – это прогресс: лучше бы человечество вело себя в соответствии с доводами, а не с чувствами. Вот почему история не должна идти в услужение к памяти; она должна, конечно, считаться со спросом на память, но лишь для того, чтобы превратить этот спрос в историю. Если мы хотим быть ответственными участниками нашего собственного будущего, то наш первый долг – это долг истории»¹.

В конце концов, не окажется ли наше общество, наше историческое сознание и наша историческая наука в ситуации, к которой привлёк внимание Фр. Артог, анализируя великую поэму «Одиссея». Её герой, Одиссей, возвращается после своих приключений домой. Будучи неузнанным, он слушает песнь слепого певца о своих собственных подвигах. И Одиссей готов поверить, что тот на самом деле *видел* то, о чем поёт, даже зная наверняка, что это совершенно не то, что с ним было на самом деле. Более того, об Одиссее рассказывается так, словно его нет среди живых. И он едва ли не первый раз за всю поэму плачет. Плачет о самом себе – вот он вернулся, ни живой, ни мертвый, у него нет ничего, даже имени². Не грозит ли нам эта участь – предпочесть правду вымысла правде реальной?

Идеологическая функция и функция идентификации. Эти две функции исторического знания непосредственно вытекают из предыдущей и тесно перекликаются друг с другом.

Значительная часть историков, особенно в последнее время, старается отмежеваться от идеологии. Это справедливое желание всякого ответственного ученого, не желающего приносить на чистое поле науки лысенковщину и квадратно-гнездовой метод. Справедливо и даже благородно не желать превращения истории в служанку идеологии. Вместе с тем анализ трудов историков и реальное понимание жизни не всегда дают нам основания для оптимизма в этом смысле. Любой мало-мальски сведущий специалист по историографии и истории исторической науки классифицирует работу самого беспристрастного авто-

¹ Про А. Указ. соч. С. 318-319.

² Артог Ф. Слезы Одиссея // Homo Historicus. С. 364-365, 367.

ра и отнесет её либо к либеральному, либо к консервативному, либо к какому-нибудь еще направлению.

Природа политического процесса такова, что его участники бесконечно обращаются к прошлому, к социальной памяти, к исторической науке, стремясь найти там легитимизацию своих идей, обосновать долговременностью ту или иную идеологию. Это не зависит от желания историка. Так или иначе, если не его труды, то полученные им знания о прошлом будут использованы в политико-идеологическом дискурсе. Государственники охотно цитируют знаменитый труд Н.М. Карамзина. Либералы найдут в книгах С.Ф. Платонова разделы, посвященные Новгородской и Псковской республикам, и приведут их в качестве доказательства, что демократия и республиканизм изначально присущи русскому сознанию. Практически со времени своего возникновения историческое знание служило опорой политики или идеологии. Фукидид, например, как было показано выше, считал, что история является школой для политиков. Там они найдут все необходимые примеры и извлекут, если смогут, все необходимые уроки. Сходных взглядов придерживался и Н. Макиавелли. Именно поэтому его знаменитые политические трактаты нашпигованы примерами из истории.

Государство и политики всегда стремились контролировать знания о прошлом. Неслучайно правители содержали придворных историографов, которые не только должны были прославить их имена, но и оправдать деяния. Неслучайно многие историки и мемуаристы писали свои работы «в стол», для будущих поколений, прекрасно понимая, что их труды не будут опубликованы при существовавшей власти. Неслучайно и то, что Талейран в 1814 году, едва став главой временного правительства после свержения Наполеона, отправился в национальный архив и провел там целый день. Едва ли он потратил его на изучение старых манускриптов. Как здесь не вспомнить знаменитую фразу из антиутопии Дж. Оруэлла «1984»: «Тот, кто контролирует прошлое, контролирует будущее. Тот, кто контролирует настоящее, контролирует прошлое».

Историки и философы эпохи Просвещения относили историю к политическим наукам. С этого времени и сами исторические труды не просто освещают прошлое, но и разоблачают или, наоборот, прославляют исторические процессы или деятелей прошлого. Энциклопедисты, например, охотно выносили на свет Божий корыстолюбие, жадность, тщеславие церковников, чем способствовали созданию «черной легенды» о католической церкви, да и о Средневековье вообще как о времени беспросветного мрака и невежества. До сих пор эти слова нередко употребляются как синонимичные.

В XIX веке эта традиция была продолжена в двух направлениях. Историки стремились содействовать сплочению наций. Они искали в прошлом основы для идентификации и консолидации некоего (неважно какого) «нашего народа».

В этой связи прославлялось его героическое и яркое прошлое и посрамлялись его враги. Например, немецкие историки немало потрудились над созданием образа «наследственного врага», то есть Франции. Французские историки охотно обличали англичан, вспоминая кровавые страницы истории Столетней войны. После франко-прусской войны еще одним объектом для их острого пера стала Германия, которая чуть ли не с античных времен стремилась к экспансии и покорению соседних народов. Охотно вспоминали, что дикие германские племена фраков завоевали вполне цивилизованную Галлию, поскольку именно с галлами ассоциировали себя французы той поры. Кстати, попутно освещалась и освящалась героическая борьба галлов с римскими завоевателями, наиболее ярким воплощением чего стал образ Астерикса, созданный, правда, уже в XX веке. Отечественные историки той же поры охотно описывали героическую борьбу русского народа с иноземными захватчиками, попутно объясняя этим расширение пределов государства Российского. Образ России как окруженного со всех сторон врагами пространства прочно закрепился в сознание и широко бытует поныне.

Интересно привести в этой связи мнение учителя истории из Москвы Т. Эйдельман, которая анализирует изложение исторического материала в учебниках. Она отмечает, что за многие годы работы в школе она не раз обращала внимание на некоторые особенности употребления учениками двух вполне безобидных личных местоимений множественного числа «мы» и «они». Она не скрывает серьезную тревогу, которую внушает смысл, придаваемый этим словам, и задается вопросами, кто же для наших детей – «мы» и кто – «они»? «Вот характерный пример, известный всем учителям», – пишет Т. Эйдельман. Рассказывая о любой войне, в которой принимала участие Россия, ребята почти всегда употребляют местоимение «мы»: мы разбили немцев под Сталинградом, мы победили Наполеона, мы разбили шведов под Полтавой... Это во всяком случае хоть как-то можно объяснить, а вот что означают слова «мы победили на Куликовом поле»? И уж совсем поразительно: «мы разбили хазарский каганат», «мы победили Шамиля», «мы присоединили Казань», «мы разбили татар на Куликовом поле», «мы торговали с варягами». В воображении школьников по просторам России-матушки во все времена и эпохи маршируют эти загадочные «мы». В разные времена «мы» – то поляне, то подданные Московского княжества, то жители нынешней Центральной России в отличие от жителей Поволжья. «И вот что интересно – в учебниках, которые главным образом и формируют такое восприятие, так никогда не пишут. Там все изложено аккуратно: не мы воюем, а восточные славяне, или князь Святослав, или московское войско, или армия Петра Первого. Но почему-то мои ученики абсолютно уверены, что все эти сражающиеся люди, многие из которых при ближайшем знакомстве показались бы

им не просто странными, но совершенно чужими, на самом деле все равно – «мы». Образы «своих» и «чужих» окружают нас с самого детства, они носятся в воздухе, ими полны повседневные разговоры и программы новостей, кинофильмы и книги. «Справедливости ради отметим, что подобная ситуация характерна не только для нашей страны. Но отсюда не следует, что учебники и учителя должны закреплять такое восприятие мира... Оказывается, в XIII веке “к нам” опять пришли враги, и потом “мы” несколько веков только и делали, что с этими врагами боролись. Кстати, по учебнику выходит, что в этой борьбе допустимо все: предавать собственных родных, как Александр Невский, подличать и угодничать, как Иван Калита... Дойдя до XX столетия, школьники уже напрочь забыли про варягов, хазар, половцев, смутно помнят, когда была Куликовская битва, и уж точно не могут сказать, в каком году из Московского кремля были изгнаны поляки. Зато они хорошо усвоили, что “мы” всегда были окружены врагами, что главное для нашей страны – это сильная государственная власть. И вообще, все, что связано с государством, обладает огромной ценностью, а судьбы, заботы, мировоззрение отдельных людей – это так, мелочи, пустяки»¹.

Здесь умышленно приведен такой большой отрывок из текста статьи, ибо он прекрасно и наглядно показывает то, что можно назвать присвоением прошлого. В этом случае определенные деятели прошлого становятся «нашими», хотя проследить связь нас с ними довольно трудно. Проблема эта имеет не только теоретический, но и прикладной характер. В теоретическом плане присвоение прошлого ведет к искажению прошлого. Сколько чернил было пролито по поводу «норманнской теории». В данном случае мы не встаем ни на чью сторону, а просто пытаемся разобраться в политико-идеологической подоплеке этой теории. Не могли варяги, то есть, по сути, немцы, создать государство на Руси и даже дать ему название. Для доказательства этого положения (неважно, истинно оно или нет) проведены глубокие исторические и лингвистические исследования, подвергнуты анализу тексты русских, европейских, византийских и арабских летописей. Этот гигантский труд проделан не столько для отыскания исторической истины, сколько для обоснования идеологемы. Странно, но ведь англичане не комплексуют по поводу того, что Англия была завоевана теми же викингками, которые вдобавок фактически экспортировали из Франции феодализм в его классическом виде. Другой пример – Ледовое побоище 1242 г., которое стоит в одном ряду с крупными сражениями в рамках темы «Борьба Руси с иноземными захватчиками». Анализ хроник и серьезной исторической литературы показывает, что это была довольно заурядная пограничная стычка, каких немало было в этом регионе. Придавать ему судьбоносный характер и фактиче-

¹ Эйдельман Т. Как мы разбили Хазарский каганат. Заметки учителя // Отечественные записки. 2004. №5.

ски ставить в один ряд с сопротивлением русских княжеств (и древнерусского народа) монгольскому нашествию или с Куликовской битвой едва ли можно. Кроме того, коль скоро новгородцы «наши», то псковичи – «не-наши», поскольку добровольно предпочли вассальную зависимость от Тевтонского ордена, а не от Новгорода. Но спустя два столетия уже новгородцы становятся «не-нашими», поскольку хотели сохранить свою самостоятельность и не хотели идти в подчинение Москве.

Подобные построения присутствуют в официальной истории многих стран. Так, известный французский историк М. Ферро иронизирует в своей книге «Как рассказывают историю детям в разных странах мира» по поводу фразы из французского учебника: «Наши предки галлы были рыжеволосыми и светлоглазыми». Как она должна восприниматься за пределами метрополии или этническими не-французами?

В практическом плане профессиональному историку следует остерегаться в своих выступлениях и уж тем более в научных работах присваивать прошлое, что довольно часто встречается у студентов. Если на бытовом уровне подобные «мы», «наши» могут быть терпимы, то из профессиональной речи такие «присваивающие» местоимения должны быть удалены.

Начиная с Нового времени представители различных политических течений пытались рассказать историю по-своему. Так, историки либерального направления во Франции рассматривали французскую историю как историю борьбы третьего сословия (у Ж. Мишле синонимом третьего сословия является понятие «народ»). Они не слишком скрывали свои политические симпатии, особенно когда речь шла об истории Великой французской революции. Тот же Ж. Мишле не жалеет эпитетов для прославления «своих» героев и уничтожения их врагов.

Марксистская историография официально провозгласила принцип партийности, согласно которому всякое историческое произведение идеологически нагружено и служит интересам того или иного класса. Даже если автор провозглашает свою непредвзятость и действительно стремится к ней, он «объективно» защищает интересы того или иного класса. В этой связи появляются типичные (и не очень) представители дворянской, буржуазной или марксистской историографии.

Несмотря на то, что историческое знание так или иначе используется и, по все вероятности, будет использоваться в политике, историк не должен превращаться в рупор той или иной политической партии или идеологии. Он может придерживаться тех или иных политических взглядов, но поскольку его задача как ученого поиск истинного знания, а не обоснование той или иной политической идеологии, то ему следует отстаивать ценности прежде всего науки.

Во втором понимании идеологическая функция состоит в отыскании истоков того или иного учения и в установлении преемственности. Это помогает легитимизировать теорию. В этой связи носители политической идеологии всегда пытались отыскать своих идейных предков и прибегали к помощи истории. Так, в советских учебниках предтечами марксизма-ленинизма провозглашались не только социалисты-утописты, но и авторы других утопических сочинений, такие как Т. Мор, Т. Кампанелла. К. Поппер видел истоки тоталитаризма и «закрытого общества» в философской системе Платона. Существуют и другие «генетические цепочки» подобного рода. Для историка важно помнить, что не следует подгонять историю под конкретную схему, что не стоит искать истоки современной двухпартийной системы в борьбе оптиматов и популяров в Древнем Риме.

Функция исторического знания как средства идентификации довольно близка к изложенному выше. В эпоху складывания современных национальных государств в Новое время историки внесли свой вклад в становление национального сознания. Много времени и сил было посвящено поиску исторических корней нации, обоснованию этнических и национальных границ, выявлению судеб нации, её духа и т.д. Появление национальных историй способствовало становлению современных наций. Однако тогда же началось активное присвоение прошлого, нахождение «наших» в прошлом, о чем уже говорилось. Возник пантеон национальных героев, которые содействовали развитию национального сознания, «выковывали» нацию, а также и мифы, в которых историческая правда искусно переплетена с романтическим вымыслом.

История активно используется в обосновании национальной идентичности и национальных границ. Так, в свое время великие историки Франции и Германии Фюстель де Куланж и Моммзен убедительно и вполне научно обосновывали, что Эльзас – это исконно французская или исконно германская территория соответственно.

В настоящее время история активно используется в националистическом дискурсе. Показательна в этой связи история Киевской Руси. В традиционной русской, а затем советской историографии присутствует идея «*translatio imperia*»: Киевская Русь – Владимирская Русь – Московская Русь и т.д. «Отец» украинской националистической историографии М.С. Грушевский (1866-1934) отвергал идею единства корней русского, украинского и белорусского народов и древнерусского этноса как их истока. По его мнению, Киевская Русь была первой формой украинской государственности. Его идеи находят широкий отклик в современной украинской историографии. Показательна в этой связи статья в украинской «Википедии», посвященная Киевской Руси. Там сообщается, что основную роль в образовании Киевской Руси сыграло Полянское княжество с

центром в Киеве. Поэтому «норманнская теория» лишена всякого смысла, поскольку государство уже было, произошла только смена правящей династии, и эта теория имеет только историографический интерес. Далее сообщается, что Киевская Русь заложила традиции независимой государственности (незалежної державності) на территории Украины. Именно в это время украинская народность получила могучий стимул для своего дальнейшего развития. Киевская Русь оставила яркий след в мировой истории IX–XIII веков, ускорила экономическое, политическое и культурное развитие восточных славян и сделала их равноправными участниками политической жизни Европы и Ближнего Востока. Объясняя причины раздробленности и распада Киевской Руси, авторы статьи указывают, что такова судьба «всех средневековых империй, в частности Карла Великого». Русь стала контактной зоной Востока и Запада, Византии и скандинавов. «Высокий уровень экономики, культуры, удачная дипломатическая деятельность на международной арене, подкрепляемая силой оружия в борьбе против иноземных захватчиков, широкое использование достижений мировой цивилизации выдвинули Русь на ведущие позиции в Европе и принесли ей глубокое уважение развитых стран тогдашнего мира». В статье поддерживается мнение тех историков, в частности «последовательного демократа» М.С. Грушевского, которые отвергли монополию России на «славу Киева». Теория этнической и культурного единообразия Киевской Руси, принятая в советской историографии, создает впечатление, что «древние русичи» – это как бы проекция в прошлое однородного «советского народа», запланированного на будущее. Таким образом, резюмируя эту статью, можно сказать, что Киевская Русь и её история принадлежат Украине, Россия может претендовать на неё не более чем современная Франция на славу Древнего Рима. Оставляя в стороне пафос и своеобразие трактовки истории Руси, обратим внимание на то, что авторы пытаются обосновать преемственность Украины и Киевской Руси. Украина – не искусственное образование, непонятно откуда взявшееся и не имеющее своей истории. Это продолжение истории великого средневекового государства, которое уважали все соседи и которое было равноправным членом семьи европейских народов¹. Интересно, что аналогичная статья в белорусской «Википедии» в наименьшей степени содержит довольно сухое изложение фактов, практически лишённое идеологических оценок.

В последнее время история все чаще используется для консолидации и идентификации разных меньшинств, многие из которых уже давно составляют большинство. Например, феминистки ругают сложившуюся историографическую традицию. Существующая история написана мужчиной это «его-история»

¹ URL: https://uk.wikipedia.org/wiki/Київська_Русь#.D0.9C.D0.BE.D0.BD.D0.B3.D0.BE.D0.BB.D0.BE-.D1.82.D0.B0.D1.82.D0.B0.D1.80.D0.B8

(в английском языке игра слов: history - his story). Поэтому нужна гендерная история, которая в данном случае понимается как борьба за освобождение женщины. Темнокожие жители Европы и США обосновывают свое право жить и получать социальное пособие на том основании, что европейцы использовали их предков как рабов. Это помогает идентификации в рамках сообщества и способствует осознанию единства с прошлым. «Отсюда идет своеобразный бум историй различных меньшинств иницируемый прежде всего ими самими»¹. По этому поводу английский историк А. Марвик заметил, что без знания прошлого мы были бы лишены идентичности и были бы потеряны в бесконечном море времени. В этом самый простой ответ на вопрос: «Зачем пишут историю?»

Воспитательная функция истории присуща ей, наверное, с возникновения исторического знания как такового. Поколения историков охотно повторяли известную фразу Цицерона: «История – учительница жизни». Фукидид, как было показано выше, писал свою «Историю» как своего рода учебник для будущих государственных деятелей, а Макиавелли в своих политических трудах охотно прибегал к опыту прошлого, приводя примеры из древней и современной ему истории, чтобы показать, как надо поступать, а как поступать не стоит.

Когда в XIX веке история стала предметом, который широко изучался в школах и университетах, и стала выполнять функцию национальной идентификации, её воспитательная роль несколько изменилась. Она перестала быть только философией на примерах, а стала важным инструментом в воспитании патриотизма.

В это же время история стала включаться и в формирование мировоззрения человека, прежде всего молодежи. Так, например, французская школьная история создавала республиканское и антиклерикальное мировоззрение. В учебниках много писалось о «героях и мучениках науки», о борьбе с иностранными захватчиками (особенно доставалось англичанам), с реакционерами, с предателями и т.д. Эта история, как заметил М. Ферро, была в меру антиклерикальна и рационалистична, отличалась верой в прогресс и гуманистические идеалы. Интересно, что весьма робкие попытки церковных авторов дать несколько иное видение истории в учебниках, написанных для церковных школ и коллежей, вызывали бурные обвинения со стороны «истинных республиканцев». Таких авторов объявляли мракобесами, реакционерами, разрушителями республиканского воспитания даже в середине XX века.

Другим примером возможностей историографии в деле формирования национального самосознания и мировоззрения человека является деятельность немецких историков XIX в. Достижение политического единства и выход стра-

¹ Савельева И. М., Полетаев А. В. Теория исторического знания. С. 375.

ны в разряд передовых европейских государств были возможны только через развитие самосознания немецкой нации. Громадный вклад в решение этой задачи внесла германская историческая наука. Реорганизация изучения и преподавания истории в немецких университетах способствовала тому, что германская историческая наука к середине столетия стала ведущей в Европе. Не случайно же Бисмарк говорил, что войны за объединение Германии выиграл прусский учитель. Вклад германских историков в дело политического объединения Германии под эгидой Пруссии неоспорим. Однако опыт развития германской исторической науки предупреждает нас и об опасности попадания в сеть воинствующего национализма. Распространяя откровенно националистические и милитаристские воззрения, историография оказалась ответственной за трагические судьбы немецкого народа в XX в. Этот пример показывает, что патристическое воспитание масс не может основываться исключительно на пропаганде национальных идей. В его основе должно лежать безусловное признание общечеловеческих ценностей, идеалов свободы и уважения прав человеческой личности¹.

Кроме этого, следует помнить, что история, преподаваемая в школе, не должна быть перегружена «научностью». Сложные проблемы развития не должны еще более усложняться формой рассказа о них. Содержание историографических дискуссий также мало интересно большинству школьников. Все это поможет скорее отбить интерес к истории, чем привлечь к ней.

В заключение надо остановиться, быть может, на самой главной функции истории – научно-познавательной. Как отдельный человек, так и человеческое общество всегда испытывали интерес к своему прошлому. Удовлетворить этот интерес и призвана историческая наука. В этой связи следует сделать акцент именно на слове «научный». К настоящему времени наука выработала богатый арсенал принципов, методов и приёмов, которые отличают научное знание от других форм. Это позволяет лучше понимать и реконструировать прошлое. Историческая наука, или, говоря словами А. Мегилла, критическая историография, должна исследовать прошлое, стараясь избегать моды дня. Она должна находиться на некотором удалении от памяти, одновременно быть связанной с настоящим и отстраненной от него. «Критическая историография ничего не предписывает настоящему. Она только показывает. Что было иным и удивительным – даже поразительным – в прошлом. Если в историописании утрачивается это качество удивлять, то оно одновременно утрачивает и свое академическое, научное оправдание»².

¹ Методологические проблемы истории / под ред. В. Н. Сидорцова. С. 147.

² Мегилл А. Указ. соч. С. 132.

«Непрофессиональная общественность не различает идеологическое и научное знание о прошлом, – справедливо отмечают И.М. Савельева и А.В. Полетаев, – как разные формы знания. Отсюда попытки разных социальных групп влиять на содержание научного исторического знания, а на самом деле на его идеологическую составляющую»¹.

Поскольку мы относим историческое знание именно к сфере научного, то и запрос общества на знание о своем прошлом должен решаться именно на научном уровне. Здесь очень важен процесс получения исторического знания, то есть насколько работающий с историческим прошлым умеет это делать, насколько он владеет **научным** инструментарием. В противном случае история превращается в побасенку, забавный анекдот или, что намного опаснее, в око-лоисторическую публицистику, «фолк-хистори», в которые не просто верят, а воспринимают именно как вполне научную альтернативу «нормальной» историографии. И здесь ключевую роль начинают играть принципы, методы и приемы научного познания.

¹ Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. С. 509.

Глава 12. Роль принципа в историческом исследовании

Если рассматривать историческое знание как научное, то возникает вопрос о принципах исторического исследования именно в этом ключе. В настоящее время под наукой понимается сфера человеческой деятельности, результатом которой является новое знание о действительности, соответствующее критерию истинности. Практичность, полезность, эффективность научного знания считаются производными от его истинности. Следовательно, главным принципом научного познания является нахождение этого истинного знания. Все остальное подчиняется ему. Принципы научного исследования являются системой ценностей, которой руководствуется ученый в своей деятельности. Если он будет исходить из примата истинности знания, он будет действовать одним способом и стремиться к одной цели, а если его беспокоит прежде всего материальная выгода, победа в споре любой ценой или политические мотивы, то и цели, и способы их достижения будут иными. Правда, в этом случае такой человек вряд ли может называться ученым. Принцип автономности научного сообщества (при соблюдении определенного социального контроля) важен именно потому, что наука в угоду политическим, религиозным или иным силам может отойти от своей главной задачи.

Историки часто провозглашают свою приверженность таким принципам научного познания, как системность и объективность. Первый из названных принципов предполагает рассмотрение изучаемого объекта как систему, что означает раскрытие внутренних связей и механизмов взаимодействия¹. Системный подход характеризуется целостностью и комплексностью. Изучаемая система рассматривается не со стороны ее отдельных аспектов и свойств, а как целостная качественная определенность. При этом производится комплексный учет как ее собственных основных свойств, так и ее места и роли в иерархии систем. Поскольку общество является сверхсложной саморегулирующейся системой с многообразными связями и взаимоотношениями, значение данного подхода в истории особенно велико. Следует также отметить, что системный подход ориентирует исторические исследования на выявление недостаточности старых традиционных предметов изучения и постановку новых задач². На базе этого подхода разработан специальный историко-системный метод, о котором будет сказано ниже.

Принцип научной объективности вызывает наибольшие споры. Во-первых, очень часто опускают слово «научный», что чрезмерно расширяет смысл слова «объективность». Во-вторых, этот спор отсылает нас к вопросу о природе исторического познания и его объективности.

¹ Методологические проблемы истории / под ред. В. Н. Сидорцова. С. 199.

² Там же.

Очень часто в общественных науках в той или иной форме сохраняется марксистская теория отражения, в которой под объективностью понимается воспроизведение объекта таким, каким он существует сам по себе, вне и независимо от человека и его сознания. Однако, если это условие трудно реализуемо даже в естественных науках, опирающихся на экспериментальное знание, то что уж говорить об истории, выступающей как самопознание общества¹. Критики «теории отражения» в крайних своих проявлениях отвергают истинность исторического знания и его объективность. Вместе с тем надо признать, что прошлое, хотя и не существуя реально в настоящем, присутствует в нем в различных и вполне объективных проявлениях. Границы, направление дорог и улиц, расположение городов, портов, принципы правовых систем и т.д. — все это вполне реальное и объективное присутствие прошлого в настоящем.

Изучение этого «присутствия» и объективное отражение его возможно, хотя объективность исторического познания имеет свои пределы. Прежде всего, достижение объективных знаний достигается благодаря существованию исторических источников, существующих независимо от исследователя и в той или иной форме отражающих прошлую реальность. Разработанная методика критики и проверки источников позволяет извлекать из них вполне объективную информацию. Поэтому при всех пробелах источниковистики историки располагают обширной базой для освещения прошлого.

На втором месте (но не по важности) находится заинтересованность исследователя в получении достоверного знания об истории человечества. Английский историк Эдвард Карр писал, что «историк, изучающий прошлое, может приблизиться к объективности, только если он приближается к пониманию прошлого»². Сознательное искажение картины приводит нас к нарушению главных принципов научного познания, о которых было сказано выше.

Наконец, важным контролем объективности исследования является научное историческое сообщество. Благодаря общему уровню, достигнутому исторической наукой, накопленному и проверенному знанию, существованию системы методов проверки полученных знаний, можно говорить об объективности полученного в ходе работы историка знания³.

Вообще проблема «реальности» исторического прошлого и его объективности несколько надумана. «Все общественные науки работают с наблюдениями, относящимися к прошлому. И их мало беспокоит его реальность. А скажем, в астрофизике эта проблема должна была бы стоять еще острее: картина звездного неба, наблюдаемая в настоящее время, отражает только прошлое состояние.

¹ Там же. С. 200.

² Цит. по: Савельева И. М., Полетаев А. В. Теория исторического знания. С. 395.

³ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. С. 256.

Причем весьма отдаленной во времени... Астрофизики по сути занимаются столь отдаленным прошлым, которое историки и археологи не могут даже помыслить, но их нисколько не волнует проблема реальности этого прошлого»¹.

Объективность весьма часто путают с беспристрастностью. Однако эти слова имеют разный смысл. Может ли отечественный историк, исследуя злодеяния нацистов в годы Великой Отечественной войны, сохранять беспристрастность? Едва ли. Но когда он приводит списки жертв нацизма, приводит цифры, указывает точные даты (в том случае, конечно, если все это проверено и сочтено достоверным), результаты его исследования достаточно объективны.

Подводя итог сказанному, можно согласиться с мнением Н.А. Ерофеева: «Если под объективностью понимать стремление при исследовании любого явления и изложении его результатов к постижению и адекватному отражению действительности, то такая объективность историку доступна в той же степени, что и ученому в любой другой области. Он может и обязан замечать и добросовестно фиксировать различные стороны действительности, которые наблюдает. Однако, если под объективностью понимать беспристрастность, то такая объективность не доступна ни историку, ни ученому в любой области»².

Важнейшим принципом исторического познания является принцип историзма, на нем следует остановиться подробнее. Историзм как способ мышления оформился окончательно в немецкой философии в конце XVIII – начале XIX века. Он стал реакцией на рационализм Просвещения, который рисовал образ некоего «человека» вообще, вне привязки к историческим событиям и эпохам. Так, известный английский историк Э. Гиббон в своем замечательном труде «История упадка и разрушения Римской империи» не видит принципиального отличия Римской империи от Византийской, считая её лишь продолжением первой, активно использует древние названия для топонимов (Окс, Танаис и т.д.). Другие историки и философы охотно проводили сравнения с античным миром, совершенно не понимая, что Англия XVIII века это – не Рим, а британский парламент – не сенат. Деятели Французской революции пытались воскресить патриотический дух Афин, Спарты, республиканского Рима, словно не понимая, что то, что работало в рамках небольшого рабовладельческого полиса, не может работать в стране с двадцатимиллионным населением юридически свободных людей, с развивающейся мануфактурной экономикой. Другим явлением, которое вызвало реакцию романтизма и немецкого историзма, стала Великая французская революция. Она открыто демонстрировала разрыв связей с прошлым, начиная с одежды и заканчивая календарем.

¹ Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. Т.1. С. 243-244.

² Ерофеев Н. А. Указ соч. С. 80.

Немецкие философы и историки конца XVIII – начала XIX в.: И.Г. Гердер, И.Ф. Гете, Г.В.Ф. Гегель, В. Гумбольдт, «немецкая школа права», школа Л. Ранке и др. – понимали историю как процесс развития и самопознания духа. Историчность выступала здесь как особая форма или стадия развития духа, а именно духа нации. Историзм провозглашался как общефилософский принцип, методологическая установка. В качестве исследовательской программы он включал в себя нацеленность историографии на эмпиризм, опору на источники, достоверность информации которых гарантируется критическим методом исследования, максимально полное описание объекта исследования, восстановление «жизненных сил» исторического явления в конкретных условиях его существования посредством включения этого явления в контекст «внутреннего опыта» исследователя¹.

Теоретическим фундаментом немецкого историзма обычно называют две его основополагающие идеи: индивидуальность и развитие. Историческая индивидуальность трактовалась исследователями весьма широко. Это и конкретная личность, и целый народ, и определенная эпоха, и экономическое, политическое, религиозное или художественное движение, и человечество в его целостности. Индивидуальность была провозглашена главным субъектом истории. Задача ученого виделась в раскрытии идеи, носителем которой является индивидуальность².

Наиболее полно эти идеи получили своё воплощение в концепции Гегеля. Исторический процесс, с его точки зрения, есть процесс развития и самопознания абсолютного духа. Движущей силой становится диалектика, то есть такой переход одного определения в другое, в котором обнаруживается, что эти определения односторонни и ограничены и содержат отрицание самих себя. Эти гегелевские положения были подхвачены и несколько по-новому истолкованы в марксизме. В рамках диалектического и исторического материализма утверждалось, что диалектическое единство и борьба противоположностей есть главный двигатель мировой истории. Убежденность марксистов в том, что их учение есть высшее развитие всей исторической и экономической, и философской науки Европы, основывалась не столько на логических, сколько на политических аргументах. Поэтому факт крушения коммунистической идеи, не предусмотренный марксистским историзмом, вызвал кризис доктрины в целом³.

Постепенно историзм занял прочное место на границе философии и истории. Возникло убеждение, что историк-философ может постичь глубинные законы, лежащие в основе развития общества. К. Поппер описал это в следующих словах: «Широко распространено мнение, что подлинно научный или философский подход к политике, а также углубленное понимание общественной жизни

¹ Методологические проблемы истории. С. 195.

² Методологические проблемы истории. С. 195

³ Там же. С.197.

вообще должны быть основаны на созерцании человеческой истории и ее интерпретации... социальный философ должен якобы изучать жизнь с некоей высшей точки зрения... И обнаруживает, что по-настоящему значительными действующими лицами на Сцене истории являются либо Великие нации и их Великие вожди, либо Великие классы, либо Великие идеи. Во всяком случае, он пытается понять смысл пьесы, разыгрываемой на Сцене истории, и осмыслить законы исторического развития. Если это ему удастся, то он, конечно, может предсказывать будущие события. Поэтому в его силах предоставить политике прочную основу и дать нам практические советы, указывая на то, какие политические действия могут привести к успеху, а какие нет. Это – краткое описание подхода, который я называю историцизмом»¹. Критике «веры в железные законы истории» К. Поппер и его последователи посвятили немало сил.

Понимание историзма основывается на трёх принципах. Первый и наиболее фундаментальный из них – это различие, понимание, признание того, что нашу эпоху и все предыдущие разделяет пропасть. Все «эти различия частично относятся к материальным условиям жизни, о чём нам порой столь ярко напоминают уцелевшие объекты прошлого – здания, орудия труда и одежда», – пишет Дж. Тош, который наиболее последовательно отстаивает принцип историзма в его современном понимании². «Не столь очевидны, но ещё более важны различия в менталитете: у предыдущих поколений были другие ценности, приоритеты, страхи и надежды. Мы можем воспринимать красоты природы как должное, но в средние века люди боялись лесов и гор и старались как можно реже сворачивать с проторенных троп... Историческое сопереживание, которого так не хватало в последние годы в школьном образовании, часто трактуют как признание человеческой общности между нами и нашими предками. Но более реалистическая (и строгая) трактовка сопереживания основана на необходимости напрочь воображение, чтобы проникнуть в менталитет людей прошлого, с которым наш собственный опыт утратил всякую связь»³. Уже само выявление этих различий способно существенно изменить наши сегодняшние представления. Но историкам этого явно недостаточно. Их цель не просто раскрыть подобные различия, но и объяснить их, а значит, погрузить их в историческую обстановку. То, что нам кажется странным или неприятным, становится вполне объяснимым (хотя, возможно, вызывает не меньший шок) как характерная черта конкретного общества.

Вторым компонентом исторического сознания и принципа историзма является контекст. «Предмет исследования нельзя вырывать из окружающей об-

¹ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. С. 37-38.

² Тош. Дж. Стремление к истине. С. 18.

³ Там же.

становки – таков основополагающий принцип работы историка, – продолжает Дж. Тош, – любые наши знания о прошлом следует помещать в современный им контекст. Это жесткий стандарт, требующий обширных знаний. Часто именно этим профессиональный историк и отличается от любителя»¹.

Принцип историзма предполагает, что историческое время не стоит на месте, настоящее органически вырастает из прошлого, но качественно отличается от него. Понять прошлое возможно, лишь поняв это качественное отличие и динамику исторического времени. Эта динамика предполагает не просто хаотичное изменение, а развитие чего-либо, то есть наличие исторических причин. Кроме того, то или иное явление или процесс оставляют последствия и дают начало чему-то новому, что обуславливает их историческое значение. Как уже говорилось, историю Французской революции начинают задолго до 1789 года и заканчивают воздействием на историю Франции и Европы. Фундаментальной предпосылкой историзма является уважение к независимости прошлого. «Сторонники историзма считают, – пишет Дж. Тош, – что каждая эпоха представляет собой уникальное проявление человеческого духа с присущими ей культурой и ценностями. Если наш современник хочет понять другую эпоху, он должен осознать, что за прошедшее время условия жизни и менталитет людей – а может быть, и сама человеческая природа – существенно изменились. Историк не страж вечных ценностей; он должен стремиться понять каждую эпоху в её собственных категориях, воспринять её собственные ценности и приоритеты, а не навязывать ей наши»².

Третий фундаментальный аспект исторического сознания – это понимание истории как процесса, связи между событиями во времени, что придает им больший смысл, чем их рассмотрение в изоляции. Так, историков по-прежнему интересует применение силы пара в хлопкопрядильном производстве в конце XVIII в., но не столько в качестве яркого примера технического и предпринимательского гения, сколько в связи с огромной ролью этого события в промышленной революции³.

Противоположностью историзма является презентизм. (от англ. present – настоящее, имеющее отношение к современности). Презентизм – это осовременивание исторического прошлого. «Ответственность историка в первую очередь состоит в учёте различия между прошлым и настоящим; и соответственно, одним из величайших его прегрешений является бездумная убеждённость в том, что люди прошлого вели себя и мыслили так же, как мы», – справедливо отмечает Дж. Тош⁴. Представители презентизма полагают, что бытие и небы-

¹ Там же. С. 19-20.

² Тош. Дж. Стремление к истине. С. 16.

³ Там же. С. 20.

⁴ Там же. С. 17.

тие, прошлое и настоящее совпадают. Реально только настоящее, по словам академика Ковальченко. Прошлое целиком сводится к настоящему, между ними нет различий. Поэтому единственный источник познания прошлого – современность, т.е. опять-таки субъективное сознание историка. Отсюда модернизация прошлого, с одной стороны, и метафизическое объяснение современных событий их прошлой историей, с другой¹.

Термин «презентизм» в настоящее время используется и понимается в нескольких смыслах:

1 Неизбежное в процессе исторического познания представление прошлого в адекватных нашему времени образах и понятиях. Картина прошлого воссоздается в рамках иного исторического времени, которое по-своему осознает прошлое, понимает истоки и последствия тех или иных исторических событий. Некоторые исторические явления понятны современному человеку, другие, напротив, объясняются с трудом даже специалистами. В последнем случае интерпретация почти всегда имеет оттенок презентизма. Презентизм также почти неизбежен в типологизации (например, «раннефеодальное государство») и при использовании терминов, изменивших свое значение («буржуа», «коммуна»). Здесь уместно вспомнить знаменитую фразу Р. Арона о том, что историческое познание есть реконструкция того, что было, через то, что есть.

2 Восприятие исторического времени с позиции настоящего, распространение настоящего на прошлое. Использование термина «презентизм» в этом смысле этом смысле предложено французским историком Ф. Артогом в 70-х гг. XX века и продолжено в его более поздних трудах. Он утверждает, что презентизм – это диктат настоящего времени, который овладевает умами и заставляет их ставить ему на службу и прошлое, и будущее. Современность, таким образом, ответственна и за то, что будет (что создается и как это будет передано следующим поколениям), и за то, что было (что именно сохранено и оставлено в памяти). Весьма последовательно это принцип понимания истории продвигает в настоящее время П. Нора в его концепции «мест памяти». Он полагает, что память «становится способом осознать собственное настоящее». Таким образом, история должна изучать не столько события прошлого, сколько отражение их в сознании современников, в символических «местах памяти», в которых это прошлое запечатлено. Интересным для историка должно быть то, что востребовано настоящим².

3 Направление в историографии и теории истории, оформившееся в 20-40 гг. XX века, прежде всего в США. Наиболее яркими представителями яв-

¹ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. С. 108.

² Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. С. 409.

ляются Ч. Бирд, К. Беккер, Дж. Робинсон. Они полагают, что история всегда оценивает и анализирует прошлое с позиций сегодняшнего дня. Указанные авторы считали необходимым подчинять прошлое настоящему, чтобы читатель мог идти в ногу со временем. Проецирование в прошлое современных историку идей, социальных и экономических проблем и т.п. приводит к релятивизму и признанию того, что суждения историков отражают только их субъективные переживания, все картины прошлого одинаково правомерны. Подобное понимание прошлого было подхвачено и развито в постмодернистской философии, которая в принципе не делает разницы между трудом профессионального историка и историческим романом.

Последовательно проведенный презентизм отрицает принцип историзма, почти неизбежно ведет к анахронизмам и искаженному восприятию прошлого. Говоря словами английского историка Э.П. Томпсона (1924-1993), полагать, что настоящее перемещается в прошлое и меняет свой статус, значит не понимать ни настоящего, ни прошлого. Так, некоторые историки видели в борьбе популяров и оптиматов в Древнем Риме двухпартийную систему, а в римской экономике – современные рыночные отношения. Проявления презентизма ярко представлены в современных «исторических» книгах, фильмах, играх, персонажи которых рассуждают, действуют и говорят как современные американцы или европейцы. Это приводит к совершенно неправильному пониманию прошлого и представляет определенную опасность, когда переходит из массового исторического сознания в профессиональное, ибо, как справедливо заметил Р. Арон «необходимо уважать природу события»¹.

Наконец, к принципу историзма очень близок принцип научного детерминизма. Он возник в период становления современной европейской науки и вскоре стал её необходимым атрибутом. Научный детерминизм противостоял религиозному провиденциализму, объяснявшему все через Божественное Провидение, в то же время был реакцией на окказионализм эпохи Возрождения, когда все пытались объяснить игрой случая и прихотью фортуны.

Научный детерминизм исходит из идеи каузальности, то есть причинной обусловленности. В крайних случаях (Лапласов детерминизм) это концепция допускает, что если узнать положение и скорость всех частиц в мире в некий момент, то можно совершенно точно предсказать все события Вселенной. Как правило, ученые (историки, в частности) не идут так далеко. Историк стремится выявить причины какого-либо исторического явления, события или процесса. Причина – это явление, действие которого влечет за собой другое явление.

¹ Там же. С. 410-411.

Сложность причинного объяснения в истории состоит в том, что действует чаще всего несколько взаимосвязанных причин. В этом случае трудно бывает выделить одну, наиболее важную. Во многом выделение причин зависит от мировоззрения историка. Так, историк-марксист в качестве главной причины Французской революции назовет кризис феодального способа производства, пришедшего в конфликт с новыми производственными отношениями, капиталистическими по сути. Представители либеральной историографии в числе главных причин укажут кризис абсолютизма. Либерально-экономическая школа сделает акцент на кризисе французских финансов и фактическом банкротстве государства, а сторонники природно-географического направления – на необычайно холодной зиме и неурожае.

Кроме того, причины могут быть разных уровней: исторических, географических, экономических, объективных и субъективных. Одна и та же причина в разных условиях может иметь разное действие. Так, английские финансы после войны за независимость США были расстроены не в меньшей степени, чем французские. Однако революционных потрясений в Англии не произошло, напротив, государственный долг, как убедительно показал Ф. Бродель, стал причиной необычайной стабильности британской валюты.

Причины эти должны быть рационального характера, даже если мы имеем дело с иррациональным поведением людей. Скажем, некий полководец повернул войска, поддавшись панике или, поверив в некие предзнаменования, хотя вполне мог выиграть сражения. Его иррациональное поведение может быть объяснено рационально, как это только что было показано, т.е. из-за паники, суеверности и т.п. Так, например, король Франции Карл VI напал на собственную стражу. Это поведение объясняется приступом безумия. Другой пример из истории Франции. 1 мая 1993 года премьер-министр Пьер Береговуа покончил жизнь самоубийством, застрелившись в парке госпиталя Валь-де-Грас на берегу канала из пистолета, отобранного у собственного охранника. Он не оставил предсмертной записки. Это действие можно объяснить усталостью и депрессией, вызванными не только проигрышем на парламентских выборах, но и травлей премьер-министра в СМИ. Именно так и поступил президент Франции Франсуа Миттеран. На похоронах, стоя у гроба Пьера Береговуа, он прямо обвинил прессу в атаках на экс-премьера, которые привели к его самоубийству. Итак, поиск рационального объяснения является необходимым атрибутом любого научного исследования.

Наконец, надо различать причины и повод (предлог). Так, поводом к Русской революции 1905 года стал расстрел демонстрации 9 января – Кровавое воскресенье, а к Первой мировой войне – сараевское убийство. Причины обоих явлений были глубже.

Глава 13. Роль метода в научном познании. Общенаучные методы в историческом исследовании

Вопрос о методе научного исследования появился одновременно с возникновением современной европейской науки. Споры велись о способе познания мира и об исследовании конкретных объектов. Методология, то есть учение о методе, переросла в отдельную дисциплину как учение о научном познании. «Наука отличается от других способов познания прежде всего тем, что научные исследования ведутся в соответствии с определенными правилами, организующими и направляющими научный процесс. Совокупность правил, принятых профессиональным сообществом, именуется научным методом... Ибо, как заметил П. Фейерабенд, процедура, осуществленная в соответствии с правилами считается научной; процедура, нарушающая правила, считается ненаучной!»¹.

Слово «метод» в переводе с древнегреческого означает «путь, средство». В самом общем смысле метод – упорядоченная деятельность по достижению направленной цели². В более строгом, научном смысле метод – совокупность операций и приемов, которые регулируют деятельность ученого и обеспечивают решение исследовательских задач³.

Использование научных методов, проверенных временем и опытом, позволяет с высокой степенью гарантии достичь поставленной научно-исследовательской цели. В то же время идет постоянное обновление устоявшихся методов и разработка новых. Так или иначе использование научно-исследовательских методов является не только важным, но и необходимым элементом инструментария любого ученого и историка, в частности. Метод позволяет получать знания, принципиально проверяемые, имеющие прогностическую силу и преемственность с предшествующим знанием⁴.

Методы научного исследования можно классифицировать, при этом возникает некая иерархия. Самые общие (или даже всеобщие методы) – это методы философские. Они во многом зависят от позиции исследователя и вряд ли могут считаться строго научными в полном смысле слова. Вторая группа методов – общенаучные. Они основаны на правилах логики и базовых принципах европейской науки и используются во всех науках. В качестве особой группы методов, которые применяются во всех науках, можно выделить методы нахождения, сбора, классификации, хранения и использования информации⁵.

¹ Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. Т.1. С. 293.

² Методологические проблемы истории. С. 209.

³ Там же. С. 309.

⁴ Мазур Л. Н. Методы исторического исследования. Екатеринбург, 2010. С. 14-16.

⁵ Там же. С. 19.

Методы отдельных наук разработаны в их пределах, но могут применяться и в других отраслях науки. Так, исторический метод используется везде, где необходима реконструкция прошлого, а методы математики – практически во всех науках. В рамках конкретной науки можно выделить основные, или базовые, и вспомогательные, с помощью которых решаются отдельные, частные исследовательские задачи¹. Наконец, существуют конкретные операции (некие простейшие, элементарные действия) и процедуры как их совокупность.² Совокупность методов, процессов и операций, используемых в какой-либо отрасли науки, а также научное описание способов образуют единое целое – методикой³. К этому слову близко по смыслу слово «технология», которое все чаще употребляется в последнее время. Однако вопрос о соотношении этих понятий пока не решен. Кроме того, следует помнить, что вопрос о соотношении таких понятий, как технология, подходы, методы, методология и методика исторического исследования, до конца не решен, и на практике они используются чаще всего весьма свободно⁴.

Говоря об общенаучных методах в историческом исследовании, следует принять во внимание несколько обстоятельств. Прежде всего, некоторые из этих методов стали применяться людьми задолго до появления науки. Это, например, измерения, наблюдение и т.д. Их содержание достаточно понятно всем и едва ли нуждается в дополнительном разъяснении.

Ряд других методов связан с правильным логическим мышлением. Они также широко применяются, в том числе и в повседневной жизни. Это анализ, синтез, умозаключение по аналогии, классификация и т.д.

Наконец, некоторые, более сложные методы не до конца разработаны в отечественной методологии науки. Это связано с тем, что долгое время требовалось соответствие научных методов марксистско-ленинской диалектике. Это вызывало некоторые противоречия и разногласия. Так, И.Д. Ковальченко замечает, что в советской философской литературе нет единого мнения о соотношении диалектико-материалистических подходов и методов с общенаучными. Не до конца разработано соотношение между законами диалектики и законами, характерными лишь для познающего мышления, в частности применительно к методу восхождения от конкретного к абстрактному, о соотношении исторического и логического методов⁵. Анализ учебной и научной литературы 60-80-х годов XX века наглядно показывает, что практически во всех работах по методологии истории таких авторов, как И.Д. Ковальченко и др., рассуждения и вы-

¹ Там же. С. 19.

² Там же. С. 16

³ Там же. С. 19

⁴ Ковальченко И. Д. Методы исторического мышления. С. 214; Методологические проблемы истории. С. 209.

⁵ Ковальченко И. Д. Методы исторического мышления. С. 153.

воды делаются с опорой на классиков марксизма-ленинизма и изобилуют ссылками на их труды. До недавнего времени (может быть и сейчас) в разделе диссертаций «Теоретико-методологическая база» провозглашалась приверженность диалектическому методу. Относительно этого можно заметить, что использование таких самых общих методов относится скорее к философской и мировоззренческой сфере, нежели к методологии истории. Кроме того, многие авторы называют один и тот же метод по-разному. То, что И.Д. Ковальченко называет системным методом, М.А. Барг называл структурным, а другие исследователи соединяли оба понятия в одно: системно-структурный метод. Ниже будет показано несколько подобных мнимых различий.

Рассмотрим основные общенаучные методы, тем более, что они в большинстве своем хорошо известны и распространены.

Наблюдение – это целенаправленный процесс восприятия предметов действительности, результаты которого фиксируются в описании. Для получения значимых результатов необходимо многократное или длительное наблюдение. Оно может быть непосредственным, когда осуществляется без применения технических средств, либо опосредованным – с использованием неких технических устройств. В качестве примеров прямого (непосредственного) наблюдения можно привести наблюдение за погодой или совершением некоего обряда. Ярким примером второго вида является изучением микроорганизмов под микроскопом или наблюдение за небесными телами посредством телескопа, а также всякое наблюдение за физическими явлениями при помощи приборов. Историк имеет возможность наблюдать прошлое посредством исторических источников. Это не только работа с изобразительными источниками разных видов (кино, фотографии, картины и т.п.), но и с документами. В этом случае наблюдение ведется как бы глазами источника при использовании методов источниковедческого анализа и критики. Такое наблюдение составляет основу эмпирического уровня познания в историческом исследовании.

Измерение – это определение количественных значений, свойств объекта с использованием неких единиц измерения и специальных технических устройств. Как правило, последние в историческом исследовании не применяются. Измерение может быть довольно простым (например, вычисление расстояния между населенными пунктами или населения волости) и сложным (с использованием специальных коэффициентов и формул). В этом случае речь идет о применении количественных методов, которые будут рассмотрены ниже. Весьма подробную информацию об использовании измерения в исторических исследованиях можно обнаружить в труде И.Д. Ковальченко¹.

¹ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. С. 341-373.

Описание или описательный метод применяется во всех науках. Его основой является формирование первичного предмета описания: признаков, параметров и характеристик объекта, которые определяются в качестве значимых и существенных. Предельно широкая употребительность описательного метода в границах научного поиска определяется необходимостью фиксировать основные характеристики изучаемого объекта. Этот метод занимает первичные позиции (после наблюдения) в иерархии прочих общенаучных. В исторической науке описание представлено весьма широко и составляет основу исторического метода¹. Вместе с тем в методологии истории отсутствует единое мнение относительно самостоятельности описания в историческом исследовании. Ряд авторов, в том числе И.Д. Ковальченко, рассматривает описательность и фактографизм как ключевую характеристику исторического (историко-генетического) метода². Другие выделяют его в отдельный метод исторического исследования (историко-описательный или описательно-повествовательный)³. На наш взгляд, точка зрения И.Д. Ковальченко более верна. Описание и повествование представляют собой несколько разные процедуры. В то же время смысл исторического метода состоит в раскрытии генетических связей, максимально полном и точном описании событий, процессов и явлений, что находит свое оформление в историческом повествовании (нарративе). Таким образом, описание и повествование – характеристики исторического метода, о котором речь пойдет ниже.

Анализ и синтез – это две противоположные операции. Анализ представляет собой фактическое или мысленное разложение целого на составные части, а синтез – воссоединение целого из частей. Анализ позволяет выявить строение исследуемого объекта, отделить существенное от несущественного, сложное свести к простому. Его формами являются классификация предметов и явлений, выделение этапов в их развитии, обнаружение противоречивых тенденций и др. Синтез дополняет анализ, ведет от существенного к его многообразию, к объединению в единое целое частей, свойств, отношений, выделенных посредством анализа. Анализ и синтез осуществляются на всех ступенях познавательного процесса. Историческое знание по природе своей синтетично. Однако ему предшествует аналитическая работа с источниками⁴. Изучая отдельные аспекты прошлого, историк должен соединить элементы знания, полученного об отдельных аспектах исторической действительности. При этом и понятия, полученные в ходе анализа, соединяются в единое целое. Причем, синтез в истории – не про-

¹Там же. С. 215.

²Там же. С. 185-186.

³ Смоленский Н. И. Теория и методология истории. М., 2007. С. 222-225 ; Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. С. 356-357.

⁴ Методологические проблемы истории. С. 210.

стое механическое сложение отдельных элементов, он дает качественный скачок в понимании объекта исследования.

Эксперимент – еще один важнейший метод научного познания. Он представляет собой воссоздание выделенного аспекта действительности в специально создаваемых и контролируемых условиях, что обеспечивает возможность воспроизводимости, то есть позволяет восстановить ход явления при повторении условий. Например, можно выращивать клетки при разных температурах, выявляя оптимум. В социологических исследованиях в одни и те же условия можно помещать представителей различных социальных групп. Эксперимент предполагает активное, целенаправленное и строго контролируемое воздействие исследователя на изучаемый объект. Кроме того, исследователь имеет возможность устранять факторы, затрудняющие процесс. Исследуемый объект можно изолировать от каких-либо воздействий среды, создать искусственные (в том числе экстремальные) условия его изучения, вмешиваться в течение тех или иных процессов.

В историческом исследовании, которое имеет дело прежде всего с письменными источниками, возможен только мысленный эксперимент. Если для получения информации о микрообъектах физик или биолог должен устранить искажающее воздействие самих приборов на результаты эксперимента, то таким же образом и историк должен выявить из источников достоверные сведения о прошлом. В обоих случаях требуется провести критический анализ. В итоге в сознании физика формируется репрезентация определенного физического явления, обусловленная показаниями приборов, то есть без непосредственного чувственного контакта ученого с объектом познания. Такая же репрезентация складывается и у историка на основе информации, извлеченной из источников. «Таким образом, – пишет И.Д. Ковальченко, – отсутствие у историка непосредственного контакта с прошлым не лишает его связи с этим прошлым и не препятствует чувственному восприятию его. Тем самым и историческое познание, как и все его другие виды, имеет отражательный характер и подчинено общим принципам»¹.

Реконструкция также является основой работы историка. Она имеет место там, где информация, необходимая для чувственного восприятия объекта познания и формирования его образа, поступает не в результате непосредственного восприятия черт и свойств объекта органами наших чувств, а иными путями. «В этом смысле, – замечает И. Д. Ковальченко, – вся информация об объектах познания, полученная в экспериментах посредством всякого рода приборов и приспособлений и зафиксированная тем или иным способом, явля-

¹ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. С. 107-111.

ется реконструированной. И вообще, всякое познание, коль скоро оно состоит в отражении сознанием черт и свойств объективной реальности, является реконструктивным»¹.

Имитация – построение некоей копии или модели изучаемого объекта. Это позволяет построить модели, описывающие процессы так, как они проходили бы в действительности. Такую модель можно «проиграть» во времени как для одного испытания, так и для заданного их множества. При этом выбор из этого множества может быть весьма субъективным. Возможности использования компьютеров и математических методов создало у некоторых исследователей «представление о возможности посредством имитационного моделирования конкретизации исторических явлений и процессов на основе крайне ограниченных и разрозненных исходных данных вплоть до детальной “реконструкции” динамики исторических явлений, опирающейся на отрывочные статические сведения. Практическая цель имитации усматривается здесь в том, чтобы, создав целый набор “состояний” объекта изучения, дать возможность историку выбрать один из вариантов. При этом результаты будут определяться случайным характером процессов. По этим данным можно получить достаточно устойчивую статистику»². Поэтому, как предостерегает академик Ковальченко, как метод «имитация может применяться с большой осторожностью и в весьма ограниченных пределах. На основе учета объективных возможностей, содержащихся в изучаемой реальности, имитация должна не просто давать набор вариантов, а раскрывать те объективные пределы, в которых был заключен инвариант, в котором было реализовано то или иное историческое событие или процесс»³.

Восхождение от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному являются, по мнению И.Д. Ковальченко, основными проявлениями диалектического метода в историческом знании. Он уделяет ему достаточно много места и внимания⁴. В научном исследовании абстрагирование означает мысленное отвлечение от каких-либо свойств изучаемого объекта, выделение общих свойств, интересующих исследователя. Когда действия совершаются в обратном порядке, то говорят о конкретизации или рассуждении от абстрактного к конкретному.

Весьма близки к этим методам индукция и дедукция. Индукция понимается как рассуждение от частного к общему. Для того чтобы быть полной и достоверной, индукция должна охватывать весь класс изучаемых объектов. При

¹ Там же. С. 111.

² Там же. С. 243.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 159-173.

использовании индуктивного метода происходит переход от наблюдаемых частных фактов к выделению принципов, общих положений, установлению закономерностей.

Дедукция представляет собой обратную мыслительную операцию, когда частное заключение выводится из общего. Началом (посылками) дедукции являются аксиомы или просто гипотезы, имеющие характер общих утверждений, а итогом – следствия из посылок. Если посылки дедуктивного рассуждения истинны, то истинны и её следствия. Дедуктивный метод применяется, как правило, после накопления и теоретического осмысления эмпирического материала с целью его систематизации и выведения из него всех следствий. Дедуктивный метод нередко подразделяют на аксиоматический и генетический. В первом случае принимается некоторое множество положений, принимаемых без доказательства (аксиом). Во втором случае имеет место анализ развития изучаемых предметов (установление начальных условий генезиса, его этапов и основных тенденций) с целью выявления связей во времени, а исследование идет параллельно реальному развитию, которое служит критерием проверки возникающих идей.¹

Аналогия – это еще один метод, активно используемый в научном исследовании. Он основан на установлении сходства между нетождественными объектами путем выявления их различий (объект А обладает признаками а, б, с, д, е; объект Б – б, с, д, е; следовательно, объекту Б, возможно, присущ признак а). Следует помнить известное выражение, о том, что аналогия не есть доказательство. Выводы носят вероятностный характер. В целях повышения вероятности вывода аналогию следует основывать на как можно большем числе отношений, на существенных свойствах².

Сравнение – это познавательная операция, лежащая в основе суждений о сходстве или различии объектов, строго продуманная концепция отбора и интерпретации существующего материала. С помощью сравнения выявляются количественная и качественные характеристики объектов, осуществляется их классификация, упорядочение и оценка. Его простейшими типами являются отношения тождества и различия. Сравнение должно опираться на принципы, выверенные исследовательской практикой. Главный из них состоит в том, чтобы производить тщательный отбор материала, необходимого для сравнения. При этом встает вопрос: какие исторические факты или данные могут быть привлечены для сравнительного анализа. Принципы сравнения предполагают огромное разнообразие фактов, причем такое многообразие, которое может тракто-

¹ Методологические проблемы истории. С. 210-211.

² Там же. С. 211.

ваться не как изначальное состояние ситуации, а как результат исторического развития¹.

Формализация – метод, заключающийся в отвлечении от значения понятий с целью исследования их логических возможностей². Примером формализации могут выступать научные понятия или математические (или иные) символы. Так, например, знак «+» означает сложение. Научный язык стремится к формализации, что позволяет максимально точно, полно и в то же время компактно отражать конкретные свойства или отношения в той или иной области научного исследования. Так, многие математические или физические законы могут быть выражены в виде кратких формул. Сходным образом в химии описание процессов и реакций может быть представлено в виде формул, в то время как описание их «нормальным» языком заняло бы много времени и места.

Идеализация представляет предельное отвлечение от конкретных свойств объекта, в то же время сосредоточение внимания на отдельных, важных для исследователя свойствах. Так, например, в физике существует так называемый «идеальный газ», который применяется для решения задач термодинамики газов и аэродинамики.

В историческом познании идеализация нередко выступает вместе с типологизацией, формируя так называемый идеальный тип, то есть, согласно М. Веберу, исследовательскую конструкцию для упорядочивания конкретно-исторического материала.

Другим спутником типологизации выступает классификация. В её основе лежит возможность выделять классы и группы сходных объектов, а также их различные типы. Это выделение, как правило, происходит на основе одного или нескольких признаков и поэтому не может охватывать всего их многообразия, да и не ставит такой цели. Классификация имеет своей целью установление как существенных связей (естественная классификация), так и несущественных (искусственная, или вспомогательная, классификация) между группами объектов для определения их места в системе. В отличие от классификации типологизация является методом познания на основе расчленения совокупности объектов и их группировки с помощью идеализированной модели (типа) с целью установления существенных связей и реализации принципа идентификации объектов. Логическими формами типологизации являются тип, класс, система. Простейшим примером классификации является построение таблиц³. О конкретном применении этих методов в историческом исследовании будет сказано ниже.

¹ Там же.

² Там же. С. 321.

³ Там же. С. 212.

Моделирование представляет собой способ установления связей между объектами с целью определения их места в системе, которая указывает на свойства этих объектов. Говоря проще, это процесс создания модели, то есть упрощенной, уменьшенной или увеличенной копии исследуемого объекта. При этом особое значение имеют те свойства модели, которые интересуют исследователя. Моделирование применяется там и тогда, где использование самого объекта невозможно или требует больших затрат. Кроме того, модели применяют в наглядных дидактических целях. Например, глобус как модель земли. В исторических трудах в качестве моделей можно выделить исторические карты, схемы сражений, государственного устройства или отношений внутри социально-экономической системы, генеалогические таблицы. Как правило, такие модели сопровождаются пояснениями или легендами. В наглядных целях могут использоваться модели (макеты) зданий, обмундирования и вооружения представителей войск и т.д.

Можно выделить умственное (логическое) моделирование, предметное и знаковое. Логическое моделирование может быть понято как построение в уме моделей неких исторических процессов или явлений. По смыслу оно близко к умственному эксперименту или построению гипотезы. Оно требует вместе с тем учета одного важного обстоятельства. Результаты, получаемые с его помощью, зачастую оказываются основанными исключительно на выстраиваемых рядах предположений, не имеющих достаточного подтверждения в исторических источниках. Этим пороком особенно грешат общие, абстрактные историко-философские труды. Они носят спекулятивный характер и наглядно демонстрируют, что их авторы не владеют ремеслом историка. Предметным моделированием называется исследование по моделям, воспроизводящим геометрические, физические, динамические или функциональные характеристики объекта-оригинала. Основанием для такой операции служит аналогия. При знаковом моделировании в качестве моделей выступают схемы, формулы, таблицы и т.д. Важнейшим его видом считается математическое моделирование, воспроизводимое выразительными и дедуктивными средствами математики и логики.¹

В историческом исследовании могут применяться и другие общенаучные методы. Обновление научного инструментария идёт постоянно. Поэтому некоторые из методов не упомянуты, другие начинают получать новые названия. Но, так или иначе, владение базовым набором общенаучных методов является необходимой составляющей подготовки ученого и историка, в частности.

¹ Там же. С. 218-219. Об умственном и математическом моделировании см.: Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. С. 376-378.

Глава 14. Основные методы исторического исследования

Как уже говорилось выше, вопрос о применении или даже наличии специальных методов исторического исследования не до конца решен в методологии. Так, академик И.Д. Ковальченко считал, что общеисторические методы представляют собой то или иное сочетание общенаучных методов¹. Другие авторы не соглашались с этой точкой зрения. Наконец, существует тенденция ставить на один уровень общеисторические методы (скажем, исторический) и частные методы и приёмы или выделять качественные характеристики исторического метода в отдельные методы. Так, например, ретроспективность – особенность исторического познания. Это движение во времени от настоящего к прошлому, от следствия – к причине². Однако нередко ретроспективный метод выделяется как отдельный: «Суть ретроспективного метода заключается в опоре на более высокую ступень развития с целью понимания и оценки предыдущей»³. Но в данном случае речь идет именно о свойствах и особенностях исторического познания. Последовательно проведенный метод ретроспекции означал бы рассказ от конца к началу. Кроме того, как сообщает Н.И. Смоленский, этот метод успешно применялся И.Д. Ковальченко⁴, однако тот не упомянул его в качестве такового в своем фундаментальном исследовании. Далее у Н.И. Смоленского упоминается описательный, или описательно-повествовательный, метод. Выше уже говорилось о том, что описание есть общенаучный метод, а повествование (нарратив) форма выражения исторического знания, иначе его представить нельзя.

Сильными сторонами описательных методов является их универсальность и доступность, конкретность и яркость. Но в их силе заключена и их слабость. Ввиду сложности формирования описательными методами системы представительных фактов, особенно в тех случаях, когда изучаются массовые исторические явления и процессы, они могут приводить либо к иллюстративности, либо к фактографизму. В первом случае это может породить бездоказательность наблюдений и выводов, а во втором – смешение главного и второстепенного, типичного и случайного. «Далее, позволяя установить те или иные признаки и свойства рассматриваемых объектов, описательный анализ не показывает их меры. По указанным причинам описательные методы анализа в тех случаях, когда необходимо оценить масштабы, удельный вес и уровень развития, а также степень сходства и различия, тесноту взаимосвязи и взаимодей-

¹ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. С. 183.

² Смоленский Н. И. Теория и методология истории. С. 237.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 238.

ствия тех или иных объектов, явлений и процессов или их черт и свойств, обрекают исследователей на неточные, весьма приблизительные и даже неопределенные оценки»¹.

Наконец, выделяют биографический метод. Однако следует признать, что биографический метод – это использование все того же исторического метода применительно к жизнеописанию некоей отдельной личности.

Основной метод, применяемый историками, – *исторический*. Он используется и в других науках, когда необходимо понять сущность и содержание природных или социальных объектов в их происхождении и развитии, когда познание идет от настоящего к прошлому.

В исторической науке он обычно называется *историко-генетическим* методом, поскольку преследует цель выявить генезис событий, явлений и процессов в истории, а также генетические связи внутри них. «Суть его состоит в последовательном раскрытии свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения, что позволяет в наибольшей мере приблизиться к воспроизведению реальной истории объекта, – характеризует его академик И. Д. Ковальченко, – по логической природе историко-генетический метод является аналитически-индуктивным, а по форме выражения информации об исследуемой реальности – описательным... Историко-генетический метод позволяет показать причинно-следственные связи и закономерности исторического развития в их непосредственности, а исторические события и личности охарактеризовать в их индивидуальности и образности. При использовании этого метода в наибольшей мере проявляются индивидуальные особенности исследователя»². Историко-генетический метод прежде пытается дать ответ на вопросы «Почему?», «Как?», «Каким образом?», а не «Когда?», хотя и вопрос о датировке всегда стоял в центре внимания историка.

Историко-генетический метод является наиболее универсальным, гибким и доступным методом исторического исследования. Вместе с тем ему присуща и ограниченность, что может приводить к определенным издержкам при его абсолютизации. Историко-генетический метод направлен прежде всего на анализ развития, движения³. Поэтому при недостаточном внимании к статике, т.е. к фиксации некоей временной данности исторических явлений и процессов, может возникать опасность игнорирования малоподвижных процессов, «больших длительностей», о которых говорили ранние представители школы «Анналов». Историк увлекается хроникой сменяющих друг друга событий и не уделяет внимания глубинным процессам.

¹ Там же. С. 329.

² Там же. С. 184.

³ Там же.

Кроме того, как считает И.Д. Ковальченко, «историко-генетический метод при чрезмерном внимании к конкретности и детальности может приводить к выпячиванию индивидуального и неповторимого и затушевыванию общего и закономерного. В исследовании, как говорится, за деревьями может исчезнуть лес. Поэтому в завершенном виде историко-генетический метод должен органически включать характеристику единичного, особенного и общего»¹.

Историко-генетический метод, как отметил И.Д. Ковальченко, тяготеет к описательности, фактографизму и эмпиризму. Это в большей мере обуславливается тем, что в исторических исследованиях очень часто требуются большие усилия и затраты времени на выявление, сбор и первоначальную систематизацию и обработку конкретно-фактических данных. В результате либо возникает иллюзия, что в этом и состоит главная задача исследования, либо не остается достаточного времени на тщательный теоретический анализ выявленных фактов².

Наконец, историко-генетический метод при всей давности и широте применения не имеет разработанной и четкой логики и понятийного аппарата. Поэтому его методика, а следовательно, и техника, расплывчаты и неопределенны, что затрудняет сопоставление и сведение воедино результатов отдельных исследований³. С этим замечанием И.Д. Ковальченко трудно не согласиться, поскольку в последние годы имеется некоторая путаница в применении и определении историко-генетического метода. Как уже было сказано выше, некоторые особенности его применения или характерные черты (описательность, повествовательность, ретроспективность) выделяются в отдельные методы, что, по всей видимости, не всегда обосновано.

Вместе с тем нельзя не отметить, что при всех недостатках указанного метода историческое исследование невозможно без его применения. Все остальные методы лишь дополняют его.

Историко-сравнительный метод (он же метод исторической компаративистики) широко применяется в историческом познании. Следует отметить, что сравнение давно и успешно используется в науке. Без сравнения не обходится ни одно научное исследование. Оно позволяет выявить общее и особенное, на основе сходства или разницы признаков выделить существенные и несущественные признаки изучаемых объектов, понять, какие из них являются разновидностью одного и того же, а какие отличаются друг от друга по своей сути.

Историко-сравнительный метод позволяет объяснять суть исторически процессов и явлений, в этом, пожалуй, и состоит его главное достоинство. Так,

¹ Там же. С. 185.

² Там же.

³ Там же. С. 186.

например, сравнивая «Наказ» Екатерины II со взглядами просветителей, мы обнаружим немало общего. Однако если сопоставить с ними реальную политику императрицы, то можно понять, насколько она далека была от программ просвещения. Сравнивая восстание декабристов в России с революциями 1820-х гг. в Италии и Испании (восстание Риэго), а их программу и методы с программой и методами движения карбонариев, мы установим, что это были весьма схожие явления. Поэтому понятно отношение Николая I к этому восстанию. Кстати, если сравнить восстание декабристов с дворцовыми переворотами в России, то мы поймем, что декабристы намеривались не просто сменить монарха и несколько изменить внешнюю или внутреннюю политику, а коренным образом изменить государственный строй. Таким образом, историко-сравнительный метод может применяться как для синхронных, так и для диахронных процессов. «Таким образом, историко-сравнительный метод дает возможность вскрывать сущность изучаемых явлений и по сходству и по различию присущих им свойств, а также проводить сравнение в пространстве и времени, т.е. по горизонтали и вертикали»¹.

Кроме того, этот метод позволяет выявлять общее и повторяющееся, необходимое и закономерное, с одной стороны, и качественно отличное – с другой. Тем самым заполняются пробелы, и исследование доводится до завершённого вида. Далее, историко-сравнительный метод дает возможность выходить за пределы изучаемых явлений и на основе аналогий приходить к широким историческим обобщениям и параллелям. Сравнивать можно объекты и явления однотипные и разнотипные, находящиеся на одних и тех же и на разных стадиях развития. Но в одном случае сущность будет раскрываться на основе выявления сходств, а в другом – различий. Соблюдение указанных условий исторических сравнений в сущности означает последовательное проведение принципа историзма². Так, например, сравнивая классическое рабовладение с рабством в Новое время, в частности в США, можно прийти к выводу о схожести данных явлений. Однако сходство это только внешнее. Рабство в США существовало в условиях господства развитых рыночных отношений и машинной промышленности, во всяком случае на позднем этапе своего существования. Оно носило придаточный характер, по всей видимости, тормозило развитие Юга, в то время как в Римской империи рабы были в числе главных производительных сил, их труд активно использовался в ремесле, строительстве, сельском хозяйстве. Также, сравнивая классическое рабство с крепостничеством, можно прийти к выводу, что термин «рабы» может применяться к крепостным только как эмоционально окрашенная метафора, а не как строгий термин.

¹ Там же. С. 187.

² Там же. С.188.

Историко-сравнительному методу присущи некоторые слабые черты. Прежде всего, применение его невозможно без использования историко-генетического метода и без глубокого знания сравниваемых объектов. Нарушение этого принципа может привести к самым грубым историческим ошибкам. Посредством этого метода познается прежде всего сущность исторической реальности во всем ее многообразии, а не ее конкретная специфика. Затруднительно применение историко-сравнительного метода при изучении динамики общественных процессов. Формальное применение историко-сравнительного метода чревато ошибочными выводами и наблюдениями¹.

Некоторым сходством с этим методом обладает *историко-типологический*, или *метод историко-типологического анализа*. При помощи его также происходит сопоставление изучаемых объектов, однако процедура носит более сложный, по крайней мере, двухступенчатый характер. Напомним, что типологизация имеет своей целью разбиение (упорядочение) совокупности объектов или явлений на качественно определенные типы (классы) на основе присущих им общих существенных признаков. Направленность на выявление сущностно-однородных в пространственном или временном аспектах совокупностей объектов и явлений отличает типологизацию (или типизацию) от классификации и группировки в широком смысле, при которых может и не ставиться задача выявления принадлежности объекта как целостности к той или иной качественной определенности. Разбиение здесь может ограничиваться группировками объектов по тем или иным признаками и в этом плане выступать как средство упорядочивания и систематизации конкретных данных об исторических объектах, явлениях и процессах. Типологизация же, будучи по форме разновидностью классификации, является методом сущностного анализа². Поясним эту мысль И.Д. Ковальченко на примерах. Так, мы можем классифицировать штаты США следующим образом: первоначальные штаты, штаты, принятые в Союз до 1821 г. (Миссурийский компромисс), и штаты, принятые в 1821-1861 гг. Данная классификация нам мало что дает с точки зрения социально-экономического развития США. Однако если мы введем в эту классификацию понятие «рабовладельческие штаты», нам станут более понятны многие процессы. Если классификация берет в качестве основания деления один или несколько признаков, то процедура типологизации заключается вначале в выделении некоего главного признака, типа, а затем в сопоставлении с ним исследуемых объектов. Так, например, для классификации войн и восстаний нам необходимо выделить тип «гражданская война» и дать ему характеристику. Затем изучаемые нами войны и восстания будут сопоставляться с этим типом.

¹ Там же. С. 191.

² Там же. С. 191.

Это позволит нам понять сущность этих конфликтов. Так, Гражданская война в США, безусловно, отвечает признакам типичной гражданской войны, а вот Война за независимость американских колоний – нет. Вопрос о том, можно ли рассматривать Смуту в России в качестве гражданской войны, остается спорным, восстание же декабристов вообще в таком аспекте не рассматривается.

Заметный вклад в разработку метода типологизации внес М. Вебер со своим учением об идеальных типах. И.Д Ковальченко критиковал его идеализм, а также то, что Вебер вместо выделения реально существующих типов предлагает использовать типы, сконструированные сознанием¹. Здесь необходимо понять: существуют ли капитализм, феодализм, мелкое крестьянское хозяйство реально либо мы конструируем их в своем сознании, наделяя типичными чертами.

Идеальный тип создается не путем обобщения, а путем рационализации. Мы заменяем мысленным сверхчувственным изображением противоречия и бессвязность реальности. В реальной действительности такой мысленный образ в его понятийной чистоте нигде эмпирически не обнаруживается; это утопия. Задача исторического исследования состоит в том, чтобы в каждом отдельном случае установить, насколько действительность близка такому мысленному образу или далека от него, в какой мере можно, следовательно, считать, что, например, характер экономических отношений определенного города соответствует понятию «городского хозяйства». Что означает, например, идеальный тип западного капитализма, в чем его значение? По мнению Вебера, западный капитализм есть «исторический индивид», существующий, несомненно, во многих разновидностях, раз мы различаем немецкий, французский и американский капитализмы. Тем не менее западный капитализм единичен и уникален с точки зрения логики. Западный капитализм, рассматриваемый как цель исследования, не более и не менее уникален, чем то или иное действие той или иной личности в точно определенный момент времени. Поэтому его нельзя определить путем подведения под более общее понятие (во всяком случае, если нас интересует то, что отличает его от всех других экономических систем). В этом случае идеальный тип представляет собой решение проблемы: каким образом сформулировать строгое понятие исторической целостности? Мы выделяем тот или иной признак капитализма, который по той или иной причине привлекает наше внимание, и в зависимости от основного признака распределяем второстепенные. Получаем доступное пониманию, где сохраняется неповторимость и единство исторического индивида². Идеальная типизация позволяет упорядочить полученный эмпирическим путем материал, поставляемый

¹ Там же. С. 192.

² Арон Р. Избранное: Введение в философию истории. С. 156.

конкретными исследованиями, и подняться на довольно высокий уровень абстракции.

Историко-системный метод, метод системно-функционального анализа в истории, структурно-функциональный метод. Как видно из такого обилия названий, этот метод не до конца разработан в теории и методологии исторической науки. Это может быть объяснено как сложностью его самого, так и затруднениями, связанными с его использованием. Он находит свое применение в основном в разделах истории, связанных с социально-экономическими процессами.

Историческое развитие носит системный характер, все события, ситуации и процессы этого развития не только каузально обусловлены, то есть имеют причинно-следственные связи, но и функционально связаны. Функциональные связи в этом плане как бы перекрывают связи причинно-следственные и имеют комплексный характер. На этом основании некоторые социологи и историки полагают, что в научном познании определяющее значение должно иметь не причинное, а структурное, если говорить точнее, структурно-функциональное объяснение¹. Здесь мы можем говорить скорее о подходе к историческому познанию вообще, нежели о конкретном применении одного из методов исторического познания.

Системный подход, к которому можно отнести структурный и функциональный анализы, характеризуется целостностью и комплексностью. Изучаемая система рассматривается не со стороны ее отдельных аспектов и свойств, а как целостная качественная определенность с комплексным учетом как ее собственных основных черт, так и ее места и роли в иерархии систем. Однако для практической реализации этого анализа первоначально требуется вычленение исследуемой системы из органически единой иерархии систем. Эту процедуру называют декомпозицией систем. Она представляет сложный познавательный процесс, ибо нередко весьма сложно выделить определенную систему из единства систем. После выделения соответствующей системы следует ее анализ как таковой.

С точки зрения конкретно-содержательной, решение указанной задачи сводится к выявлению системных признаков, присущих компонентам выделяемой системы. К ним относятся признаки, взаимосвязь между которыми прежде всего и определяет суть структуры данной системы, т.е. выражает сущностную определенность, целостность и устойчивость структуры. После выделения соответствующей системы следует ее анализ как таковой. Основным здесь является структурный анализ, т.е. выявление характера взаимосвязи компонентов

¹ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. С. 198.

системы и их свойств. Структурный анализ может проводиться различными методами, позволяющими устанавливать взаимосвязи, – от простейших логических методов выявления причинно-следственных связей до математических методов. Итогом структурно-системного анализа будут знания о системе как таковой¹.

Как мы видим, даже сама терминология довольно сложна и отсылает нас к общей теории систем.

Историко-хронологические методы – это комплекс методов, которые имеют отношение к одной из самых главных категорий исторического познания – историческому времени.

Простейший вариант применения этих методов – диахронный метод², или метод периодизации³. Суть его состоит в разделении исторического процесса на некие временные отрезки. В качестве основания для выделения могут применяться различные критерии в зависимости от того, какие цели преследует историк. Периодизация является частным случаем классификации, применённой ко времени. Умение выделять и обосновывать исторические периоды является важной составляющей работы историка. Более подробно о проблеме периодизации говорилось выше.

Методы синхронного и диахронного анализа заключаются в сопоставлении социокультурных систем, сосуществующих во времени и одновременных соответственно⁴. Простейшими вариантами применения таких методов можно назвать построение так называемой «ленты времени», когда приводятся события, произошедшие в разных местах, но в одно и то же время, и хронологических таблиц, которые имеются практически в каждом учебнике истории.

Более сложным является метод системно-диахронного анализа. Он сводится к трем основным вариантам. Первый из них выявляет такие характеристики процессов, как продолжительность, частота разных событий, длительность пауз между событиями и т.п. Фактически он редуцируется к установлению исторической длительности и датировкам событий.

Второй вариант направлен на раскрытие внутреннего временного строения процесса. Выделяются качественно определенные стадии, или фазы, в его развитии, а также однотипные события, образующие функционирующие в нем подсистемы. По сути дела, это периодизация

Третий вариант системно-диахронного анализа состоит в выявлении динамики отдельных систем или их совокупности на фоне развития более широ-

¹ Там же. С. 199-200.

² Парфенов И. Д. Методология исторической науки. Курс лекций. Саратов, 2001. С. 84-85.

³ Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. С. 381-382.

⁴ Там же. С. 90.

кой системы, по отношению к которой исследуемая система выступает как подсистема. Таким будет, например, анализ развития рынка в связи с развитием простого товарного или капиталистического производства или анализ развития общественной мысли в зависимости от хода классовой борьбы или социально-экономического развития. Это наиболее сложный вид структурно-диахронного анализа в его динамическом варианте. При обоснованном выборе последовательных временных срезов удастся выявить как изменения в развитии систем (прежде всего их структур), так и приблизительные временные моменты качественной трансформации систем. Успех во многом зависит от того, насколько уже определены общие этапы и стадии в развитии процесса как целого. Знание временных границ этих стадий может служить основой при выборе рубежей для синхронного структурно-функционального, да и иного анализа¹.

В заключение необходимо остановиться на методе источниковедения, который давно и постоянно употребляется историками, но, как правило, в учебниках по методологии о нем не упоминается. Он включает в себя ряд последовательных процедур. Первый комплекс процедур связан с обстоятельствами возникновения исторического источника: исторические условия его возникновения, проблема авторства, обстоятельства создания текста, его функционирование в социокультурной общности. Дальнейшие процедуры включают интерпретацию, которую проводят с целью установить тот смысл, который вкладывал в произведение его автор, и анализ содержания. Эта анализ означает возможность и даже необходимость взглянуть на источник и его свидетельства глазами человека другого времени. Таким образом, историк рассматривает источник вначале как часть реальности прошлого, а потом как часть той реальности, в которой находится сам. Он оценивает источник логически, обращая то к намеренно, то к ненамеренно заключенной в нем информации. Структура исследовательского изложения меняется, что диктуется стремлением как можно полнее раскрыть все богатство социальной информации, которую может дать источник, поставленный в связь с данными современной науки. Исследователь раскрывая всю полноту социальной информации источника, решает проблему ее достоверности. Он выдвигает аргументы в пользу своей версии правдивости свидетельств, обосновывает свою позицию. Если этап интерпретации источника предполагает создание психологически достоверного образа автора источника, использование наряду с логическими категориями познавательного процесса таких категории, как здравый смысл, интуиция, симпатия, сопереживание, то на этапе анализа содержания превалируют логические суждения и доказательства, сопоставление данных, анализ их согласованности друг с другом.

¹ Там же. С. 154 ; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. С. 206-207.

В процессе источниковедческого анализа исследователь раскрывает информационные возможности источника, интерпретирует те сведения, которые намеренно или помимо своей воли сообщает источник, свидетельствуя прямо или косвенно о своем авторе и о том этапе социального развития, когда источник был создан, воплощен в данную вещественную форму. Опираясь на результаты проведенного исследования, историк обобщает свою работу, проводит источниковедческий синтез. Синтез – завершающий этап изучения произведения, рассматриваемого в качестве исторического источника. На этом этапе создается возможность обобщить результаты анализа отдельных сторон произведения, отдельных комплексов социальной информации, полученной при исследовании его структуры и содержания¹.

Таковы основные методы исторической исследования. Повторим еще раз, что некоторые из них интерпретируются историками иначе, чем сказано в данном пособии, в отношении иных существуют иные подходы, наконец, существуют иные системы классификации методов исторического исследования. Приведенный нами вариант ни в коей мере не претендует на то, что бы полностью осветить возможности применения специальных методов исторического исследования.

¹ Более подробно см: Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцева М. Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 1998.

Глава 15. Проблема междисциплинарности. Возможности применения методов других наук в историческом исследовании

К началу XX века оформились основы современной европейской науки и отрасли научного знания. Каждая отрасль или наука (физика, математика, биология) обзавелась своим предметом и методами. Однако в середине XX века процесс дифференциации наук сменился интеграцией. Одна дисциплина использует методы другой науки и «вторгается» в её предметное поле. Так, например, границы между физикой и химией весьма размыты, так же как и между химией и биологией. На границах наук возникают новые дисциплины. Этот процесс затронул и историю. Стремясь повысить свой научный потенциал, она активно использует методы математики, статистики, социологии. Появились такие дисциплины, как историческая география, историческая демография, причем довольно трудно понять, чего в них больше – истории или географии, демографии, статистики. Это создаёт проблему междисциплинарности: не приводит ли расширение предметного поля науки (исторической, в частности) к его фактическому распылению.

Безусловно, использование междисциплинарных подходов обогащает историческую науку и повышает доказательную базу исторического исследования. Представители школы «Анналов» видели историю как комплексную, интегральную науку, которая сочетает в себе знания из других областей научного знания. Л. Февр в свое время призывал; «Историки, будьте географами! Будьте правоведами, социологами, психологами!»¹

Со временем этот революционный лозунг стал общим местом. К концу XX века стало общепризнанным, что история, по сути дела, самая синтетическая наука из всех социально-гуманитарных дисциплин. Историк адаптируется к логике материала и не придерживается жёстких ограничений, накладываемых при введении в оборот понятий, созданных по образу других наук, естественнонаучных в частности. Отсюда разногласия с другими социальными дисциплинами. Многие понятия, используемые историками, являются «рабочими», их используют не постоянно, а только тогда, когда они позволяют что-либо объяснить. Это накладывает отпечаток на язык историка и используемые им термины и понятия, что неоднократно было показано выше. По этому поводу известный французский историк Э. Ле Руа Ладюри остроумно заметил: «Представителей более сложных дисциплин мы пропускаем вперед, в разведку, часто с угрозой для жизни, через минные поля, лежащие на общем пути. Что касается нас, историков, мы широко пользуемся богатствами, накопленными отраслями

¹ Февр Л. Бои за историю. С. 37.

знания, обладающими количественными характеристиками, а именно: демографией, экономикой, даже эконометрикой. Мы без стыда заимствуем – хотя и возвращаем сторицей – из ресурсов демографии (которая, благодаря нам, стала исторической дисциплиной), а также из наследия марксистской и рикардо-мальтузианской экономики, из современной экономической теории; и, наконец, из кладовой этнографии, правда, наиболее защищенной, по нашему мнению, от набегов историков»¹.

С одной стороны, междисциплинарные подходы и методы открывают перед историком новые перспективы. Так, например, возрастает аналитичность исследований, их наглядность и доказательность. История проникает в новые, ранее закрытые для неё области и обогащается новыми методами. При соблюдении определенных условий это позволяет в наиболее полной мере реализовать интегративные возможности исторической науки.

Можно определить эти условия, при соблюдении которых возможны междисциплинарные исследования:

1) определение объекта исторического исследования и его исходного состояния (сбор, обработка информации, выявление проблематичных сторон объекта и др.);

2) сохранение специфических свойств и характеристик объекта на всех уровнях теоретического абстрагирования;

3) разработка методической схемы анализа, в которой сумма отдельных исследований была бы необходима и достаточна для решения проблемы в целом².

С другой стороны, можно констатировать, что большинство историков относится с некоторым недоверием к распылению предмета исторической науки и использованию методов точных дисциплин, к которым они испытывают почти инстинктивную неприязнь. На многих представителей исторического знания цифры, графики, таблицы и диаграммы наводят скуку, а иногда – ужас. Кроме того, отсутствие как общеметодологических, так и конкретных работ по проблеме междисциплинарности в исторических исследованиях требует от историка некоторой осторожности. Очевидно, что для любого исследователя-историка судьба исторической науки небезразлична³.

При этом изучение методов, опыта другой дисциплины позволит найти наиболее оптимальное решение проблемы. В этой связи возникает другая, не менее важная проблема – заимствование чужого опыта.

¹ Ле Руа Ладюри Э. Застывшая история // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 157-158.

² Методологические проблемы истории. С. 156.

³ Мегилл А. Указ соч. С. 28.

Эта проблема приобретает особый смысл, если учесть, что в процессе междисциплинарных контактов непременно возникает вопрос о границах и тенденциях, противоречащих процессу полидисциплинарности. Ведь в реальной исследовательской практике есть допустимый предел тех или иных заимствований, предел, обусловленный конкретными историческими и социальными условиями, в которых данная дисциплина развивалась¹. Междисциплинарность как феномен не является чем-то однородным, а обладает некоторыми особенностями, которые отображаются в сетях методологических и категориальных различий. Дифференциация ранее «однородной» истории вызывает вполне понятные опасения у историков об утрате ее социальной идентичности. В то же время это исключает возможность господства одной универсальной концепции или идеологии. В настоящее время историческая наука все более опирается не на идеологическое единство, а на взаимосвязь, взаимодействие методов и категорий².

В 70-е годы XX века, когда идеи междисциплинарности и расширения предметного поля истории совершали своё победное шествие, английский историк сэр Джеффри Элтон высказался решительно против этого процесса. В своей книге «Практика истории» он понимает историю как автономную научную дисциплину. Когда он отвечает на вопрос, является история наукой или искусством, он объединяет оба начала, хотя предпочтение все же отдает искусству. В его понимании искусство истории – это вовсе не набор художественных приемов, которые позволяют сделать рассказ более красочным и занимательным, это не преклонение перед нарративами и текстами. Прежде всего, это искусство обращения с историческим источником. История как процесс должна изучаться как таковая, ради самой себя. История как наука есть изучение прошлого и в этом ее смысл и залог существования как науки. Функцией историка, таким образом, является создание культуры общества, хотя целью историка Дж. Элтон называет поиск исторической правды, то есть воссоздание событий на основе источников. Однако основным условием для выполнения обеих задач он считает высокий профессионализм историка, его эрудицию, глубокое знание источника, что как раз и отличает специалиста от любителя. История не может и не должна открывать неких социальных законов, она не выявляет сущность явлений, её долг – установление причин. Поэтому он высказался решительно против «социологизирующей» истории, математического моделирования и других междисциплинарных методов. Подходы, сформулированные в рамках

¹ Методологические проблемы истории. С. 158.

² Там же. С. 163.

постмодернистской концепции истории, в частности в нашедшей книгу Х. Уайта «Метаистория», названы Элтоном «фатальными для истории»¹.

Сходным образом с критикой против поверхностного использования междисциплинарных подходов и методов высказался видный английский историк и теоретик «устной истории» Пол Томсон. Так, он критикует деятельность историков-экономистов, вроде Р. Фогеля (см. главу об исторических альтернативах), которые посредством разного рода таблиц и графиков пытаются «пересмыслить» многие исторические процессы и явления. Не имея данных, они их фабрикуют и демонстрируют ловушки, в которые может завести применение некоторых междисциплинарных методов, в частности экономики, статистики, а также математического моделирования. П. Томсон называет такое использование этих методов «дерзкой акробатикой»².

Таким образом, реконструкция исторического прошлого должна учитывать и применять междисциплинарные связи, которые не нивелируют и поглощают, а дополняют друг друга. Изолированность исторической науки, воплощенная в консерватизме ученых, методологических и тематических барьерах и границах, неизбежно вызывает неполноту или отрывочность полученных результатов. Понимание и внедрение практики междисциплинарности в исторические исследования основано на преодолении границ традиционно сложившейся техники исторической реконструкции, на поиске дополнительных по отношению к истории практик исследования³.

Эти предварительные замечания о возможностях и уязвимостях междисциплинарности уместны для понимания пределов использования методов других наук в исторических исследованиях и необходимости их.

Довольно давно историки начали использовать *методы географии*, прежде всего районирование и картографирование. О первом уже было сказано выше, в разделе, посвященном выделению исторического региона («История и пространство»). Здесь уместно еще раз сказать, что районирование представляет собой метод членения исследуемой территории на отдельные районы (регионы). Наиболее высокой степенью синтеза и целостностью содержания отличается районирование систем взаимодействия общества и природы⁴. В основу выделения региона может быть положен экономический (Рурский бассейн, Донбасс), геополитический (Балканы, Ближний Восток), государственный (Швеция), административный (Тобольская губерния), исторический (Бургундия) критерии. Эти критерии могут совмещаться и дополняться другими. Кроме

¹ Парфенов И.Д. Методология исторической науки. С. 13, 15.

² Томпсон П. Голос прошлого. Устная история. М., 2003. С. 86.

³ Методологические проблемы истории. С. 163.

⁴ Географический энциклопедический словарь. Понятия и термины / гл. ред. акад. А. Ф. Трёшников. М., 1988. С. 258.

того, в микроисторических исследованиях могут использоваться весьма небольшие локусы, а в исторической локалистике выделяться некие особые регионы, которые могут охватывать одну-две деревни и т.д.

Метод картографирования также хорошо знаком историкам. По счастью, им довольно редко приходится составлять принципиально новые карты, чаще всего на уже имеющиеся географические карты наносятся необходимые значки: устанавливаются границы, проводятся торговые и иные пути, указываются промышленные, торговые, политические, религиозные и иные центры, выделяются зоны боевых действий и линии фронтов.

Методы и термины социологии также очень часто встречаются в исторических исследованиях, особенно посвященных социальным проблемам. Следует отметить, что с момента своего возникновения социология претендовала на то, чтобы раздвинуть свое предметное поле в прошлое, полностью вытеснив отсюда собственно историческое знание. К счастью, сделать это не удалось, хотя провести грань между историческими и социологическими исследованиями первой половины XX века довольно трудно. Особенно это касается советской историографии. Хотя само слово «социология» долгое время было табуировано в СССР, фактически историки занимались изучением социальных проблем и выявлением социальных законов. Показательно в этой связи то, что в 20-е годы XX века преподавание истории в школе было заменено обществоведением. Кстати, само слово «обществоведение» является буквальным переводом слова «социология», хотя в русском языке оно позднее приобрело более широкий смысл.

Историки охотно пользовались методом деления на социальные классы, использовали другие методики. В 60-е годы XX века использование социологических методик заметно обогатило советскую историческую науку¹. К числу методов социологии можно отнести опрос и интервью, запись устных воспоминаний. Следует отметить, что использование этих методов требует особой подготовки и умения задавать вопросы. Большую помощь в создании «устной истории» может оказать фундаментальный, и в то же время имеющий практическую направленность известный труд Пола Томсона. В 60-70-е годы XX века историки начали исследовать то, чем обычно занимались социологи: малые контактные группы, массовое сознание, коллективные представления. Так появились история семьи, прихода, корпорации, ментальностей и т.д.²

Не менее часто историку приходится прибегать к методам и методикам **экономической науки**. Выявление экономических циклов, влияние роста и падение цен на исторический процесс, принципы денежного обращения – все это

¹ Миронов Б. Н. Историки социология. Л., 1984.

² Более подробно см.: Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009.

находит свое место в экономической теории. Блестящее владение методами экономики показал французский историк Ф. Бродель.

В XX веке в сферу внимания историков попала *демография*. Опираясь на её методы, историки научились высчитывать среднюю продолжительность жизни, количество детей, миграционные процессы и т.д. Это дало начало новой «пограничной» дисциплине – исторической демографии. Зарубежные (Ф. Арьес, Ж. Ле Гофф) и отечественные (Д.К. Шелестов, Я.Е. Водарский, Ю.Л. Бессмертный) последователи этого направления дали замечательный образец широкого применения методов и методик демографии в историческом исследовании.

Методы *статистики* также находят все большее применение в исторической науке. Методы отбора и анализа статистического материала подводят нас к разговору об использовании количественных и математических методов в историческом исследовании.

Свой расцвет *математические и количественные* методы в исторической науке пережили в 60-70-е годы XX века на Западе и 70-80-е годы в СССР. «В 1960-х гг. сторонники количественных методов были полны боевого задора. Некоторые из них просто балдели от цифр»¹. Хотя в более поздние годы внимание историков было переключено на брошенную постмодернизмом перчатку («лингвистический поворот», «нарратология», «текстология»), интерес к математическим методам сохраняется, во многих университетах они преподаются в качестве вполне самостоятельной дисциплины. Это избавляет нас от необходимости давать более детальную характеристику этих методов, тем более, что это уже сделано крупными методологами истории². Однако небольшой обзор возможностей их применения все же необходим.

Количественный анализ, по определению И.Д. Ковальченко, – это выявление и формирование системы численных характеристик изучаемых объектов, явлений и процессов, которые, будучи подвергнуты определенной математической обработке, создают основу для сущностно-содержательного анализа, приводящего к раскрытию количественной меры соответствующего качества³. Количественный анализ даёт возможность преодолеть ограниченность описательного анализа. Теоретически количественные методы могут быть применены при изучении любых явлений и процессов объективной реальности⁴.

¹ Тош Д. Стремление к истине. С. 237.

² Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. С. 296-454 ; Бородкин Л. И. Контент-анализ в исторических исследованиях. М., 1999 ; Миронов Б. Н. История в цифрах: Математика в исторических исследованиях. Л., 1991 ; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования ; Славко Т. И. Математические методы в исторических исследованиях : учебное пособие. Екатеринбург, 1995.

³ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. С. 330.

⁴ Там же.

Математические методы более сложны. Они включают системы расчетов, введение специальных коэффициентов и т.д., в то время как количественные – это скорее работа с «сырым» цифровым материалом. Использование математических методов заметно повышает доказательность и научность любого научного исследования, в том числе и исторического.

Вместе с тем увлечение математическими методами и моделями может увести от конкретного исторического материала и превратить исследование в чисто абстрактное, оторванное от реальной исторической почвы, некий воздушный замок.

Выше уже приводилась критика математической модели Р. Фогеля, которой он пытается доказать, что роль железных дорог в освоении территории и экономическом развитии США сильно преувеличена. Путем сложных расчетов и того, что П. Томсон назвал «дерзкой акробатикой», он пытается установить, что железные дороги не оказали сколько-нибудь существенного влияния на экономическое развитие США. Общий же итог его рассуждений сводится к тому, что при анализе исторического развития не следует придавать большого значения всякого рода техническим открытиям и усовершенствованиям. При этом следует учесть, что он перекроил историческую действительность по своему усмотрению. Р. Фогель устранил из исторической действительности США железные дороги. Но с таким же успехом можно устранить из нее какую-либо отрасль сельского хозяйства или промышленности, либо элемент природной среды. Железные дороги сделали перевозки независимыми от природных условий, ускорили эти перевозки (что открыло путь на рынок многим товарам), втянули в орбиту активного социально-экономического развития многие регионы, стимулировали развитие ряда отраслей промышленности и т.д. Все это не учитывается Фогелем. Субъективен и необоснован подход и к расчетам. Фогель исходит из того, что цены перевозок водным и гужевым транспортом при отсутствии железных дорог остаются такими же, как и при их наличии. При быстром росте объема перевозок такое допущение (даже при условии строительства новой сети водных каналов) маловероятно. Наконец, необоснован и общий вывод о несущественной роли в экономическом развитии технических открытий и усовершенствований. Он идет вразрез со всей историей экономического развития. Эти модели не характеризуют реальный или объективно допустимый ход исторического развития, а представляют его таким, каким бы его хотел видеть историк¹. Сам Фогель подвергся критике за то, что не включил в свою модель результаты воздействия железнодорожного строительства на мобильность трудовых ресурсов и технический прогресс в других отраслях экономики. Анало-

¹ Ковальченко И. Д., Методы исторического исследования. С. 424.

гичным образом, если один фактор (железные дороги) исключается из модели для нужд контрфактического анализа, учесть все связанные с этим изменения других переменных, прямые и косвенные, практически невозможно, все их рассчитать нельзя, и вопрос о том, действительно ли Фогель рассчитал наиболее важные из них, остаётся открытым¹. Теория, хорошо объясняющая экономическую деятельность людей в «идеальных» условиях, вряд ли выдержит проверку социальными и культурными факторами, присутствующими в конкретной исторической ситуации, а историки, настаивающие на применении такой теории, поскольку их интересуют чисто экономические проблемы, просто демонстрируют «взгляд из туннеля» в особо тяжелой форме².

Несколько слов надо сказать о методе контент-анализа. Если говорить просто, он состоит в переводе качественных показателей в количественные, которые подлежат дальнейшей обработке, т.е. «вырабатывают определенный формуляр для обработки источников, имеющий вид анкеты»³. Он применим при изучении простых и сложных качественных признаков и особенно эффективен при обработке больших по объему и разнообразных по содержанию видов или комплексов нарративных исторических источников (материалы прессы, различные описания и записи, всякого рода анкетные и подобные им сведения и т.п.). «В итоге описательная информация об исследуемых явлениях будет формализована и представлена в системе численных значений. Последние могут сводиться в различного рода таблицы, т.е. иметь наглядный и сжатый вид, удобный для последующей обработки»⁴.

Возможности применения контент-анализа возрастают в наши дни в связи с применением компьютерных технологий. Таким образом можно за очень короткое время провести обработку большого числа исторических источников. Простым примером применения этого метода может быть подсчет упоминания имени Сталина в газете «Правда» в 1930-е годы, который показал, что пик приходится на 1937-1938 годы.

Историческая информатика также играет заметную роль в исторических исследованиях сегодня. Использование компьютерных технологий и интернета сделало для историка доступными источники и исследования, с которыми еще лет двадцать назад был знаком весьма узкий круг ученых. Особенно справедливо это замечание применительно к зарубежной истории. Электронные библиотеки в РФ в последнее время сделали большой шаг вперед, были оцифрованы многие печатные издания XIX – начала XX века, которые находи-

¹ Тош. Дж. Стремление к истине. С. 236.

² Там же. С. 235.

³ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. С. 367.

⁴ Там же.

лись в архивах или отделах редких книг в нескольких экземплярах на всю страну. Это позволило ознакомиться как с источниками, так и с исторической литературой, не выходя из дома. Создание электронных баз данных и каталогов также заметно облегчило поиск необходимых материалов. Стало гораздо проще хранить и использовать информацию, обмениваться ею. Компьютер позволяет довольно быстро строить числовые модели исторических процессов, которые ранее требовали долгой и специальной подготовки; построению графиков, схем и диаграмм учат в школьном курсе информатики. Использование мультимедийных устройств позволило повысить не только наглядность, но и доказательность исторического исследования.

Вместе с тем следует предостеречь от увлечения компьютерным моделированием. Выше на примере Р. Фогеля было показано, как отвлеченное математическое моделирование может существенно затемнить историческую картину. При использовании огромных возможностей компьютера построение таких абстрактных и априорных схем очень упростилось. Нам доводилось видеть построенные таким образом модели роста населения в позднесредневековой Англии и т.д. Если даже допустить, что такие модели относительно верны, то насколько они применимы, скажем, к Франции или России, границы которых были достаточно гибкими и неопределенными, в отличие от островной Англии.

В последние десятилетия XX века, в том числе и под влиянием постмодернизма, произошел так называемый «лингвистический поворот». Смысл этого явления сводится к переосмыслению понимания роли языка в науке. Историки стали уделять больше внимания методам *лингвистики и семиотики*.

История с момента своего возникновения была близка к наукам о языке. Когда она конституировалась как наука, со своим предметом познания и методами, особое внимание стало уделяться прочтению и истолкованию исторических источников. Поэтому филологической подготовке историков уделялось большое внимание, большинство факультетов, на которых они учились, назывались историко-филологическими. В рамках источниковедения разработана и продолжает разрабатываться система критики исторического источника. В этой связи методы и подходы наук о языке для историка важны и интересны.

Наряду с этим, в рамках так называемого «лингвистического поворота» некоторыми философами, лингвистами и историками было высказано мнение, что историческое познание есть лишь интеллектуальная игра, которая ведется с помощью языковых средств. Познающий субъект при этом сам конструирует историческую реальность в ходе так называемых дискурсивных практик в виде различных языковых картин прошлого, которые неизбежно несут на себе «по-

черк» познающего¹. Язык не понимается как отражение сознания историка, а является самостоятельной реальностью, которая создает и самого историка, и его представления о прошлом. В процессе историописания создается некий текст, в котором сознание историка упорядочивает исторические факты и наполняет их значением. Вместе с тем это упорядочивание происходит путем наложения на упорядочиваемые факты некоторых схем, которые в этих фактах не содержатся и являются продуктом языковых практик познающего субъекта².

Поскольку любому пониманию прошлого предшествует формирующее влияние языка, то непосредственное познание прошлого невозможно, в то же время открывается и даже становится неизбежной множественность исторических реальностей и их интерпретаций. Следовательно, историк должен быть прежде всего лингвистом, история утрачивает статус науки и превращается в разновидность литературы («назад, к Геродоту!»), а исторические источники становятся просто текстами, к которым необходим текстологический подход. С подобной абсолютизацией методов и подходов большинство историков не могут согласиться. История должна сохранить статус самостоятельной науки, а исторический источник остаться именно в этом качестве, а не рассматриваться просто как некий текст.

Однако, поскольку большинство исторических источников представляют собой именно тексты (некоторые вообще утверждают, что все можно прочитать как текст и нет ничего кроме текста), к ним можно и даже нужно применять методы понимания и истолкования текстов. Здесь большую помощь может оказать герменевтика. Герменевтика зародилась в конце XVIII – начале XIX в. как искусство толкования библейских текстов. Затем слово расширило свой смысл и стало использоваться в значении учения о восстановлении первоначального смысла литературных памятников, дошедших в искажённом и частичном виде, непонятных без комментариев, а также в значении истолкования всякого произведения (сюда относятся, например, объяснительные издания авторов). Герменевтика прочно вошла в состав дисциплин филологической критики. В историческом познании герменевтический подход весьма уместен в ходе источниковедческого анализа. Он помогает понять не только то, что сказать автор, но и то, что он хотел сказать, а о чем хотел умолчать, но это ему не до конца удалось, он так сказать «проболтался». Хотя в последнее время имеются утверждения, что толкование и интерпретацию следует различать, однако окончательной ясности в этом вопросе до сих пор нет³. Тем не менее искусство

¹ Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. С. 247.

² Там же. С. 246.

³ Там же. С. 176.

понимания, объяснения и правильного толкования исторических источников является одним из главных инструментов в работе историка.

Разумеется, историки не могут принять эти постулаты. Все, что требуют постмодернисты, реализовано в исторических романах. Что касается историков, они, действительно, должны больше внимания уделять нарративу, повышать его познавательные функции и совершенствовать литературное мастерство. Историк уделяет внимание эстетической стороне исторического процесса. Но всегда историки и писатели будут отличаться только одним – историк не имеет права на вымысел, а писатель может давать волю своему творческому воображению.

Несколько слов надо сказать относительно семиотики, в частности о таких ярких её представителях, как Ю. Лотман и особенно Б. Успенский, которые внесли заметный вклад в синтез истории и семиотики. Последний рассматривает язык не только как систему коммуникаций между людьми, но и как систему коммуникации между человеком и окружающей его действительностью. Культура понимается как система отношений между человеком и окружающим миром, которая регламентирует поведение человека, та же система отношений определяет то, как человек моделирует мир и самого себя. Б. Успенский выделяет семиотику знака и семиотику языка как знаковой системы. Культурно-семиотический подход апеллирует к внутренней точке зрения самих участников исторического процесса: значимо то, что значимо с их точки зрения. Речь идет о реконструкции субъективных мотивов тех или иных действий. Наши действия обусловлены нашими представлениями о событиях и их связях. Поэтому надо реконструировать систему представлений. В семиотической перспективе исторический процесс представлен как процесс коммуникации, когда поступающая информация обуславливает реакцию социума. Разнообразные объяснения не отрицают, а дополняют друг друга: все объяснения могут сойтись в одной точке и привести к одному результату. Явления прошлого предстают как знаки иного бытия, но воспринимаются в заданной перспективе. «История – семиотическое восприятие прошлого»¹.

Итак, использование методов других наук и междисциплинарный подход являются весьма продуктивным в современном историческом знании. Вместе с тем всегда следует помнить, что междисциплинарный синтез в истории приводит нередко к редукции концептуальных обобщений одной науки к другим, так что сущность собственно истории теряется. Для реализации междисциплинарного подхода в истории необходимо создать условия для естественного появления в ней знаний новых дисциплин, при строгом соблюдении методологических императивов своей области знания².

¹ Парфенов И. Д. Методология исторической науки. С. 111-114.

² Мегилл А. Указ. соч. С. 28.

Глава 16. От исторического источника к историческому нарративу

В начале XX века, когда шли споры о месте исторического знания и его праве называться наукой, были сформулированы два основных подхода к этой проблеме. Первый можно условно назвать позитивистским. Суть его в том, что история, занимаясь единичными событиями, не способна подняться до обобщений, выявления общих тенденций и установления социальных законов. Это удел социологии. И хотя в советское время термин «социология» не жаловали, фактически советская историография носила во многом социологический характер. Второй (неокантианский) подход состоял в том, что коль скоро история изучает единичные объекты, то она и должна подниматься до генерализирующих обобщений и установления законов развития. Её задача – описать уникальное и неповторимое.

В середине XX века от таких упрощенных подходов начали отказываться во многом под влиянием школы «Анналов». Историческая наука вполне способна совмещать и описание, и объяснение. Собственно говоря, история с момента своего зарождения стремилась объяснять, а не просто описывать некие события. Так, главный вопрос, на который пытался ответить Геродот в своем труде, сформулирован всё-таки именно так: *«почему эллины и персы воевали друг с другом?»* Все описание посвящено ответу именно на этот почти философский вопрос¹.

В 70-80-е гг. XX века в рамках постмодернистского подхода и «лингвистического поворота» акцент был сделан на исторический нарратив, на текст как таковой, который является «истиной в себе». Исходя из этого утверждается, что любой текст, конструирующий любую реальность, обладает неким автономным существованием, более того, и сама эта сконструированная реальность обладает автономным существованием. Разница между научным историческим исследованием и историческим вымыслом стирается, поскольку и то, и другое только текст. Следовательно, относится к ним надо именно как к тексту². Применительно именно к историческому знанию наиболее ярко и последовательно постмодернистские походы начал проводить Х. Уайт. В нашумевшей в своё время «Метаистории» он пытается доказать, что история не является и не может являться наукой. При этом, как справедливо замечают И.М. Савельева и А.В. Полетаев, в основе его концепции «лежат две посылки, которые вряд ли можно назвать правомерными. Во-первых, автор намертво не различает разные

¹ Геродот. История. С. 11.

² Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. Т.1. С. 381.

типы знания, в частности, философию, науку, идеологию и искусство. Во-вторых, в рассматриваемой работе осуществлена подмена объекта исследования: претендуя, якобы, на анализ знания, автор, на самом деле анализирует “стили”, т.е. подменяет исследование *содержания знания* рассмотрением стилистической *формы текстов*»¹.

Однако позитивным результатом всей этой «постмодернистской шумихи» стало то, что историки обратились к проблеме исторического повествования, его роли и структуры. Слово «нарратив» уже почти никого не пугает и за ним признана определенная познавательная функция.

Прежде чем говорить об этапах работы историка на пути от исторического источника к историческому нарративу, необходимо сделать несколько замечаний относительно последнего.

Результатом работы историка практически всегда является историческое сочинение, или, говоря более современным языком, исторический нарратив (рассказ, повествование). Нарратив – это «форма изложения, характерная как для исторической науки, так и для художественной литературы – особенно романистики и эпической поэзии, – и она во многом объясняет привлекательность исторических трудов для читателя. Как и другие формы повествования, исторический нарратив может служить развлечением благодаря способности держать читателя в напряжении и вызывать сильные эмоции. Но нарратив также является важным методом историка, когда он излагает материал так, как будто сам является участником событий прошлого или как бы наблюдает их со стороны. Наиболее успешно позволяют воссоздать прошлое те формы повествования, которые близко передают ощущение времени, присущее нашей повседневной жизни; мы словно отсчитываем час за часом, если речь идет о сражении, день за днем, когда идет описание политического кризиса, или год за годом в случае ознакомления с той или иной биографией»².

По мысли А. Мегилла, нарратив вездесущ, поскольку он естественен для человека³. Исторический нарратив – способ представления исторической реальности.⁴ Пишет ли историк сухой отчет, исследовательскую статью или эссе, которое предполагает значительно большую свободу в изложении, он всегда рассказывает о чем-то. И.Д. Парфенов отмечает в этой связи: «Результатом кропотливого труда историка обычно является диссертация или монография, в которых в повествовательной форме излагаются исторические события, даются их интерпретация и объяснение. Существует огромное разнообразие наррати-

¹ Там же. С. 326.

² Тош Дж. Стремление к истине. С. 132.

³ Мегилл А. Указ. соч. С. 188.

⁴ Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. С. 246.

вов: различные подходы историков, разнообразны методы исследования, наконец, неодинаковы литературные способности и стиль изложения. Все это разнообразие вполне естественно. Оно отражает многообразие мира исторических явлений и огромное разнообразие научных подходов... Именно в повествовании, рассказе история реализует свое своеобразие как наука. Историк не должен увлекаться социологическими абстракциями, а писать наглядно, понятно для широкого круга читателей»¹. По его мнению, современная «сциентизация», применение количественных и иных методов, о которых шла речь, вызвали беспокойство историков: как бы не утерять в связи с усложнением языка нарратива этот «волнующий рассказ об истории», не потерять человека за формулами, статистикой².

Конечно, историческое повествование, что бы там ни говорили представители постмодернистского направления в историографии, не может строиться по тем же принципам, что и обычный рассказ. Он интегрирует все методы и подходы современной науки. «Исторический нарратив без анализа тривиален, исторический анализ без нарратива несовершенен»³. Нарратив соединяет историческое описание и историческое объяснение и даёт возможность лучше увидеть, что им нельзя придавать различное значение, абстрагируясь от целей и читателей исторических работ⁴.

Следует, однако, понимать, что объяснение зависит от описания. Прежде чем ответить на вопрос «Что стало причиной этого?», надо «это» зафиксировать. Поэтому вопрос «Что произошло?» предшествует вопросу о причине⁵. Эту устойчивую взаимосвязь описание (нарратив) и объяснение (анализ) – подчеркивает большинство современных исследователей. В любом историческом описании присутствует объяснение, так же как объяснение всегда опирается на некоторое описание. «История рассказывает и именно по ходу своего рассказа – объясняет, – пишет А. Про. – Что делаем мы в повседневной жизни, когда хотим "объяснить"? Мы рассказываем. Говорить о рассказе, что он объясняющий, – это плеоназм. Можно отделить рассказ от документального аппарата, на котором он основывается, от доказательств, которые в нем приводятся, но нельзя изолировать его от той объяснительной связи, которую он устанавливает между событиями и которая как раз и делает его рассказом в отличие от простого списка фактов, даже если последний составлен в хронологическом порядке. Рассказать значит объяснить... Если объяснение неразрывно связано с расска-

¹ Парфенов И. Д. Методология исторической науки. С. 130.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Мегилл А. Указ. соч. С. 222.

⁵ Там же. С. 244.

зом, то это происходит потому, что оно заключено в самих фактах. Они являются вместе со своим объяснением»¹.

Любой «чистый» исторический нарратив содержит множество теоретических понятий и концепций, явно или латентно содержащих элементы объяснения. Точно так же как и «аналитическая» история, даже если она написана ярким сторонником клиометрии с помощью одних уравнений и формул, содержит в себе описание². Описательный и повествовательный подходы, воплощенные в нарративе, никоим образом не противоречат структурному подходу, который казалось бы исключает повествование. Вот как об этом рассуждает А. Про: «Рассказы включают в себя описательные и структурные секвенции. Иногда даже эволюция тех или иных структур или конфигураций описывается раньше, чем будут описаны они сами. Иначе говоря, причинное объяснение рассказа нередко предполагает обращение к закономерностям, обнаруживаемым на уровне структур, в то время как описание структур может прибегать к персонализации, превращающей их в действующие лица рассказа другого типа. Таким образом, эти категории – рассказ и картина – различаются между собой, но во все не исключают друг друга»³.

И.Д. Ковальченко так определяет основные этапы исторического исследования: «Совокупность выполняемых в историческом исследовании процедур распадается на следующие основные этапы: выбор объекта и постановка исследовательской задачи; выявление источнико-информационной основы ее решения и разработка методов исследования; реконструкция исследуемой исторической реальности и эмпирическое ее познание; объяснение и теоретическое познание; определение истинности и ценности полученного знания и его оценка. Все эти этапы, во-первых, последовательно и тесно взаимосвязаны и, во-вторых, складываются из целой совокупности исследовательских процедур, требующих соответствующих методов»⁴. С этой схемой, в принципе, можно согласиться. Л.Н. Мазур предлагает более простую и, на наш взгляд, более изящную схему, которая более реально отражает этапы работы исследователя.

Эта схема включает четыре этапа:

- 1) **историографический**, куда помимо поиска необходимой литературы она включает постановку исследовательской задачи, определение предмета, цели и задач;
- 2) **источниковедческий** – определение круга источников и формирование информационной базы исследования;

¹ Про А. Указ. соч. С. 258.

² Савельева И. М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. Т.1. С. 287.

³ Про А. Указ. соч. С. 251. (Под секвенцией здесь понимается некая последовательность)

⁴ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. С. 220.

- 3) *создание модели* исторических данных, на котором происходит систематизация и обобщение исторической информации;
- 4) *аналитический* – раскрытие проблемы с использованием методов анализа и синтеза информации и оформление выводов в форме научного труда¹.

Всякое историческое исследование, как и любое другое научное исследование, начинается с постановки исследовательской задачи, т.е. проблемы, исходя из чего формулируется тема, предмет и главная цель работы. Это не самый заметный, но самый важный этап работы исследователя. От того, как он формирует вопрос, содержащий научную проблему, зависит, какой ответ он получит и получит ли он его вообще. Исходя из этого, формулируется гипотеза, т.е. научное предположение, призванное объяснить какие-либо исторические факты или явления, но пока еще не подтвержденные. Различают гипотезы теоретические и рабочие (экспериментальные), первичные (формулируются в начале исследования) и вторичные (возникают в ходе исследования). Существуют и другие классификации гипотез².

Следующий этап связан с изучением специальной литературы по теме. Знакомство с работами других историков, так или иначе исследовавших выбранную тему, позволит лучше сформулировать рабочую гипотезу, ознакомиться с уже установленными фактами, определить круг источников, обозначить промежуточные задачи, хронологические и территориальные рамки исследования. Конечно, к исторической литературе необходимо будет обращаться постоянно, на протяжении всего исследования, но первичная обработка историографии крайне важна. Она готовит почву для дальнейшей работы. Ф. Бродель писал в этой связи: «Клод Леви-Стросс утверждает, что один час беседы с современником Платона сказал бы ему больше о монолитности (или же, наоборот, разобщенности) древнегреческой цивилизации, чем любое современное исследование. И я с ним вполне согласен. Но он прав только потому, что в течение многих лет слушал голоса многих греков, спасенных от забвения. Историк подготовил ему путешествие. Час в сегодняшней Греции не сказал бы ему ничего о монолитности или разобщенности современного греческого общества»³. Как замечает А. Про, исторический текст содержит бесчисленные отсылки к другим историкам. Этим автор новой книги хочет не только обозначить свою принадлежность к профессии; он дает понять, что его текст является частью своего рода коллективного гипертекста, который он призван в некоторых отношениях дополнить, в некоторых – оспорить, а в ряде случаев – обновить.

¹ Мазур Л. Н. Методы исторического исследования. С. 42.

² Там же. С. 59.

³ Цит. по: Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. Т.1. С. 309.

Чаще всего он ограничивается тем, что по-своему воспроизводит этот коллективный дискурс, не добавляя в него, по существу, ничего нового, но при этом непременно ссылаясь на его авторитетность¹.

Будучи подготовленным к работе с историческими источниками по изучаемой теме, историк может приступать к исследованию. Квалифицированного историка от дилетанта отличает умение работать с источником, различать первичные и вторичные источники, отличать их от исторической литературы. Дж. Тош пишет, что «когда мы читаем труд историка, то уже удаляемся на один шаг от оригинальных источников за рассматриваемый период или ещё дальше, если автор опирался на уже написанное другими. Первый тест, который должен пройти любой исторический труд: насколько содержащаяся в нем интерпретация прошлого соответствует всей совокупности имеющихся данных; после обнаружения новых источников или нового прочтения старых даже самая престижная книга может оказаться на свалке. Короче, современная историческая наука основана не на достижениях предшественников, а на постоянном переосмыслении оригинальных источников. Именно по этой причине историки рассматривают оригинальные материалы как первичные – первоисточники. Все, что они и их предшественники написали, считается вторичными источниками»².

Профессиональный исторический труд не является компиляцией сообщений источников, как это часто можно наблюдать у историков-любителей. Проблемы отбора, установления подлинности, достоверности и точности исторических источников, а также методы обработки и анализа содержащихся в них сведений разрабатываются источниковедением, которое является не просто специальной, а базовой исторической дисциплиной. В рамках источниковедения накоплен богатый опыт работы с источниками, разработаны конкретные методики их критики и анализа.

Выявление, отбор и критический анализ источников, по словам академика И.Д. Ковальченко, должны ориентироваться на обеспечение качественной и количественной представительности конкретно-исторических данных, необходимых для решения поставленной задачи. Это зависит не только, а часто даже и не столько от количества привлекаемых источников, но и прежде всего от их информативной ценности. Поэтому нередко проявляющееся стремление использовать как можно больше источников само по себе не только не дает результатов, но и может привести к загромождению исследования малосущественными либо вовсе ненужными для решения поставленной задачи фактами. Качественная представительность включаемых в анализ сведений об объекте познания опреде-

¹ Про А. Указ соч. С. 278-279.

² Тош Дж. Стремление к истине. С. 59.

ляется тем, насколько они раскрывают существенные в плане поставленной задачи черты, свойства и связи, присущие предмету исследования¹.

Работа с источниками составляет эмпирический уровень работы историка, посредством их он как бы наблюдает прошлое, они же являются и его научным инструментом. Именно на этом этапе происходит верификация гипотезы, происходит корректировка исследовательской задачи или даже кардинальный пересмотр темы исследования. Работая с источниками, историк уже строит некие объясняющие схемы, использует общенаучные, исторические и междисциплинарные методы и методики.

Известный французский историк А.-И. Марру предостерегает от механического соединения сообщений источников, а по сути дела – от компиляции текстов источника: «Нет ничего наивнее, чем представлять себе деятельность историка в виде механического процесса непогрешимой производительности, чем-то вроде усовершенствованного станка, в который можно вложить первичные материалы – документы, перерабатывающего их с помощью критического анализа и усилий интерпретации и выдающего установленные факты с установленным коэффициентом достоверности. Это – карикатурная схема. Труд историка куда более сложен, он содержит на каждом из своих этапов актуальное вторжение мысли работающего»².

Большую роль в понимании документа играет интуиция: поскольку он существует, значит, он обладает неким бытием, которое постигают через понимание³. Наконец, определенное значение имеет и воображение историка. Сочетание интуиции и свидетельства источника, конечно, ограничивают его, но, тем не менее, без воображения хорошее историческое исследование едва ли возможно. Историков в конце концов волнует не только объяснение прошлого; они стремятся реконструировать или воссоздать его – показать, какой стала жизнь, а не только попытаться её понять, а без воображения нельзя проникнуть в менталитет и атмосферу прошлого. Но, несомненно, анализ документальных источников зависит от реконструкции породившего их мышления; в первую очередь, историк должен проникнуть в духовный мир создателя источника. И если специалисты в области естественных наук могут создавать новые данные путём эксперимента, то историки вновь и вновь сталкиваются с информационными пробелами, которые они могут восполнить, лишь выработав ощущение того, как именно могло произойти то или иное событие, ощущение, возникающее из воображаемой картины, оформившейся в процессе погружения в уцелевшие документы. Для всех этих целей историк жизненно необходимо вооб-

¹ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. С. 227.

² Медушевская О. М. Современное зарубежное источниковедение. С. 113.

³ Там же. С. 91.

ражение. Оно не только генерирует плодотворные гипотезы, но и позволяет создать события и обстановку прошлого, на которых они проверяются¹.

Именно на этом этапе, как уже было сказано выше, происходит сочетание двух очень важных составляющих научно-исторического исследования: описания и объяснения. Как отмечает И.Д. Ковальченко, «Исторические описания могут фиксироваться в естественно-языковой форме, что бывает чаще всего, а также в виде систем количественных... Описания могут представлять собой либо первичную информацию, либо разного рода ее обобщенные сводки»². Историческое объяснение выражается в естественно-языковой форме и содержит как эксплицитную (явно выраженную), так и имплицитную (неявно выраженную) части³.

Более подробно о соотношении эмпирического и теоретического уровня исследования было сказано выше.

И.Д. Ковальченко рассмотрел в своем фундаментальном труде следующие основные виды объяснений, используемые в исторических исследованиях⁴.

1 **Объяснение *через закон***. Именно законы генезиса, функционирования и развития общественно-исторической реальности наиболее глубоко выражают ее сущностную природу. Через законы объясняют, прежде всего, объективные и по своему характеру массовые явления и процессы.

2 **Причинно-следственные** объяснения обычно применяются при раскрытии тех или иных результатов человеческой деятельности, исторических событий и ситуаций, в которых ярко выражается активная роль человеческого, т.е. субъективного, фактора. Разумеется, за этим фактором лежат и определенные объективные обстоятельства, но они проявляются в характере субъективных действий. Так, например, когда мы говорим, что одной из важнейших причин краха наполеоновского вторжения в Россию в 1812 г. был высокий моральный дух русской армии, мы объясняем поражение Наполеона одним из субъективно-исторических факторов. Этот фактор мы выделяем явно (эксплицитно). Но неявно (имплицитно) в этом объяснении имеется в виду и то, что высокий моральный дух русской армии был обусловлен справедливым для России характером войны, тем, что борьба велась за сохранение независимости страны. В конечном счете приведенное объяснение является не только причинным, но и объяснением через закон.

3 **Генетические объяснения** необходимы в тех случаях, когда возникает задача объяснения сути исторических явлений или процессов в их определен-

¹ Тош Дж. Стремление к истине. С. 160.

² Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. С. 243.

³ Там же. С. 246.

⁴ Там же. С. 246-249.

ном временном выражении. Допустим, мы хотим понять сущностное содержание разночинского этапа в освободительном движении в России, который, как известно, наступил после падения крепостничества. В полной мере понять эту суть можно только с учетом того, что разночинскому этапу предшествовал этап дворянский, когда во главе освободительного, революционного движения стояли передовые представители дворянства. Но и здесь генетическое объяснение, т.е. раскрытие сути разночинского этапа освободительного движения как этапа, пришедшего на смену дворянскому, сочетается с причинным объяснением (изменение социального состава участников революционного движения обусловило радикализацию его программы, стратегии и тактики) и объяснением через закон. Таким образом, и в этом случае объяснение является комплексным, а его генетическая разновидность выступает лишь как ведущий подход и метод.

4 **Структурное объяснение**, т.е. раскрытие сущности через анализ структуры соответствующих общественно-исторических систем, может применяться при изучении любых из этих систем. Основная задача объяснения здесь состоит в выявлении основных, системообразующих признаков, присущих элементам системы, и в установлении характера их взаимосвязи. Выявление системообразующих признаков связано с анализом содержательной, субстанциональной природы системы. Анализ структурных взаимосвязей системообразующих признаков раскрывает те основные закономерности, которые свойственны изучаемой системе. Тем самым структурное объяснение и выявление сущности через структурный анализ систем наиболее эффективны, ибо приводят к непосредственному раскрытию законов, присущих исторической реальности.

5 **Функциональное объяснение** представляет собой разновидность объяснения структурного. При функциональном анализе характеризуемая система рассматривается как подсистема или даже элемент общественной системы более высокого уровня. Анализ структуры последней позволяет выявить взаимосвязи изучаемой системы с той средой, в которой она находится, и тем самым раскрыть закономерности ее функционирования. Функциональное объяснение является эффективным средством выявления сущности различных общественных систем на различных уровнях их функционирования.

6 Существует несколько видов объяснения единичных актов деятельности человека. Основным является **мотивационное** объяснение. Оно состоит в том, что суть действия объясняется побудительным мотивом, который обычно выражает определенный интерес и преследует соответствующую цель.

7 Другим видом выступает объяснение через **нормативность**. Характер действий субъекта здесь обусловлен общепринятыми в соответствующей социальной среде нормами и традициями поведения.

8 Еще один вид объяснения – *психологически-эмоциональное* объяснение. Характер действия здесь зависит от психологически-эмоциональных черт исторической личности (твердости, мягкости, боязливости, сострадания, уважения, любви, ненависти и т.д.).

Наконец, надо сказать несколько слов о попытках объяснения тех или иных процессов или явлений через теории заговора. Серьезные историки вполне справедливо не используют такие объяснения. Однако в последнее время, особенно благодаря средствам массовой информации, фильмам, художественной и околону научной литературе, конспирологические теории пользуются определенным успехом, в том числе и среди студентов. Ответить на такие «теории» можно только фразой одного французского историка: «Все это прекрасно, но это не история». Рассуждения представителей этой «криптоистории» стоят на таких же косвенных и шатких аргументах, что и «фоменковщина». В определенном возрасте темы «секретов тамплиеров» и т.п. вызывают интерес, однако еще раз следует подчеркнуть, что научная, доказательная историография не рассматривает всерьез такие проблемы ввиду отсутствия элементарной источниковой базы¹. Однако даже если такие сочинения могут отвечать требованиям к источникам и методам их критики, несостоятельность такой «истории» проистекает именно из ничтожности поставленных ею вопросов².

На завершающем этапе исследования происходит верификация (проверка истинности) полученных данных, даются оценки деятельности отдельных личностей или историческим явлениям и процессам. Оценка – средство осознания значимости исторического события. В оценке фиксируются наиболее значимые свойства объекта. Конечно, оценка может быть истинной и ложной, так как ее дает субъект, признающий иногда и ценности, не являющиеся таковыми³.

Необходимой частью исторического текста является справочный аппарат или то, что часто называют системой ссылок и сносок. Наличие их в научном тексте обязательно. «Каждое утверждение сопровождалось доказательствами, ссылками на источники или цитатами»⁴. В связи с этим уместно привести слова М. Блока: «Но когда некоторые читатели жалуются, что от любой строчки, одиноко чернеющей под текстом, у них туманятся мозги..., эти неженки доказывают лишь свою неспособность понять даже элементарные правила научной этики. Ибо, не беря в расчет свободную игру фантазии, утверждение не имеет права появляться в тексте, если его нельзя проверить, и для историка, приводящего какой-то документ, указание на то, где его, скорее всего, можно найти,

¹ Более подробно см.: Энтин Дж. Теория заговоров и конспиративистский менталитет // Новая и новейшая история. 2000. № 1.

² Про А. Указ. соч. С. 90.

³ Парфенов И. Н. Указ соч. С. 141.

⁴ Про А. Указ. соч. С. 59.

равносильно исполнению общеобязательного долга быть честным. Наше общественное мнение, отравленное догмами и мифами, даже когда оно не враждебно просвещению, утратило вкус к контролю... Чтобы ее подготовить, и трудятся наши скромные примечания, наши маленькие, мелочные ссылки, над которыми, не понимая их, потешаются нынешние остряки»¹.

Сходным образом рассуждает и А. Про. Поскольку трудно лучше объяснить роль всех этих сносок и примечаний, позволим себе привести еще одну большую цитату. «Каковы бы ни были на практике используемые документы и какие бы ни возникали вопросы, на стадии установления фактов на первый план выходит достоверность, или правдивость, текста, представленного историком на суд публики. Ведь от этого зависит ценность истории как "познания". История основывается на фактах, и любой историк обязан приводить их в поддержку своих утверждений. Солидность исторического текста, его научная приемлемость зависят от того, насколько аккуратно и корректно автор воссоздал факты. Следовательно, обучение ремеслу историка включает в себя одновременно критический анализ, знание источников и умение формулировать проблему. Нужно учиться правильно конспектировать, правильно читать текст, не заблуждаясь относительно его смысла, значения и намерений его автора, и корректно формулировать задачи исследования. Отсюда то значение, которое имеет для исторических исследований, по крайней мере во Франции, "объяснение документов": текстов, изображений, статистических данных и т.д. Отсюда же и значение, которое придается при оценке профессионального уровня исследователей работе с первоисточниками, ссылкам на источники, оформлению библиографии, – короче говоря, всему тому, что мы совершенно справедливо называем "критическим аппаратом". Плохо это или хорошо для нее, но история не терпит неточностей. Или дата, сноска верны, или нет: они не могут быть чьим-то личным мнением. И для того чтобы оспаривать какую-либо версию, нужно представить иные факты, иные даты и сноски на иные источники»².

Завершив все эти этапы, историк приступает к написанию исторического нарратива. «Для многих историков, обладающих несомненным талантом к работе с первоисточниками, систематизация данных является мучительно долгим и трудным процессом. Они постоянно испытывают искушение продолжать сбор материала до бесконечности, оттягивая момент, когда придется приступать непосредственно к написанию работы», – пишет Дж. Тош³. Подобный перфекционизм и стремление объять необъятное приводят к затягиванию подведения итогов работы, к ненужной детализации, «блохоискательству». Здесь

¹ Блок М. Апология истории. С. 51-52.

² Про А. Указ. соч. С. 79.

³ Тош Дж. Стремление к истине. С. 129.

очень важно научиться отличать существенные детали от неважных мелочей, которые только уводят в сторону и затемняют смысл труда. Есть немало примеров тому, как историк застревал на стадии сбора и анализа источников, но так и не смог подняться до исторических обобщений.

Отметим, что нарратив не сводится к описанию фактов, а содержит теоретический компонент, заложенную концепцию, объяснение исторических событий. «Ведь именно в процессе написания научного труда историк придает смысл своим знаниям и привлекает внимание к результатам исследований. Немалая часть научных работ имеет форму сообщения о выводах, которые были абсолютно ясны самому ученому ещё до того, как он взялся за перо, – резюмирует Дж Тош, – стремление воплотить её в связном тексте, имеющем начало и конец, позволяет исследователю осознать все взаимоотношения между различными областями полученного знания. Многие историки отмечали этот творческий аспект подготовки научного труда, не менее увлекательный, чем детективные розыски в архивах. Создание исторического труда необходимо для понимания истории, и тот, кто уклоняется от этой задачи, не может с полным основанием называться историком»¹.

Кроме пересказа источников, он содержит внеисточниковое знание, а также философские подходы, методологические установки историка. Многое зависит от эрудиции, владения литературным языком². Выше уже говорилось о значении нарратива в ремесле историка. Заметим, что в повествовании раскрывается логика исследования и его концепция. Они как бы вписаны в текст и кратко формулируются в выводах или заключении работы³. Кроме того, как справедливо заметил Поль Рикёр, историк должен обладать особым родом воображения, редким даром приближать нас к историческому прошлому, все время сохраняя историческую дистанцию, точнее – все время создавая в уме читателя представление об удаленности, временную глубину⁴.

Условно все исторические тексты можно разделить на две большие группы: публикации и отчеты. В зависимости от объема и уровня обобщения можно выделить следующие виды публикаций⁵.

1 Монография (индивидуальная или коллективная), которая обычно представляет собой книгу (иногда в несколько томов), где содержится результат полномасштабного и довольно длительного исследования. Монография предполагает довольно большой уровень обобщения и в то же время – глубину, обстоятельность изучаемой проблемы.

¹ Там же. С.130-131.

² Парфенов И. Н. Указ соч. С. 137.

³ Там же.

⁴ Медушевская О. М. Современное зарубежное источниковедение. С. 89.

⁵ См.: Мазур Л. Н. Методы исторического исследования. С. 63-64.

2 Статья – относительно небольшое научное или научно-публицистическое сочинение (10-40 страниц), в котором рассматриваются либо отдельные аспекты исследуемой проблемы, либо относительно небольшие исследовательские задачи. Правда, встречаются и так называемые программные статьи, которые ставят проблему, вызывающую интерес и полемику в научном сообществе. Так, например статья М.М. Громыко «Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций», опубликованная в журнале «Советская этнография»¹, положила начало продуктивной дискуссии на страницах этого журнала на протяжении 1984-1985 гг. Следует отметить, что некоторые статьи, претендующие на звание программных, на самом деле являются провокационными. Poleмика, которая разворачивается вокруг них, чаще всего является выражением возмущения. Наконец, в виде статей публикуются отдельные разделы монографии или диссертации.

3 Тезисы чаще всего представляют собой сжатое и краткое (2-5 стр.) изложение какой-либо идеи, а также основные положения доклада или сообщения. Иногда тезисы не сопровождаются аппаратом ссылок и сносок.

Отчет представляет собой итог научно-исследовательской работы, он более формализован, к нему предъявляются более строгие требования с точки зрения структуры и оформления, нежели к обычным публикациям. Отчет предназначен, прежде всего, для контролирующего органа или лица (научного руководителя, диссертационного совета, научно-исследовательского отдела и т.д.) поэтому обычно сопровождается пометой «на правах рукописи», хотя может быть напечатан довольно большим тиражом (до 100 экземпляров и более). Впрочем, отчет может быть опубликован и в виде статьи или монографии (итоги диссертационного исследования). При этом такие необходимые для отчета разделы, как описание инструментария и методов, детальный анализ источников и литературы, нередко опускаются или сокращаются. Помимо отчета о научно-исследовательской работе в собственном смысле, к этому виду можно отнести курсовые и дипломные работы, диссертации и авторефераты. Отчет обязательно состоит из титульного листа, содержания (плана), введения, основной части (с подразделением на главы, разделы, параграфы и т.п.), заключения, списка источников и литературы, ссылок и примечаний, а также приложений. Особое внимание традиционно уделяется введению, где автор демонстрирует владение навыками научного инструментария и принципами работы профессионала. Более подробная характеристика введения (на примере дипломной работы) дана в приложении.

¹ Громыко М. М. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // Советская этнография. 1984. № 5. С. 70-80.

Структура исторического текста (неважно какого вида) может быть построена либо по хронологическому, либо по проблемно-историческому принципу. В первом случае в каждом разделе последовательно рассматриваются основные этапы явления или процесса в их историко-хронологической последовательности. Этот вариант подходит в большей мере для исследований событийной истории, например «Гражданская война в Зауралье». Вторым вариантом предполагается выделение отдельных аспектов проблемы и рассмотрение каждого из них в отдельном разделе, разумеется, в исторической последовательности. Такой подход уместен при изучении длительных или сложных социальных явлений и процессов. Например, комплексное исследование города может проходить по таким направлениям, как демография, управление, благоустройство и т.д.

Заключение представляет собой отдельный раздел, в котором не просто обобщается материал исследования и подводятся итоги, а подчеркивается, какие поставленные задачи были решены и к каким выводам пришел исследователь. Не может рассматриваться в качестве хорошего заключения, в котором повторяются только выводы разделов или глав.

Важным аспектом написания исторического нарратива является хороший литературный язык. «История не может обойтись без работы литературного свойства, имеющей, конечно, специфические черты особого жанра. Вот почему писание истории всегда будет искусством и трудом. И, возможно также, – удовольствием»¹.

В завершении данного раздела, да и всего труда в целом хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что данное учебное пособие адресовано студентам и магистрантам, которые только овладевают ремеслом историка и становятся самостоятельными исследователями. В ходе этого процесса, как гласит итальянская пословица, не всё может быть объяснено, но многое должно быть понято. И это «многое» трудно уложить в рамки учебника или лекции. Необходим постоянный и деятельный контакт с другими историками и, в частности, с научным руководителем. И здесь уместно привести мысль известного французского историка Р. Маришала, который подчеркивает, что историк овладевает своей профессией не через чтение методических пособий и рекомендаций, а изучая труды других историков, активно участвуя в обсуждениях на семинарах и совместном труде с научным руководителем: «Историком становятся, как кузнецом, работая вместе с патроном»².

¹ Про А. Указ. соч. С. 293.

² Медушевская О. М. Современное зарубежное источниковедение. С. 114.

Приложение А

Как писать дипломную работу. Методические указания по написанию и оформлению дипломной работы¹

Пояснительная записка

Данные методические рекомендации представляют собой, прежде всего, именно рекомендации, то есть практические советы и предложения. Автор не пытался вовлечь студента в пленительный мир теоретико-методологических споров и дискурсов о природе исторического познания и способах изложения исторического нарратива. Задача данной скромной работы тоже скромна – объяснить, как надо готовить, оформлять и защищать историческое сочинение, именуемое дипломной работой. Поэтому здесь предпринята попытка изложить правила написания и оформления дипломной работы достаточно доступно, избегая наукообразных выражений, примечаний и ненужных ссылок, которые более уместны в научных статьях или учебных пособиях.

Рекомендации не претендуют на изложение непреложных истин. У каждого научного руководителя и у каждой кафедры имеются свои методы работы с дипломниками, свои требования к подготовке дипломного сочинения. В случаях расхождения между тем, что здесь сказано, и решениями научного руководителя, автор посоветовал бы исходить из второй альтернативы и не ссылаться на эти рекомендации как безусловный авторитет. Однако её автор пытался суммировать то, с чем в принципе согласно большинство его товарищей по цеху. В основе рекомендаций лежит имеющаяся нормативная база (университетская и факультетская), личные наблюдения автора, советы и замечания коллег. Особую признательность хотелось бы выразить моему научному руководителю и учителю, ныне покойному профессору Н.Ф. Емельянову, который как в личных беседах, так и в письменной форме учил ремеслу историка. Многие его суждения так или иначе присутствуют здесь.

1 Что такое дипломная работа

Дипломная работа – выпускная квалификационная работа (ВКР), в которой студент подробно исследует научную проблему по своей специальности.

¹ Пока данная работа готовилась к изданию, произошли некоторые изменения в порядке оформления выпускных квалификационных работ, поэтому необходимо свериться на выпускающей кафедре относительно новых требований к выпускной квалификационной работе бакалавра, специалиста и магистра.

Она обязательна по итогам образовательной программы и необходима для получения диплома о высшем образовании. В настоящее время ВКР бывают трех видов или уровней: бакалавра, специалиста и магистра. ВКР магистра называется диссертацией. Принципиальной разницы между ними нет, коль скоро они носят итоговый характер и являются показателем владения специальностью. Вместе с тем бакалаврская работа, как правило, меньше по объёму, носит более общий, обзорный характер и свидетельствует о том, что её автор в целом владеет необходимым набором знаний и умений. Это своего рода проба пера.

Вместе с тем официально бакалаврская работа обычно характеризуется как квалификационная комплексная законченная разработка студента, в которой анализируется одна из теоретических либо практических проблем по соответствующему направлению. Бакалаврская работа может основываться на обобщении выполненных курсовых работ.

Объём дипломной работы определяется поставленной целью, характером источников, личной склонностью автора. Четких норм не существует. Считается, что объём дипломной работы бакалавра должен быть 50-60 страниц текста, набранного кеглем 14 через полуторный интервал, а объём работы специалиста 60-80 страниц, магистра – более восьмидесяти страниц. Объём историографических работ обычно несколько меньше, в них много места занимают сноски и библиографические описания

Дипломная работа – своего рода жанр научного сочинения. Как все жанры, она имеет свои правила и условности, о которых речь пойдёт ниже. С этими правилами студент должен успеть познакомиться за время своего обучения в университете, выполняя рефераты, реферативные обзоры и курсовые работы. В отличие от диссертации, которая есть прежде всего проверка академическая, дипломная работа есть проверка профессиональная. Она не претендует в отличие от первой на принципиальную новизну, оригинальность и прохождение научной апробации¹. Вместе с тем она может стать первым и очень важным шагом для продолжения научной деятельности и работы над диссертационным исследованием. Есть старая и довольно распространенная как на Западе, так и в России шутка о том, что хорошо выполненная дипломная работа есть торжественное перенесение костей из одной могилы в другую. Разумеется, эти слова следует понимать именно как шутку, насмешливое отношение к такого рода работам, не носящим самостоятельного характера. Вместе с тем следует признать, что существуют работы компилятивного характера. В той мере, в какой они удовлетворяют всем требованиям к дипломной работе, они и получают оценку «удовлетворительно». Для получения более высокой оценки одного

¹ Эко У. Как написать дипломную работу. М., 2003. С. 11.

умения компилировать источники и составлять библиографические обзоры маловато, о чём буде сказано ниже.

От компиляции следует отличать плагиат, то есть прямое заимствование и присвоение чужого текста. Плагиат не может быть терпим. К плагиату следует также отнести практику «склеивания» дипломной работы из нескольких других дипломных, курсовых, рефератов и т.п. Такая практика тоже недопустима и довольно просто и быстро выявляется даже при не очень внимательном чтении.

2 Выбор темы и научного руководителя

Классический вариант ответа на вопрос: «Как выбрать тему дипломной работы?» звучит так: «Выбор определяется научными интересами студента и актуальностью темы». Это, однако, мало что проясняет. Оптимальным вариантом можно считать тот, когда студент знает некую историческую тему, она ему интересна и он смог найти преподавателя, способного помочь ему в её раскрытии, оказать научно-методическую помощь. Студенты университета нередко выбирают себе тему для дипломной работы с запозданием, на четвертом году обучения. В результате остается мало времени для выявления и сбора материалов, их анализа, оформления нарратива. Это не может не отразиться на качестве дипломного сочинения. Дипломную работу высокого уровня можно написать за несколько дней (или ночей), но для этого надо работать над ней несколько лет.

Зачастую, однако, выбор темы осуществляется другими путями. Студенту может нравиться предмет или манера, в которой преподаватель излагает материал. Есть вечные проблемы, которые не могут не интересовать в 20 лет. Следствием этого интереса являются такие заявки на темы, как «Про ведьм и инквизицию», «Что-нибудь про ниндзя» или «Тайны цивилизации майя». Всё это, вне всякого сомнения, интересно, но что может студент написать принципиально нового в первом случае и где он найдёт подходящие источники во втором и третьем?

По нашему мнению, выбор темы должен определяться следующим:

1 Научными интересами студента, имеющимися у него наработками.

2 Наличием и доступностью источников.

3 Возможностью помощи со стороны квалифицированного научного руководителя.

Несколько подробнее хотелось бы остановиться на последнем пункте. Не стоит подходить к преподавателю с просьбой дать какую-нибудь тему. Во-первых, она так может остаться «какой-то», то есть никакой, практически до

самой защиты. Во-вторых, у научного руководителя могут быть свои склонности и предпочтения, отличные от тех, что имеются у студента. Во всяком случае надо очень обдуманно выбирать руководителя. Прекрасные лекции, хороший характер или то обстоятельство, что тот что-то знает про ниндзя, цивилизацию майя или иное в этом же роде, ещё не означает, что он сможет хорошо направлять работу дипломника.

Можно выделить два основных типа руководителей. Первые дают общий план работы и список основной литературы и отправляют студента в свободное плавание, требуя от него окончательного результата, который будут править и критиковать по всем правилам. Вторые опекают студента, снабжают его книгами, но требуют постоянного отчета, держат на коротком поводке. Поэтому важно определить, какой психологический тип ближе. Поэтому повторим ещё раз: выбор научного руководителя очень важен. Если это не половина успеха, то весьма значительная его часть.

Наличие источников – важнейшее условие, которое нужно иметь в виду, выбирая тему для дипломной работы. Имеются темы, которые хотя и представляют определенный интерес, но не могут быть выполнены в полном объеме из-за того, что по ним отсутствуют архивные материалы, а имеющиеся печатные источники не позволяют раскрыть существо вопроса. Прежде чем остановиться на определенной теме, необходимо выяснить, имеются ли источники, достаточные для написания дипломной работы. Степень освещенности темы в литературе также нельзя не учитывать при выборе темы. Конечно, студенту порой нелегко справиться с темой, по которой совсем нет или имеется очень мало работ в исторической литературе. И все же при достаточной подготовке и желании с помощью научного руководителя такую задачу выполнить можно. Писать дипломную работу по вопросу, который разносторонне освещен в научной литературе, едва ли целесообразно. В этом случае логичнее рассмотреть проблему в историографическом ключе, как будет сказано ниже.

3 Актуальность и новизна работы. Цель и задачи

В советской историографии актуальность исторической темы означала её связь с насущными проблемами настоящего. Подобное упрощённое понимание приводит к двум крайностям: либо к конъюнктуре, либо к обращению к «вечным темам». В настоящее время от такого понимания актуальности стали отказываться. Актуальность не существует сама по себе, как Америка за океаном, на которую надо наткнуться и найти. В настоящее время превалирует мнение, что актуальность конструирует автор. Поэтому важнее её грамотно обосновать.

Поскольку прошлое всегда интересно, можно сказать, что в истории нет неактуальных тем. Долгое время актуальность связывалась с введением в научный оборот нового источника¹. В настоящее время это затруднено, а применительно к дипломной работе бакалавра – практически невозможно. Необходимо обходиться тем, что есть. Существуют темы, которые интересны всегда: падение Рима, инквизиция, Наполеон, причины Русской или Французской революций и т.п. Обращаясь к таким темам, надо подумать, а возможно ли самостоятельное историческое раскрытие их на уровне дипломной работы или целесообразнее остановиться на историографическом анализе.

Выбор темы, её актуальность и степень новизны определяют цель работы. Нередко она в расширенной форме совпадает с темой. Так, целью работы «Аграрные отношения в Южном Зауралье в начале XX века» будет, скорее всего, исследование динамики изменений в аграрных отношениях в связи с Революцией 1905-1907 гг. Не следует формулировать цель слишком детально и многословно: «Проанализировать и исследовать основные формы аграрных отношений в Южном Зауралье к началу XX века и проследить динамику их изменений и трансформаций в связи с Революцией 1905-1907 гг., столыпинскими реформами, переселенческой политикой правительства и развитием кооперативного движения в Западной Сибири». Это тяжело не только прочесть, но и рассказать об этом на 50-70 страницах.

Из поставленной цели вытекают исследовательские задачи, хронологические и территориальные рамки работы. Задач не должно быть много, они не должны дублировать цель и название работы. Целесообразно, чтобы каждая задача решалась в каждом разделе (главе) работы. Таким образом, число задач ограничится тремя-шестью. Подход к постановке задач может быть хронологическим либо проблемно-хронологическим. Первый проще, он, по сути, дублирует формулировку цели, но на отдельном этапе. Так, исследовательские задачи по теме «Политические партии и Революция 1905-1907 гг.» могут быть сформулированы так:

1 Исследовать идеологические и политические предпосылки возникновения политических партий в России в начале XX века.

2 Проследить исторические условия возникновения партий в 1905 г.

3 Рассмотреть стратегию и тактику партий в 1905-1907 гг.

4 Проследить судьбу и роль партий в годы столыпинских реформ.

Можно подойти к постановке задач иначе, рассмотрев каждую из партий на протяжении революции; можно сформулировать задачи, исходя из программных установок партий применительно к основным вопросам революции

¹ Смоленский Н. И. Теория и методология истории. М., 2007. С.19.

(аграрному, рабочему, национальному и т.д.) и их эволюции. Варианты постановки исследовательских задач определяются темой, целью и характером исследования. Так, если изучается повседневная жизнь или рассматриваются процессы большой длительности, не всегда целесообразно ставить задачи по хронологическому принципу.

Хронологические и территориальные рамки определяются темой и целью исследования. Нередко они присутствуют в самом названии работы, как в двух приведенных выше примерах. Однако необходимо эти рамки обосновать. Здесь можно как использовать устоявшиеся стереотипы (революция 1905-1907 гг.), так попытаться дать свою хронологию. Например, для Сибири 1861 год не столь рубежная дата, как для Европейской России. В работе должна присутствовать внутренняя периодизация. Это говорит о способности студента структурировать время, проводить классификацию (периодизация – своего рода классификация), понимать внутреннюю логику событий.

Географические рамки также необходимо определить. Здесь не всегда уместен принцип учета государственных или административных границ. Порой границы региона приходится определять самому. Следует помнить и о смене территориальных границ и подумать, уместна ли такая тема: «Развитие животноводства в Макушинском районе 1903-1985 гг.». Кроме того, нужно помнить и о существующих географических и политических реалиях. Нет в настоящее время Китайской республики или Республики Северная Корея. В первом из приведенных примеров есть либо Китайская Народная республика, либо Тайвань или «так называемая Китайская республика». Во втором случае – Корея Народная-Демократическая республика (КНДР) или Северная Корея. Обращаем внимание, что *в историографических работах* особенно проблемного содержания *территориальные рамки указываются не всегда*.

Наконец, надо остановиться еще на одной проблеме, относительно новой для теории и методологии отечественной исторической науки. Где та грань, что отделяет историю и современность? Долгое время считалась, что предметом исторического исследования могут быть чуть ли не вчерашние события. Пожалуй, такой подход применим для общих курсов типа «История России с древнейших времен до наших дней».

Для конкретного исторического исследования это вряд ли подходит по двум основным причинам. Во-первых, историческое знание носит ретроспективный характер, оно исследует прошлое, которое уже завершено. Это помогает отделить действительно исторически важное от конъюнктуры. Как говорил Талейран, «значимость событий определяется значимостью их последствий». Невозможно определить значимость события, если оно не завершено или последствия еще не проявились. Это прямой путь к конъюнктурщине в худшем

смысле этого слова. Историк уподобляется герою известного стиха: «Утром в газете, вечером в куплете». Во-вторых, историк привязан к источникам. Невозможно писать историю, опираясь только на опубликованные официальные документы или газеты и журналы. В западной историографии в последнее время сложилось мнение (а с легкой руки М. де Серто¹ стало нормой) о том, что тема исследования должна быть удалена от исследователя лет на 20-25. Это позволяет избежать влияния субъективной памяти. Исследования современности должны, пожалуй, принадлежать политологам или социологам.

4 Отыскание материала. Библиография

Сбор материалов для дипломной работы лучше всего начинать с изучения библиографии вопроса, литературы и опубликованных источников. Такой порядок необходим для того, чтобы уяснить себе современное состояние вопроса в науке, установить, какие стороны и разделы темы не освещены в печати или освещены неполно, недостаточно. Без знания этого нельзя будет определить основное направление и содержание работы. Необходимо ознакомиться с основными историографическими школами и объяснениями, которые они предлагают применительно к исследуемой проблеме. Это избавит от необходимости изобретать велосипед.

Приступая к составлению списка необходимых книг и опубликованных источников, можно руководствоваться двумя методами. Первый из них можно назвать каталожным. Он состоит в изучении имеющейся литературы по систематическому каталогу. Полезно заглянуть и в алфавитный каталог. Например, изучая историю культуры русских XVIII-XIX веков нельзя избежать всестороннего исследования трудов М.М. Громыко. Однако её работы могут быть и в разделе истории XIX века, и в разделе истории крестьянства, и в разделе истории Сибири, и в этнографических разделах. Алфавитный каталог позволит посмотреть все имеющиеся книги данного автора.

Второй метод можно назвать методом перекрестных ссылок. Читая книги какого-либо автора, следует обратить внимание на то, каких авторов и какие источники он цитирует. Просмотрев цитируемую литературу, можно обнаружить ещё что-либо интересное, причём то, что не содержится в библиотеке. Это облегчит возможность поиска в других источниках информации, в частности в Интернете.

Изучение литературы лучше начинать с общих работ, а затем переходить к частным работам, статьям. Однако это не универсальный рецепт. Все зависит

¹ Мегилл А. Эпистемология истории. М., 2007. С. 46-48.

во многом от характера темы и наличия литературы. Читая книгу или статью, следует делать выписки в тетрадь или на карточки. Развитие информационных технологий позволяет делать и хранить записи в электронном виде, что весьма удобно. В любом случае необходимо точно указывать выходные данные книги. Неплохо выделять пересказ текста и точную цитату. На конспекте можно сделать тематические записи. Карточки и электронные носители удобны тем, что их можно копировать и хранить в разных разделах, папках и т.п.

При цитировании книги или источника необходимо указывать только те, которые действительно были просмотрены. В противном случае автор диплома может оказаться перед необходимостью отвечать на вопрос: «А Вы действительно читали книгу, на которую ссылаетесь на стр. 45, изданную в Париже в 1675 году? А вы достаточно владеете французским, чтобы её понять? А где Вы имели возможность с названной книгой ознакомиться?» Конечно, развитие компьютерных технологий и интернет позволяют ознакомиться с источниками, которые еще совсем недавно были практически недоступны, появилось огромное множество публикаций оцифрованных источников. Но, тем не менее, гораздо проще и честнее указать именно то издание, по которому приведена цитата, а не ссылаться на источник, название которого видел только в примечаниях.

5. Исторический источник

Историческое знание немыслимо без исторического источника – главного носителя и поставщика информации об историческом прошлом. Со времен школы «Анналов» утвердилось мнение, что историческим источником может быть все. Мы не собираемся углубляться в теоретические тонкости, которые рассматриваются в курсе источниковедения. Главная цель – напомнить приемы классификации, поиска и анализа исторического источника. Исторические источники обычно делят на **четыре типа** (не путать с видами!): письменные, материальные, изобразительно-художественные (картинны, рисунки и т.п.), кино-, видео-, фоно- фото-материалы¹. Иногда изобразительные источники, созданные техническими средствами (кино, фотография), относят ко второму типу. Выделяются также и устные источники, но поскольку они вводятся в научный оборот посредством записи на бумаге или на аудионоситель, то они попадают под один из указанных типов. Более подробно теория и методика с устными источниками рассмотрена в работе П. Томпсона².

Наибольшее значение для историка имеет письменный источник. Как гласит классический текст Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, «История пишется по

¹ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 2003. С. 135.

² Томпсон П. Голос прошлого. Устная история. М., 2003.

документам»¹. Существует устойчивая традиция делить источники на предания и следы, или остатки. Во втором случае имеет место объективная информация в виде остатка от факта, в первом – субъективная в виде информации о нем. Однако любой источник содержит как объективную информацию, так и субъективную трактовку автора, а также сведения о самом авторе.

Историку необходимо классифицировать письменные источники, знать, какую типовую информацию они могут содержать. Критический разбор источников, классификация их, оценка информационной ценности является необходимым элементом введения и показателем умения историка работать с источниками. Существует множество классификаций исторических источников. Наиболее распространено деление по их форме, виду². Здесь можно выделить следующие виды: летописи и хроники; законодательные акты; парламентские документы; актовый материал, делопроизводственные и административные документы; статистику, публицистику; периодику; источники личного происхождения (мемуары, записки, письма, дневники); художественную литературу. В зависимости от времени, темы и предмета исследования возрастает роль того или иного источника. Поскольку источник информационно неисчерпаем, то необходимую информацию можно обнаружить и в источнике, который кажется второстепенным или незначительным.

Источники делятся на первичные и вторичные. Особую ценность представляют первые, поскольку несут целостную информацию. За некоторым исключением (например, мемуары) они находятся в архивах. Вторичные источники содержат обработанную информацию. Это может быть хрестоматия и сборник документов, в котором не только произведен намеренный отбор документов, некоторые из них представлены в извлечениях. Особенно этим грешат хрестоматии советских времен, которые продолжают перепечатываться.

Нередко документы или пересказы их встречаются в научной литературе. В таком случае мы имеем дело со вторичными источниками. Некоторые авторы причисляют ко вторичным источникам даже переводы. Последнее, скорее всего, является крайностью. Конечно, лучше всего читать документ в оригинале, но могут ли физически современные российские студенты читать на латыни, средневековом французском или на современном японском, даже если и есть оригинальный текст? Цитирования источников по монографиям лучше избегать, но это честнее, чем ссылаться на источники, которые не использовал. Особо следует оговориться, что источником для *историографических* работ являются исторические труды. В данном случае они первичный источник.

¹ Ланглау Ш. В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. М., 2004. С. 49.

² Мнухина Р. С. Источниковедение истории нового и новейшего времени. М., 1970. С. 7.

В настоящее время почти все архивы неплохо систематизированы и имеют справочники, путеводители и каталоги. Многие документы датированы и описаны. Поэтому проблема внешней критики, которая так волновала исследователей XIX в., так остро уже не стоит. Работая в архиве, следует придерживаться тех же принципов, что и в библиотеке – указывать выходные данные цитаты. Особо следует выделять для себя прямую цитату и свой пересказ текста.

Для облегчения работы с архивными материалами существуют справочники по архивам и путеводитель по конкретному архиву. Последний содержит перечень фондов с очень краткой аннотацией. Более подробная информация относительно имеющихся дел содержится в описи фонда. Небольшие фонды содержат одну опись и несколько дел, более крупные несколько описей, а дела могут исчисляться десятками и даже сотнями.

В архивных документах указывается фонд (как правило, только номер, но неплохо во ведении указать название и его информационную ценность), опись, дело (или единица хранения), лист (иногда указывается оборот). Все ссылки даются в сокращенной форме. Например: Ф. И-25. Оп. 1. Д. 8. Л. 19 и об. Собранный материал следует расположить по некоей схеме, иногда лучше продублировать нужный документ и положить в нужные разделы, чем искать по всем выпискам.

В классической историографии эпохи позитивизма считалось, что сначала идет процесс сбора и классификации материала, а затем его анализ и обработка¹. Более современные подходы отказались от такой схемы, поскольку автор имеет хотя бы черновой план, да и поиск документов целенаправлен.

6 Обработка материала

Обработка материала включает в себя несколько операций. Самая простая схема такова: источники анализируются (то есть разлагаются на составляющие), выявляются и/или конструируются факты, с опорой на них происходит исторический синтез. После построения рабочей гипотезы она вербализируется в исторический текст. Французский историк А. Монэн обращает внимание на то, что процесс работы историка в общем-то единообразен и включает пять этапов: общий план работы и постановка исследовательских задач; анализ, содержащий изучение и критику источников, с помощью которых он изображает каждый отдельный факт; синтез, который устанавливает связи между фактами;

¹ Ланглуа Ш. В., Сеньобос Ш. Указ соч. С. 49, 198-199.

объяснение и оценка изображаемых событий; текстуальное оформление результатов исследования¹.

Когда обработка материала завершена и имеются объяснения установленных фактов, можно приступать к написанию чернового варианта работы. Есть два основных варианта. В первом случае работа представляется научному руководителю по завершённым частям (главам, разделам), во втором – в целом и завершённом виде. Последний вариант предпочтительнее, хотя путь определяет автор работы и его научный руководитель. Не следует опасаться, если руководитель перечеркает многое в проекте и выскажет концептуальные замечания. Гораздо опаснее, если правка сведется к исправлению орфографических и стилистических ошибок. Особо следует уделить внимание введению, как будет показано ниже.

7. Оформление дипломной работы

Дипломная работа является жанром научной работы. В этом качестве она должна содержать обязательные элементы и пройти некоторые стадии научной проверки. В соответствии с действующим в настоящее время Положением о дипломной работе и локальными нормами исторического факультета дипломная работа должна содержать следующее:

1 Титульный лист с указанием места выполнения работы и кафедры, темы, автора, научного руководителя, зав. кафедрой, города и года написания. Обращаем внимание на то, ***что тема на титульном листе должна полностью совпадать с темой, зафиксированной в приказе***, на основании которого производится допуск к защите.

2 Содержание работы (то есть её план). Обращаем внимание на то, ***названия разделов, указанные в содержании, должны полностью совпадать с теми, что содержатся в тексте работы***. Названия разделов не должны дублировать друг друга и название дипломной работы.

3 Основная часть в соответствии с содержанием, с разделением на главы, параграфы и т.п.

4 Заключение, в котором содержатся основные выводы.

5 Список использованных источников и литературы в алфавитном порядке.

6 Приложения, куда целесообразно поместить иллюстрации, отрывки из документов, таблицы и схемы, особенно если их много, чтобы они не загромождали основной текст. Приложения не включаются в общее число страниц и могут быть довольно объёмными.

¹ Коломийцев В. Ф. Методология истории (от источника к исследованию). М., 2001. С. 37-38.

Кроме того, к дипломной работе прилагаются план-задание, в котором содержатся рекомендации кафедры о возможности допуска к защите с визами декана, зав. кафедрой и научного руководителя, отзыв научного руководителя и внешняя рецензия (не требуется для бакалаврской работы).

Большую роль имеет введение. Его задача – ввести читателя в тему, объяснить основные термины, показать владение научным инструментарием историка. Хорошее введение должно дать общее, но полное представление о содержании работы. Считается, что объём его должен составлять 10-15% от общего содержания работы, хотя чётких нормативов по этому поводу нет. Введение обязательно должно содержать несколько разделов.

1 Актуальность. Дается самое общее представление о теме, объясняются основные понятия, осуществляется постановка проблемы, обосновывается научный интерес к данной проблеме исследователя, показывается, почему она должна заинтересовать и других историков. Объём – 1-1,5 страниц.

2 Степень изученности. Показана историография проблемы в исторической последовательности, показано, что уже достигнуто, а что осталось за пределами внимания исследователей. Здесь допустимо указать и общие труды, и конкретные исследования в виде монографий и статей. Объём – около 2 страниц.

3 Источниковая база. В этом разделе дается общая характеристика источников, отмечена информационная ценность каждого из них, указано, какие аспекты недостаточно освещены, показаны сильные и слабые стороны, дана классификация источников. Как правило, вначале идут архивные, затем опубликованные источники обычно в той последовательности, что указана выше в разделе «исторический источник». Напоминаем, что два-три извлечения из документов, опубликованных в хрестоматии, едва ли можно назвать историческим источником, а саму работу – исторической. После историографического и источниковедческого очерка делается переход к постановке цели, задач, предмета и объекта исследования. Однако данный подход не является общепринятым. Иногда цель ставится сразу после обоснования актуальности. ***Единого рецепта здесь нет, и следует полагаться на совет научного руководителя.***

4 Цель и задачи. Определяются исходя из темы, более подробно об этом говорилось выше.

5 Объект и предмет исследования. В определении объекта и предмета исследования существует много подходов, ведутся споры. В большинстве случаев отечественные историки склоняются к точке зрения академика И.Д. Ковальченко, который под объектом понимал всю совокупность явлений общественной жизни на протяжении всей истории общества, а под предметом – конкретный её аспект, попавший в поле зрения исследователя. Предмет выделяется са-

мим исследователем¹. Например, объектом исследования выступает британский реформизм, а в качестве предмета выделена политика «демократического туризма», проводимая Б. Дизраэли.

6 Новизна и практическая значимость. В данном разделе показано, что нового внес автор в изучение проблемы, отмечено какое практическое применение она может иметь. Как правило, материал, собранный в дипломной работе может пригодиться в школе или для углубленного преподавания предмета в вузе на спецкурсе.

7. Принципы и методы исследования, теоретико-методологическая база. В советское время это был ритуальный раздел, в котором провозглашалась верность принципам историзма, партийности и объективности, а также диалектическому методу и историческому материализму вообще. Последствия этого можно обнаружить и сегодня. Более правильно указать, каких принципов будет придерживаться автор (историзма, объективности, системности и т.д.), то есть на каком «языке» он будет говорить с комиссией. Если он будет придерживаться принципа субъективного солипсизма или ненаучной эклектики, разговор едва ли получится. Автор может также указать, какой исторической или философской традиции он придерживается, подходы какого автора он разделяет. Например, он следует историографической традиции «Анналов» или исходит из концепции М.М. Громыко о роли русской крестьянской общины в XIX веке.

8 Методы – инструментарий историка. Он использует как общенаучные, так и методы исторического исследования. Подробные описание и анализ возможностей использования дан в работе академика И.Д. Ковальченко². Обычно упоминаются исторический (историко-генетический, описательный), сравнительный (компаративистский), историко-типологический, историко-системный методы, методы синхронии и диахронии. Если применялись методы и методики других наук (математики, статистики, социологии, лингвистики), это тоже стоит отметить.

9 Территориальные и хронологические рамки исследования определены нередко самой темой. Их нужно лишь обосновать или привести в подтверждение уже устоявшееся мнение. Более подробно об этом говорилось выше. В *историографических исследованиях* территориальные рамки, как правило, *не указываются*.

10 Апробация. Если автор выступал с темой дипломной работы на научных, научно-практических конференциях и/или имеет публикации, необходимо это отметить.

¹ Ковальченко И. Д. Указ. соч. С. 55-56. Там же даны и иные подходы. С. 56-62.

² Там же. С. 151-207.

11 Структура работы. Кратко указывается количество разделов, объясняется логика построения работы.

Ещё раз *обращаем внимание на то, что указанные составляющие введения обязательны, но предложенная последовательность – нет, она может определяться автором, его научным руководителем и выпускающей кафедрой.*

Текст дипломной работы пишется стилем, который называется научно-публицистическим. Он позволяет последовательно рассказать о событиях или явлениях, описать их, объяснить причинно-следственные связи. Следует избегать «научообразия», слов и терминов, смысл которых неясен. Если же вводится термин, неизвестный за пределами узкого круга, его следует объяснить.

Поскольку у исторической науки почти нет своего категориального аппарата, она использует общеупотребительные термины (царь, правительство, система) или термины других наук (формация, страта). Нередко используются устаревшие слова, которые желательно объяснить (вервь, бальи, фелония, баналитет). Очень важно помнить, что многие слова многозначны или меняют свое значение в зависимости от времени. Например, буржуа в средние века, в экономической истории капитализма и у французских писателей классической эпохи – это совершенно разные понятия. Это же замечание вполне применимо и к термину «феодализм» (социально-экономический строй, исторический период, система социальных отношений и т.д.), а также и ко многим другим историческим понятиям.

При написании работы не следует соревноваться с Марселем Прустом или Л.Н. Толстым в длине предложений. Если не ясно, какой знак препинания поставить, лучше всего поставить точку. Желательно в тексте работы не говорить о себе в первом лице или, по крайней мере, не использовать местоимение «я». Лучше всего использовать безличные обороты или страдательный залог: «Как уже было отмечено в данной работе», «На основании этого можно прийти к выводу» и т.п.

В тех случаях, когда работа пишется по зарубежной истории, следует помнить о транслитерации, то есть о передаче иностранных слов русскими буквами. Особенно следует обратить внимание на английские и французские тексты, тем более что в этих случаях имеются определенные правила. Некоторые имена и фамилия пишутся по устоявшейся традиции: Вашингтон, а не Уошингтон, Веллингтон, а не Уэллингтон, Ришелье, а не Ришельё. Это же правило относится и к именам королей и правителей. Как правило, они передаются в латинизированной форме: Карл Второй (не Шарль или Чарльз), Вильгельм Завоеватель (не Уильям или Гильом), Людовик Святой (не Луи и не Льюис). Во всех остальных случаях имена собственные передаются максимально близко с фоне-

тической точки зрения. Считаем долгом обратить внимание на некоторые детали при передаче личных имен. Так, Жюльен – это имя, жульен – кушанье. Sceaux – это город около Парижа и писать его по-русски надо как Со, а вот Garde des Sceaux – это министр юстиции Франции, буквально: хранитель печати. Как только не коверкали титул министра иностранных дел лорда Castelreagh! Более правильно передавать его как лорд Каслри. В спорных случаях лучше обратиться к специалисту или привести сложную для транслитерации фамилию в скобках на языке оригинала. Кстати, так же следует поступать при переводе источника или книги с иностранного языка, когда слово не совсем понятно или вы переводите не буквально.

Следует проявлять осторожность к сокращениями и аббревиатурам. Общеупотребительные сокращения знают все и расшифровывать их не надо. Но сокращения, известные только узкому кругу, надо обязательно раскрывать и объяснять, причём лучше сделать это дважды: первый раз, когда вводится сокращение, второй раз в специальном списке сокращений, который помещается в конце работы перед приложением. Если аббревиатура употребляется два-три раза, то в список сокращений её можно не помещать. В этот же список желательно поместить названия архивов, журналов, газет. Это избавит от необходимости дать расшифровку в списке литературы и источников. Например, ГАКО – это Государственный архив Курганской области, СЭ – журнал «Советская этнография». Надо помнить, какого грамматического рода сокращения. Это зависит от его полной формы. Так, ФРГ и КНР женского рода, МРП (Народно-республиканское движение), ФБР и ЦРУ – среднего, РГАДА (Российский государственный архив древних актов) и ГАКО – мужского, а США – вообще множественного числа. Эти мелочи нередко встречаются и в дипломной работе, и в докладе и заметно портят впечатление.

Историческое сочинение научного характера немислимо без примечаний, ссылок и сносок. Необходимо всегда указывать источник, когда приводятся цифры или цитаты, даётся чья-то характеристика. Примечания делаются тремя основными способами. Во-первых, это сноска внизу страницы, как в данных рекомендациях. Во-вторых, ссылки оформляются в виде сплошного списка в конце текста, как правило, по разделам. Наконец, допустимо отсылать к списку источников литературы посредством примечаний в скобках в виде двух чисел. Например, в [12, с. 45], что означает № 12 в списке источников и литературы и страницу 45. Способ неудобен, когда используется множество архивных документов, но позволяет экономить бумагу. Описание источников и литературы дается по установленным стандартам. О правилах оформления архивного материала говорилось выше. При оформлении литературы лучше использовать краткий вариант описания: автор, полное название, место, год издания, страни-

цу. Например: Ковальченко. И. Д. Методы исторического исследования. М., 2003. С. 45. Обращаем внимание, что названия городов Москвы, Ленинграда, Санкт-Петербурга всегда сокращаются до одной первой буквы. В последнем случае – СПб. Это же правило применимо и к литературе на иностранных языках: сокращаются Лондон, Париж, Нью-Йорк, некоторые другие города и издательства университетов. Полное название дается лишь в первый раз, затем применимо сокращение «Там же» и «Указ. соч.», Ibid., Op. cit. в иностранных издательствах соответственно. Страницы обозначаются литерой «Р.», а тома в английском варианте литерой «V.», во французском – «Т.». В более сложных случаях следует спросить у специалиста. ***Не следует загромождать текст сносками***, это создаёт сомнения в самостоятельности работы, однако и ***работа без примечаний выглядит малоубедительно и ненаучно***.

Ссылки на Библию и античных классиков обычно оформляются несколько иначе. Не принято указывать страницу, а указывается книга, глава и стих или параграф. Так, Быт. 2:4 – это Книга Бытия глава 2, стих второй, Ин. 4:15 – Евангелие от Иоанна, глава 4, стих пятнадцатый. Такие же правила применяются к латинским классикам, ***когда они цитируются в оригинале***: Hor. Od. III, 30, 1; Cic. 1 Cat. I, 2. В первом случае речь идет об оде Горация, книге третьей, оде 30, стихе 1 – «Exegi monumentum» («Я воздвиг памятник»), во втором о первой речи Цицерона против Катилины «O tempora! O mores!» («О времена! О нравы!»). Поскольку современные студенты редко знают латынь настолько хорошо, чтобы свободно цитировать на ней античных авторов, лучше так цитаты не оформлять, а идти обычным путём.

Если есть ссылки на несколько книг одного автора, то полное название пишется только в первый раз, затем его можно сокращать до двух-трёх слов и не указывать год и место издательства. Статьи в журналах, хрестоматиях, различных сборниках и антологиях указываются через знак «//», в журнале указывается год и номер, в сборнике – год и место издательства. Правила оформления в других случаях можно выяснить в библиотеке или у научного руководителя. Кроме того, на кафедрах имеются ГОСТы оформления печатной продукции.

8 Подготовка к защите дипломной работы.

Защита дипломной работы

Успешная защита складывается из трёх составляющих: научного исследования, его оформления в виде текста и умения его изложить, ответив на вопросы и замечания. защите предшествует достаточно длительный подготовительный период, все этапы которого должны быть пройдены успешно и, что не менее важно, – вовремя.

Дипломная работа выполняется на кафедре, которая называется выпускающей. В настоящее время таких кафедр на историческом факультете три: отечественной истории и документоведения, всемирной истории и историографии, культурологии. Тематика диплома определяется исходя из проблематики кафедры и работающих на ней преподавателей, которые, как правило, должны иметь ученую степень.

Тема работы определяется приказом ректора. Проект приказа готовит выпускающая кафедра на основании заявления студента, в котором он определяет тему и выбирает научного руководителя, а также решения кафедры, которая рассматривает темы магистерских, дипломных и бакалаврских работ. Проект приказа готовится заранее и сроки следует уточнить на выпускающей кафедре и в деканате. Ещё раз напоминаем, что **тема дипломной работы формулируется так же, как и в приказе ректора, изменения допускаются в исключительных случаях и не позднее, чем за месяц до срока защиты**. Необходимо тщательно продумать и выверить тему на предварительной стадии. После этого дипломник получает задание к дипломной работе по установленному образцу, а по окончании государственных экзаменов – задание на преддипломную практику, по итогам которой он представляет отчет, который подшивается к дипломной работе.

Когда тема дипломного сочинения утверждена кафедрой, нужно распланировать время работы над ним. Сроки студент устанавливает сам, исходя из конкретных условий и индивидуальных особенностей. Возможно, что в ходе работы программа исследования может измениться, но при этом одно условие является обязательным: дипломное сочинение должно быть представлено в срок, установленный факультетом. При составлении календарного плана особенно существенным моментом является усвоение логической последовательности, очередности выполнения этапов работы. Когда студенты пренебрегают планированием, они часто не могут представить дипломный план, который поможет организовать работу, подчинит ее определенному порядку, срокам, а также даст возможность научному руководителю следить за ходом работы, оказывать содействие студенту и контролировать выполнение дипломного сочинения на всех этапах его написания.

Дипломная работа **обязательно** должна пройти предварительную защиту на кафедре, получение отзыва и рецензии (бакалаврские работы не рецензируются), защиту в государственной экзаменационной комиссии. Процедура и сроки предзащиты устанавливаются выпускающей кафедрой, но не позднее, чем за две недели (бакалаврская – за неделю) до срока защиты. На предзащиту студент представляет все материалы, на основании чего кафедра (кафедральная комиссия) принимает решение о соответствии предъявляемым требованиям и воз-

возможности допуска к защите в Государственную экзаменационную комиссию (ГЭК), что оформляется в протокол и записывается в задание на дипломную работу, подписывается зав. кафедрой и научным руководителем. Отрицательное решение кафедры (комиссии) не является препятствием для защиты, но должно учитываться ГЭК.

К работе, как уже отмечалось, прилагается рецензия. Это внешний (то есть не с той кафедры, на которой выполнена работа) отзыв, выполненный специалистом по исследуемой теме. Весьма важно, чтобы рецензент был именно специалистом. В этом случае он укажет на промахи, которые можно устранить до защиты и написания окончательной рецензии, может дать практические советы, а рецензия не будет состоять из общих фраз и ничего не значащих замечаний, на которые не знаешь, что и ответить. Замечания, высказанные в окончательном варианте рецензии, не могут служить поводом для внесения изменений в дипломную работу. Всякое изменение, за исключением, может быть, очевидных опечаток и опечаток, в работу после рецензирования не вносится. Еще раз обращаем внимание на то, ***что работа, не прошедшая предзащиту на кафедре, не имеющая отзыва научного руководителя и внешней рецензии, к защите не допускается.***

Защита работы носит ***открытый характер*** и состоит из нескольких этапов. Прежде всего, это доклад студента по теме работы, который должен занимать 7-10 минут. В нем кратко обосновывается тема, источники, хронологические и территориальные рамки, даётся обзор литературы, демонстрируется научный инструментарий, посредством которого достигнута цель работы, приводится резюме основной части работы. Имеет место тенденция сводить доклад к зачитыванию введения, что неверно, так как введение можно успеть просмотреть за время защиты, но при этом о содержании самой работы ничего не узнать. Это приводит к дополнительным вопросам и потере времени. В ходе доклада студент может использовать необходимые технические средства, демонстрировать иллюстрации, схемы и графики, что только повышает доказательность и наглядность защиты.

По завершении доклада члены ГЭК могут задавать вопросы. С разрешения председателя вопросы могут задавать в порядке исключения и присутствующие. Отвечая на вопросы, следует помнить, что члены комиссии желают уточнить некоторые моменты, проверить знания по теме, уяснить степень самостоятельности работы. Встречаются вопросы, уместные скорее на экзамене, чем на защите. Если трудно дать ответ на такой вопрос, разумнее всего сослаться к тексту работы или просто отказаться отвечать на вопрос: студент не обязан помнить всё по своей теме. По завершении вопросов выступают рецензент и научный руководитель. Если они отсутствуют, то рецензию и отзыв за-

читывает председатель ГЭК. Студент отвечает на замечания рецензента, причем он должен быть ознакомлен с рецензией до защиты.

В заключении защиты он может сказать несколько слов по её итогам. При таком темпе процедура защиты занимает 20-30 минут. Не следует опасаться, если защита вызвала много вопросов. Это нормально для научной дискуссии и, скорее всего, является показателем того, что проблема заинтересовала слушающих, а студент может надеяться на хорошую оценку своей работы. В завершении защиты комиссия выставляет оценки по четырехбалльной шкале («неудовлетворительно», «удовлетворительно», «хорошо», «отлично») в закрытом режиме, а затем оглашает результат. Дипломная работа может являться основой для продолжения научной деятельности. Комиссия может рекомендовать её автора для поступления в аспирантуру.

Список литературы

- 1 Ерофеев Н. А. Что такое история. М., 1976.
- 2 Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 2003.
- 3 Мазур Л. Н. Методы исторического исследования. Екатеринбург, 2010.
- 4 Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000.
- 5 Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. М., 2004.
- 6 Савельева И. М., Полетаев А. В. Теория исторического знания : учебное пособие для вузов. СПб., 2007.
- 7 Тош Дж. Стремление к истине: Как овладеть мастерством историка. М., 2000.

Учебное издание

Менщиков Игорь Самуилович

ВВЕДЕНИЕ В МЕТОДОЛОГИЮ ИСТОРИИ

Учебное пособие

Редактор О.Г. Арефьева

Подписано в печать 18.06.15	Формат 60х84 1/16	Бумага 80 г/м ²
Печать цифровая	Усл.печ.л. 13,0	Уч.-изд.л 13,0
Заказ № 134	Тираж 50	Цена свободная

Редакционно-издательский центр КГУ.
640000, г. Курган, ул. Советская, 63/4.
Курганский государственный университет.